

ЗВЕЗДЫ МИРОВОГО ДЕТЕКТИВА

ЖАН-КРИСТОФ ГРАНЖЕ

ПРИСЯГНУВШИЕ ТЬМЕ

ГРАНЖЕ ДЕРЖИТ ЧИТАТЕЛЕЙ В НАПРЯЖЕНИИ НА ВСЕМ ПРОТЯЖЕНИИ
ДИСТАНЦИИ, КОТОРУЮ ЕГО НЕВЕРОЯТНО ПРИВЛЕКАТЕЛЬНЫЕ ГЕРОИ
ПРЕОДОЛЕВАЮТ НАПЕРЕГОНКИ СО СМЕРТЬЮ.

L'Express

ИЗДАТЕЛЬСТВО «АЗБУКА»

Звезды мирового детектива

Жан-Кристоф Гранже

Присягнувшие Тьме

«Азбука-Аттикус»

Гранже Ж.

Присягнувшие Тьме / Ж. Гранже — «Азбука-Аттикус»,
— (Звезды мирового детектива)

ISBN 978-5-389-03813-4

Сотрудник уголовного розыска Матье Дюрей узнает, что его лучший друг Люк, тоже полицейский, пытался покончить с собой. Вскоре Дюрей выясняет, что Люк тайно расследовал серию убийств, совершенных в разных уголках Европы. Убийцы неизвестным способом управляют процессами разложения трупов, к тому же их преступления объединяет сатанинская символика. В прошлом все убийцы пережили клиническую смерть или кому. Шаг за шагом Матье открывает невероятную истину: преступники служат дьяволу, вернувшему их к жизни.

ISBN 978-5-389-03813-4

© Гранже Ж.
© Азбука-Аттикус

Содержание

I		5
	1	5
	2	9
	3	12
	4	17
	5	20
	6	24
	7	27
	8	30
	9	34
	10	38
	11	41
	12	45
	13	50
	14	56
	15	60
	16	66
	17	69
	18	72
	19	76
	20	80
	21	83
	22	86
	23	90
	24	94
	25	97
II		101
	26	101
	27	104
	28	107
	Конец ознакомительного фрагмента.	108

Жан-Кристоф Гранже

Присягнувшие Тьме

Посвящается Лоранс и нашим детям

I

Матье

1

– Между жизнью и смертью.

Эрик Свендсен обожал изъясняться афоризмами, и за это я его ненавидел. Во всяком случае, сегодня. По-моему, судмедэксперт должен просто излагать факты – точно, строго по делу, и баста. Но швед не умел сдерживаться: он не говорил, а вещал, отгачивая каждую фразу...

– Очнется Люк с минуты на минуту, – сказал он. – Или не очнется никогда. Тело функционирует, но мозг практически умер. Он сейчас где-то между этим миром и тем.

Я сидел в холле отделения реанимации. Свендсен стоял спиной к окну.

– Где же это все-таки случилось? – спросил я.

– В его загородном доме, возле Шартра.

– А почему его привезли сюда?

– В Шартре его оставить не могли – там нет нужного оборудования для реанимации.

– Но почему именно сюда, в Отель-Дье?

– Они решили, что так будет лучше. В конце концов, Отель-Дье – это ведь госпиталь для легавых.

Я сжался в кресле. Ни дать ни взять олимпийский пловец, готовый к прыжку. Из-за двойных закрытых дверей просачивался запах антисептика, особенно тошнотворный в жаркой духоте помещения. В голове у меня теснились вопросы.

– Кто его нашел?

– Садовник. Углядел тело в реке, рядом с домом, и вытащил на берег. Это было в восемь утра. Хорошо еще, что там Служба спасения близко. Вовремя подоспели.

Я видел эту картину очень живо. Дом в Верне, лужайка, за ней поле, речушка с берегами, поросшими высокой травой, густой кустарник на границе участка. Сколько выходных я там провел...

И тогда я произнес слово, которого все избегали:

– Кто сказал, что это самоубийство?

– Ребята из Службы спасения. Они составляли протокол.

– А почему не несчастный случай?

– К телу был привязан груз.

Я поднял глаза. Свендсен развел руками в знак сожаления. На фоне окна его силуэт казался вырезанным из черной бумаги. Изящная фигура, курчавая шевелюра, круглая как шар.

– У Люка к поясу проволокой были прикручены куски строительных блоков. Наподобие спасательного пояса.

– Может, убийство?

– Брось, Мат. Тогда бы его нашли с тремя пулями в башке. А там никаких следов насилия. Он нырнул сам, и ничего с этим не поделаешь.

Я подумал о Вирджинии Вулф, которая бросилась в реку, насовав в карманы камней. Это было в Англии, в Сассексе. Свендсен был прав, и доказательством тому служило само место происхождения. Любой другой полицейский из уголовки пустил бы себе пулю в лоб из табельного оружия. Но Люк любил церемониал, символические места. Ферма в Верне, которую он с великими трудами выкупил, отремонтировал и обставил, как раз и была одним из таких мест. Настоящее святилище.

Судебный врач положил мне руку на плечо:

– Он не первый полицейский, который свел счеты с жизнью. Вы все ходите по краю пропасти...

Опять высокопарная болтовня: я ее уже не слушал. Вспомнил статистику: только за прошлый год во Франции застрелились почти сто полицейских. Похоже, в наши дни самоубийство становится привычным способом завершить карьеру.

Мне показалось, что в коридоре стало еще темнее. Нестерпимо воняло эфиром, от жары было нечем дышать. Когда же я в последний раз разговаривал с Люком? Вот уже несколько месяцев, как мы и словом не перемолвились. Я посмотрел на Свендсена:

– А ты-то как тут оказался?

Он пожал плечами.

– Мне на набережную Рапе¹ принесли покойника. Громилу во время ограбления хватил удар. Парни, которые его привезли, как раз ехали из Отель-Дье. Они мне и рассказали про Люка. Я все бросил и примчался сюда. В конце концов, мои клиенты могут и подождать.

У меня в ушах эхом зазвучали слова Фуко, моего старшего помощника, позвонившего час назад: «Похоже, Люку крышка!» В голове застучало от боли.

Я внимательно оглядел Свендсена. Без белого халата он казался каким-то ненастоящим. Но это, конечно, был он: маленький крючковатый нос, очки в тонкой оправе, закошенные под пенсне. Врач мертвых. Что ему делать у постели Люка? Не к добру это!

Распахнулась двойная служебная дверь, и на пороге возникла коренастая фигура врача в помятой зеленой робе. Я сразу его узнал: Кристоф Буржуа, анестезиолог-реаниматолог. Два года назад он пытался спасти одного сутенера с шизоидными наклонностями, который во время облавы на улице Кюстин, в Восемнадцатом округе, открыл беспорядочную стрельбу. Он успел уложить двух полицейских, пока ему в спинной мозг не впилась пуля 45-го калибра. Пулю выпустил я.

Я встал и шагнул ему навстречу. Он нахмурился:

– Мы знакомы?

– Матье Дюрей из уголовки. Дело Бенцани, март 2000 года. Отморозок с пулевым ранением, тут у вас и скончался. Потом мы еще раз виделись в суде, в Кретее. В прошлом году, на заочном процессе...

Он махнул рукой, словно говоря: «Через меня их столько прошло...» У него были густые седые волосы, которые его совсем не старили, а наоборот, свидетельствовали о жизненной силе и добавляли ему привлекательности. Он бросил беглый взгляд на дверь реанимации.

– Вы насчет полицейского в коме?

– Люк Субейра – мой лучший друг.

Он сморщился, как будто услышал еще одну дурную новость.

– Он выкарабкается?

Врач возился с завязками робы, закрепленными на спине.

– Чудо уже то, что у него заработало сердце, – вздохнул он. – Когда его выловили, он был мертв.

– Вы хотите сказать...

¹ Институт судебной медицины.

– Клиническая смерть. Не будь вода такой холодной, мы ничего не могли бы сделать. А так организм находился в условиях гипотермии, что замедлило проникновение воды в ткани. Ребята из Шартра оказались на редкость находчивыми. Они попытались сделать невозможное – разогрели ему кровь. И это сработало. Настоящее воскрешение.

– Как вы сказали?

Свендсен, торчавший поблизости, тут же встрял в разговор:

– Я тебе объясню...

Я едва не сжег его взглядом. Врач посмотрел на часы:

– Мне правда надо идти...

И тут меня прорвало:

– За этими дверьми погибает мой лучший друг, и я хочу знать, что с ним!

– Прошу меня простить, – улыбнулся врач, – диагноз еще не до конца ясен. Мы проводим тесты, чтобы понять, насколько глубоко он погружен в кому.

– А физическое состояние?

– Жизнь к нему вернулась, но беда в том, что мы не можем его разбудить... И даже если он очнется, неизвестно, каким он станет. Все зависит от того, насколько поврежден мозг. Поймите, ваш друг вернулся с того света. Его мозг подвергся кислородному голоданию, что не могло не вызвать разрушений.

– Но ведь кома бывает разная?

– Да, вы правы. Есть вегетативное состояние, когда пациент реагирует на некоторые раздражители, и настоящая кома, то есть полное отключение. Похоже, ваш друг – где-то посередине. Вам лучше поговорить с Эриком Тюилье, он невропатолог. (Я записал имя в блокнот.) Это он сейчас проводит тесты. Договоритесь с ним о встрече на завтра.

Он снова взглянул на часы и добавил уже тише:

– И вот еще что... Я не стал спрашивать у его жены, но... Ваш друг принимал наркотики?

– Конечно нет! С чего вы взяли?

– На сгибе локтя у него следы от уколов.

– Может, ему кололи какое-то лекарство?

– Жена говорит, что нет. Она в этом совершенно уверена.

Врач, наконец, стянул с себя робу и протянул мне руку:

– Мне действительно пора идти. Меня ждут в другом отделении.

Я пожал ему руку в ответ, и тут двери снова раскрылись. На пороге стояла Лора, жена Люка, в бумажном халате и надвинутой на лоб медицинской шапочке. Она пыталась сделать шаг, но ноги ее не держали. Я бросился к ней. Она резко отстранилась, словно испугавшись – то ли моего голоса, то ли одного моего вида. Она посмотрела на меня холодным и ничего не выражающим взглядом.

– Лора! Если тебе что-нибудь нужно, ты только скажи...

Она отрицательно качнула головой. Лора никогда не была красавицей, а сейчас и вовсе напоминала привидение.

– Вчера вечером, – торопливо заговорила она, – он сказал, чтобы мы уезжали без него. А он пока останется в Верне. Не знаю, что там случилось... Ничего не знаю...

Ее шепот перешел в бессвязное бормотание. Мне хотелось ее обнять, успокоить, но я не мог решиться на подобную фамильярность. Ни теперь, ни раньше. На всякий случай я сказал:

– Он выкарабкается, я уверен. Мы...

Она смерила меня ледяным взглядом. Глаза ее враждебно сверкнули.

– Это все ваша работа! Ваша гребаная работа!

– Не говори так. Это...

Я не успел договорить, потому что Лора разрыдалась. Мне снова захотелось ее утешить, и снова я не посмел к ней прикоснуться. Опустив глаза, я заметил, что под халатом на ней пальто, застегнутое вкривь и вкось. Я почувствовал, что и сам сейчас заплачу.

Она высморкалась и прошептала:

– Я пойду... Меня девочки ждут...

– Где они сейчас?

– В школе. Я их оставила на продленке.

В ушах у меня шумело, наши с Лорой голоса звучали как сквозь вату.

– Отвезти тебя?

– Я на машине.

Она снова принялась сморкаться, а я все никак не мог отвести от нее взгляда. Выступающие, как у кролика, передние зубы, узкое лицо в обрамлении подернутых сединой кудряшек, похожих на пейсы раввина. В памяти невольно всплыли слова Люка, одна из тех циничных фраз, на которые он был мастер: «Женитьба? Этот вопрос следует решить как можно скорее, чтобы больше о нем не думать». Именно так он и сделал: «импортировал» эту девицу откуда-то из Пиренеев, где они оба родились, и по-быстрому сделал ей двух детей. Не зная, что еще сказать, я пробормотал:

– Я тебе вечером позвоню.

Она кивнула и направилась к вестибюлю. Я обернулся – анестезиолог уже ушел. Только Свендсен по-прежнему торчал здесь – вездесущий Свендсен. На скамье валялся брошенный врачом халат. Я взял его.

– Пойду к Люку.

– Брось, не валяй дурака! – Он решительно схватил меня за руку. – Ты же слышал – врач сказал, что они проводят тесты.

Я с раздражением выдернул руку, а он все бубнил, стараясь меня вразумить:

– Приходи завтра, Мат, так будет лучше для всех.

Во мне поднялась волна бессильного гнева. Свендсен был прав. Пусть врачи делают свое дело. Чем я могу помочь человеку, утыканному зондами и капельницами?

Я кивком попрощался с судебным экспертом и стал спускаться по лестнице. Головная боль немного отступила. Я поймал себя на том, что ноги сами несут меня к тюремной больнице, куда свозят пострадавших с подозрительными ранениями и наркоманов в ломке. Я остановился, внезапно испугавшись, что могу столкнуться с каким-нибудь знакомым полицейским. Не в том я был состоянии, чтобы выслушивать жалобные причитания или слова сочувствия.

Я повернул к залу центрального выхода. На пороге вынул сигарету из пачки «кэмел» без фильтра, щелкнул своей любимой зипповской зажигалкой и глубоко затянулся.

Глаза наткнулись на надпись на пачке: «Курение может привести к медленной и мучительной смерти». Прислонившись спиной к решетке, я сделал несколько затяжек, а потом повернул налево и двинулся к святой святых моей жизни: Набережной Орфевр, 36.

И тут я неожиданно передумал. Свернул направо, к другому месту, игравшему в моей судьбе такую же важную роль.

Я пошел в собор Нотр-Дам.

2

Уже от самой паперти начинались таблички: «Остерегайтесь карманников!», «В целях безопасности...», «Проход с багажом запрещен», «Соблюдайте тишину!»... И все же, несмотря на толпу, несмотря на то, что уединиться здесь было немыслимо, я всегда испытывал волнение, переступая порог Нотр-Дам. Работая локтями, я пробрался к мраморной кропильнице, смочил пальцы святой водой и склонил голову перед Пресвятой Девой. «USP-Para» 9-го калибра тихонько стучался о бедро. Я никогда не знал, что делать с табельным оружием. Можно ли приносить его в церковь? Сначала я прятал его под сиденье машины, но потом мне надоело каждый раз возвращаться за ним на Орфевр, 36. Думал было найти для него укромное местечко среди барельефов собора, но вскоре отказался от этой мысли – слишком опасно. В конце концов я решил, что пусть оскорбление святого места будет на моей совести. Разве крестоносцы оставляли мечи, когда входили в иерусалимский храм?

Я пошел по правому проходу вдоль рядов горящих свечей, миновал исповедальни с флажками, обозначающими языки, на которых говорили священники. С каждым шагом я обретал спокойствие, чему способствовал полумрак собора. Противоречивая громада: каменный корабль, плывущий в сумрачном потоке, и одновременно – пронзительное совершенство и легкость, идущие от благоуханных испарений ладана, запаха воска и прохладного мрамора.

Я прошел мимо часовен Святого Франциска Ксаверия и Святой Женевиевы, альковов, закрытых для посетителей и занавешенных темными полотнами, мимо скульптур Жанны д'Арк и святой Терезы, обогнул очередь ожидающих причастия и поднялся на хоры в «свою» часовню – место, куда я приходил молиться каждый вечер.

Богоматерь Семи скорбей. Несколько едва освещенных скамеек, алтарь с фальшивыми свечами и церковная утварь. Я проскользнул направо за место для коленопреклонения, туда, где меня никто не увидит, закрыл глаза, и тут мне послышался голос:

– Смотри-ка, надо же так дрыхнуть!

Рядом со мной стоял Люк – четырнадцатилетний, худой и рыжий. А сам я был уже не в Нотр-Дам, а в часовне коллежа Сен-Мишель-де-Сез в окружении одноклассников. А Люк продолжал издеваться:

– Когда я стану священником, мои прихожане будут слушать проповедь стоя, как на рок-концерте!

Такое кощунство меня ошарашило. Надо сказать, в те годы я и так был отщепенцем среди мальчишек, считавших Закон Божий худшим из предметов, а тут этот парень заявил, что станет священником – священником от рок-н-ролла!

– Меня зовут Люк, – сказал он. – Люк Субейра. Говорят, ты прячешь под подушкой Библию и второго такого придурка не сыскать. Так вот, хочу, чтобы ты знал: второй такой придурок перед тобой – это я. – Он молитвенно сложил руки. – «Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть Царство Небесное».

Он протянул руку, и мы шлепнули друг друга по ладони.

Этот хлопок вернул меня к действительности. Я был в Нотр-Дам, в своем убежище, и дрожал как осиновый лист. Кругом холодный камень, плетеные скамеечки для молитв, деревянные скамьи... Я снова погрузился в прошлое.

В тот день я познакомился с самым оригинальным учеником в Сен-Мишель-де-Сез: задиристым и колким пустомелей, снедаемым пылкой верой. Это произошло в начале 1981/82 учебного года. К тому времени Люк уже два года учился в коллеже Сез и был в 3-м классе Б. Длинный и тощий, как и я, с резкими, порывистыми движениями. Помимо роста и веры нас объединяли имена апостолов. У него – евангелиста Луки, которого Данте называл «писцом»,

так как его Евангелие написано лучше других, а у меня – Матфея, мытаря, который везде сопровождал Христа и записывал каждое Его слово.

На этом заканчивалось то, что было между нами общего. Я родился в Париже в богатом квартале Семнадцатого округа. Люк Субейра был родом из Араса – крохотного селения в Пиренеях. Мой отец в шестидесятые годы сколотил состояние на рекламе. Люк был сыном Николя Субейра, учителя, коммуниста и спелеолога-любителя, о котором поговаривали, что он месяцами исследует пещеры, – тремя годами ранее он навсегда остался в одной из них. Я был единственным ребенком в семье, где цинизм и снобизм были абсолютными ценностями. Пока Люк не перешел в интернат, он жил с матерью, мелкой служащей, христианкой и пьяницей, которая после смерти мужа покатила по наклонной плоскости.

Это что касается социального положения. Что до нашего положения в коллеже, оно тоже было разным. Меня отправили в Сен-Мишель-де-Сез, потому что это было католическое учебное заведение, одно из самых дорогих и престижных во Франции, к тому же расположенное далеко от Парижа. Никакого риска, что в выходные я свалюсь родителям на голову со своими мрачными идеями и мистическими кризисами. Люк учился в коллеже, потому что как сирота получал стипендию от иезуитов, которые над нами шефствовали.

И последнее, что нас объединяло: мы оба были одиноки в этом мире. Лишенные других привязанностей, достаточно взрослые, чтобы проводить в пустом коллеже бесконечные выходные. В эти долгие часы нам было о чем поговорить.

Нам нравилось рассказывать друг другу истории о том, как мы обрели Бога, по примеру Клоделя, уверовавшего в Нотр-Дам-де-Пари, или Блаженного Августина, на которого благодать снизошла в миланском саду. Со мной такое произошло на Рождество, когда мне было шесть лет. Я рассматривал под елкой подаренные мне игрушки и буквально провалился в космическую расселину. Сжимая в руках красный грузовичок, я вдруг обнаружил за каждой вещью, за каждым предметом обстановки безмерную, невидимую до этого момента реальность. Прореха в завесе обычной реальности, за которой скрывалась тайна... и зов. Я догадывался, что в этой тайне сокрыта истина, хотя и не представлял себе какая. Я стоял в самом начале пути, и мои вопросы уже несли в себе ответы. Позже я прочитал у Блаженного Августина: «Вера вопрошает, разум обнаруживает...»

Моему откровению противостояло откровение Люка – яркое и зрелищное. Он уверял, что своими глазами узрел всемогущество Господа, когда ходил с отцом в горы на поиски пещер. Это было в 78-м, ему тогда исполнилось одиннадцать. В отсвете на скале он увидел лик Божий, и ему открылось истинное устройство мира. Господь был везде: в каждом камне, в каждой травинке, в каждом дуновении ветра. Таким образом, каждая, самая мельчайшая частица несла в себе целое. Люк никогда не изменял этим своим убеждениям.

В Сен-Мишель-де-Сез наше рвение расцвело пышным цветом, приподнятое у моего друга, минорное у меня. И не потому, что школа была католической, напротив, мы ни во что не ставили своих учителей, считали их погрязшими в слащавой иезуитской вере. Причина заключалась в том, что здания пансиона стояли под горой, на которой располагалось цистерцианское аббатство.

Там, наверху, и были места наших встреч. Одно из них – у подножия колокольни, откуда открывался прекрасный вид на долину. Еще мы любили встречаться под сводами монастыря, рядом со статуями апостолов. Под сенью изъеденных временем ликов святого Иакова с посохом паломника и святого Матфея с топориком мы переделывали мир. Молитвенный мир!

Прислонившись спиной к колоннам и гася окурки в жестяной банке из-под сока, мы вспоминали наших героев: первых мучеников, что брели по дорогам, неся людям слово Божье, и заканчивали жизнь на языческих аренах, а также Блаженного Августина, Фому Аквинского, Хуана де ла Круса... Мы представляли себя рыцарями веры, богословами, крестоносцами современности, революционерами, взрывающими каноны, изгоняющими пергаментных кар-

диналов из Ватикана, находящими новые необычные решения, чтобы обращать в христианство все новых людей по всему миру.

В то время как другие воспитанники устраивали вылазки в дортуары к девочкам и слушали «Клэш» на плеерах, мы до хрипоты спорили о таинстве причастия, о текстах Аристотеля и святого Фомы Аквинского, которые изучали в оригинале, долго и всерьез обсуждали II Ватиканский собор, казавшийся нам совсем недавним. Я все еще ощущал запах скошенной во внутреннем дворе травы, чувствовал, какой была на ощупь смятая пачка «голуаз», слышал наши ломающиеся голоса, которые то и дело давали петуха, вызывая взрыв хохота. Наши собрания всегда заканчивались словами из «Дневника сельского священника» Бернаноса: «Что с того? Все – благодать»². И этим все было сказано.

Звуки органа вернули меня к действительности. Я посмотрел на часы: 17.45. Начиналась вечерня. Я стянул оцепенение и встал. Резкая боль буквально согнула меня пополам при мысли о том, что произошло: Люк между жизнью и смертью, самоубийство – синоним безысходности и отчаяния.

Я снова пустился в путь, спотыкаясь на каждом шагу и прижимая руку к левому боку. Серый плащ болтался на мне, и в реальности меня удерживали лишь стиснутые на животе руки и «USP Heckler&Koch», который уже давно сменил у меня на поясе табельный «manhurin». Я был полицейским-призраком, и моя тень вилась передо мной по проходу, сливаясь с белыми сетками, скрывающими леса реставрируемых хоров.

На улице я испытал новое потрясение. Не от резкого дневного света после полумрака – то было еще одно воспоминание, кинжалом пронзившее меня: бледная физиономия Люка, заливающегося смехом, его рыжая шевелюра, нос с горбинкой, тонкие губы и большие серые глаза, блестящие, как лужи после дождя.

В этот момент меня осенило.

Сегодня я упустил самое главное. Люк Субейра не мог покончить с собой. А ведь все было так просто: стойкий, убежденный католик не убивает себя. Жизнь – это дар Божий, и никто не вправе распоряжаться ею по своему усмотрению.

² Пер. Л. Зониной.

3

Уголовная полиция, набережная Орфевр, дом 36. Длинные коридоры, темно-серый пол, электрические провода, закрепленные на потолке, кабинеты в мансардах под самой крышей. Ничего этого я не видел, потому что продвигался как сквозь студень. Здесь не было даже привычного запаха табака и пота, чтобы привлечь мое внимание.

Но при этом меня не покидало смутное ощущение мерзкой сырости, словно я двигался внутри живого организма в стадии распада. Конечно, то была чистая галлюцинация, связанная с моим африканским прошлым, когда я приобрел привычку воспринимать твердые тела искаженно – как существа из плоти и крови...

Сквозь щели в неплотно прикрытых дверях я ловил сочувственные взгляды – все уже были в курсе. Я ускорил шаг, чтобы не обсуждать подробности случившегося с Люком и не повторять банальностей о безысходности нашей работы. Забрав почту, скопившуюся в моей ячейке, я вошел в свой кабинет и быстро закрыл дверь.

Взгляды коллег вызвали у меня предчувствие того, как будут развиваться события. Все станут задаваться вопросами о том, что случилось с Люком. Начнется расследование. Подключатся «быки». Предпочтение, конечно, отдадут версии о депрессии, но парни из Службы собственной безопасности перетряхнут всю жизнь Люка, проверят, не играл ли он, не было ли у него долгов, не имел ли подозрительных делишек, не был ли слишком связан со своими информаторами. Обычное дело: результатов никаких, но все изгажено.

Тошнило и хотелось спать. Я снял дождевик и остался в пиджаке, несмотря на жару. Приятно было ощущать ласковое прикосновение его шелковой подкладки. Словно вторая кожа. Я уселся в кресло и окинул взглядом свою третью кожу – рабочий кабинет. Пять квадратных метров без окон и горы папок, висевшие почти до самого потолка.

Мой взгляд упал на стопку бумаг, над которыми я работал в настоящее время: протоколы допросов, распечатки телефонных звонков и выписки из банковских счетов подозреваемых, ордера, которые мне, в конце концов, выдавали судьи. И еще обзор криминальной прессы, который день и ночь спускали из кабинетов Министерства внутренних дел, а также телеграммы, содержащие резюме наиболее важных событий, произошедших в районе Иль-де-Франс. Привычный поток грязи. Поверх всего – наклейки, оставленные моими лейтенантами, с информацией об удачах и провалах прошедшего дня.

Тошнота усиливалась. Я не стал прослушивать оставленные мне сообщения ни на мобильном, ни на городском телефоне, а связался с жандармерией Ножен-ле-Ротру, ближайшего к Верне города, и попросил соединить меня с капитаном, который руководил спасением Люка. Тот подтвердил все, что сообщил мне Свендсен. Тело с привязанным грузом, срочная транспортировка, воскрешение.

Я положил трубку, похлопал по карманам. Нашел сигареты, вынул одну, взял зажигалку и, продолжая размышлять, стал смаковать ритуал прикуривания. Мягко шуршащая пачка, издающая восточный аромат; запах смешивается с парами бензина из зажигалки «Зиппо»; на пальцах, как крупинки золота, табачные крошки. И вот, наконец, глоток обжигающего дыма где-то глубоко в легких...

Шесть часов вечера. Пора приступить к разбору документов. Наклейки. Слова солидарности: «Мы с тобой. Франк», «Еще ничего не потеряно. Жиль», «Как раз сейчас и надо держаться! Филипп». Эти послания я отложил в сторону и только потом принялся за работу: подсчитал плюсы и минусы этого дня. Фуко сообщал мне, что Управление судебной полиции Луи-Блан отказалось передать нам дело по трупам с ножевыми ранениями, найденному недалеко от станции «Сталинград». Возможно, сводили счета наркодилеры, за которыми мы вот уже месяц

следили у себя в районе Виллет. Отказ меня не удивил: вечная конкуренция между судебной и уголовной полицией. Каждый занимался своим делом и хорошо стерег свои трупы.

Следующее сообщение было более интересным. Две недели назад мой давний приятель, работающий теперь в Управлении судебной полиции Сержи-Понтуаз, попросил у меня совета по поводу одного убийства: женщина пятидесяти девяти лет, косметолог, убита на парковке. Шестнадцать резаных ударов. Ничего не украдено, следов насилия нет. И ни одного свидетеля. При составлении протокола была выдвинута версия о личных мотивах убийства, позже – о действиях маньяка, и все зашло в тупик.

Разглядывая фотографии жертвы, я заметил некоторые детали. Судя по углу, под которым были нанесены удары, можно предположить, что убийца одного роста с жертвой, то есть скорее невысокий. Орудие убийства тоже было необычным – старомодный нож для капусты, какой сейчас можно найти разве что на блошином рынке. Такое оружие могло принадлежать убийце-женщине. Скажем, проститутки при разборках используют именно такое оружие, способное изуродовать лицо, мужчины же чаще всего действуют ножом и бьют в живот.

В данном случае удары были нанесены в основном в лицо, грудь и в низ живота. Убийца старался поразить те места, которые обозначали половую принадлежность. Особенно он потрудился над лицом, обрезав нос, губы и выколол глаза. Лишая жертву лица, убийца, видимо, был заиклен на своем изображении, как если бы разбивал зеркало. Я также отметил отсутствие ран, полученных при попытках защитить себя: косметолог не ждала нападения, она знала убийцу. Я спросил у коллеги из Сержи, не было ли у погибшей дочери или сестры. Мой приятель пообещал еще раз расспросить семью. В факсе, который он прислал, говорилось: «Дочь создалась!»

Я отложил в сторону распечатки телефонных звонков и выписки из банковских счетов, потому что не мог сосредоточиться, чтобы разобраться в них, и взял другую пачку только что распечатанных документов: подробный отчет о месте преступления, где я не побывал накануне. Протокол вел Мейер из моей группы, который был у нас вроде писателя. Дипломированный филолог, он тщательно редактировал свои донесения и мастерски описал место преступления.

Я живо представил все, что тогда произошло. Район Ле-Пере, позавчера, в полдень. Во время обеденного перерыва один или несколько налетчиков ворвались в ювелирный магазин, и менеджер не успела вовремя нажать тревожную кнопку. Они взяли выручку, драгоценности – и женщину. На следующее утро ее нашли убитой в лесу на берегу Марны. Тело было наполовину засыпано землей. Вот это место и описывал Мейер: тело, едва присыпанное землей и прелыми листьями, и туфли жертвы, стоящие сбоку перпендикулярно захоронению. Что означали эти туфли?

У меня в памяти всплыло одно воспоминание. В эпоху моих гуманитарных устремлений, перед самым отъездом в Африку, я исколесил на автобусе все северное предместье, раздавая еду, одежду и всячески помогая бездомным семьям, которые жили под мостами кольцевых бульваров. Как раз в это время я изучал культуру цыган. Под внешней безалаберностью я обнаружил очень хорошо организованный мирок, который следовал строгим жизненным правилам, особенно в вопросах любви и смерти. Меня поразило, что при погребении они выполняли тот же ритуал: перед тем как предать тело земле, цыгане снимали с него обувь и ставили рядом с могилой. Зачем? Теперь я уже не помнил, но схожесть обрядов заслуживала того, чтобы разобраться.

Я схватил трубку и набрал номер Маласпе, самого хладнокровного и молчаливого из моих сотрудников, – он единственный, я был уверен, не заведет речь о Люке. Без предисловий я велел ему разыскать специалиста по цыганам и выяснить все об их погребальных ритуалах. Если мои подозрения подтвердятся, то преступника придется искать среди цыганских общин

этого округа. Маласпе сказал, что все понял, и положил трубку, как я и ожидал, без единого лишнего слова.

Я снова вернулся к бумагам. Безрезультатно – сосредоточиться мне больше не удалось. Отложив протоколы, я стал разглядывать образовавшуюся в кабинете свалку: стены, заставленные папками с нераскрытыми делами, которые на языке полицейских называются висячками. Дела прошлых лет, которые я отказывался отправить в архив. Кроме меня, в уголовке не было другого следователя, который хранил бы подобные документы: я был единственным, кто продлевал сроки – десять лет для насильственных преступлений, проводя время от времени допросы и обнаруживая новые факты. На верху одной из стопок я заметил фотографию девочки, Сесилии Блок, обгоревшее тело которой было найдено в 1984 году в нескольких километрах от Сен-Мишель-де-Сез. Виновного так и не нашли – единственной зацепкой были аэрозольные снаряды, которыми воспользовались, чтобы сжечь тело. Когда я еще был воспитанником пансиона в Сезе, меня потрясли обстоятельства этого дела. Не давал покоя вопрос: убийца сжег малютку живой или сначала убил? Когда я стал полицейским, я снова поднял это дело, съездил на место происшествия, расспросил жандармов и местных жителей – все без толку.

Фотография другой девочки была прикреплена кнопкой к стене. Ингрид Корален, сирота, теперь ей двенадцать, и росла она то в одной семье, то в другой. К смерти родителей этой девочки в 1996 году я имел косвенное отношение и с тех пор анонимно посылал ей деньги.

Сесилия Блок и Ингрид Корален.

Мои родные призраки, моя единственная семья...

Я стряхнул с себя воспоминания и посмотрел на часы. Почти восемь вечера – пора действовать. Я поднялся на один этаж, набрал код доступа Наркотдела, прошел по коридору, повернул направо и очутился в свободном пространстве следственной группы Люка. Ни души. Надо думать, они все собрались где-то в городе – может быть, где-нибудь в пивной, чтобы спокойно пропустить по стаканчику. В команде у Люка были самые крутые парни из всех, кто работал на набережной Орфевр, и я мысленно пожелал удачи ребятам из Службы безопасности, которые будут их допрашивать. Из них ни слова не вытянешь.

Не останавливаясь, я дошел до двери Люка, предварительно бросив взгляд на соседние кабинеты: никого. Повернул ручку – заперто. Я вынул из кармана связку отмычек, в несколько секунд бесшумно открыл замок и проник внутрь.

В кабинете Люка было прибрано. На столе – ни бумажки. На стенах – ни одной фотографии разыскиваемого преступника. На полу – ни одного незаконченного дела. Именно так и поступил бы Люк, если бы хотел уйти из жизни. Пристрастие к секретности – один из ключей к его личности.

Несколько секунд я стоял неподвижно, давая месту раскрыться. Берлога Люка была не больше моей, но здесь было окно. Я обошел письменный стол, сделанный в тридцатые годы и купленный Люком в комиссионке, и подошел к пробковому щиту, висящему за креслом. Там все еще были прикреплены несколько фотографий. Не рабочие, а самые обычные снимки: восьмилетней Камиллы и шестилетней Амандины. В сумраке кабинета их улыбки плыли по глянцева бумаге, как по глади озера. Там же были детские рисунки – феи, домик, в котором жила их семья, «папа» с огромным пистолетом, преследующий торговцев наркотиками. Я прикоснулся к рисункам и прошептал: «Что же ты натворил? Что же ты, черт побери, наделал?»

Один за другим я стал открывать ящики письменного стола. В первом валялись разные мелочи, наручники, Библия, во втором и в третьем – текущие и закрытые дела, безукоризненные отчеты, «вылизанные» служебные записи. Люк никогда не держал рабочие материалы в таком безупречном виде. Казалось, передо мной реклама: образцовый рабочий кабинет.

Я остановился перед компьютером. Найти в нем что-то сенсационное шансов не было, это я понимал, но хотел лишний раз убедиться. Машинально нажал на пробел – экран засветился. Я схватил мышь и щелкнул на одной из иконок. Программа запросила пароль доступа.

Я набрал наугад дату рождения Люка. Отказ. Тогда я ввел имена Камиллы и Амандины. Два отказа один за другим. Я уже собирался попробовать четвертый вариант, когда в комнате вспыхнул свет.

– Что, черт возьми, ты тут делаешь?

На пороге стоял Патрик Дусе по прозвищу Дуду, второй человек в группе после Люка. Он сделал шаг и повторил:

– Какого дьявола ты ищешь в этом кабинете?

Его голос со свистом прорывался сквозь сжатые зубы. У меня перехватило дыхание, я утратил дар речи. Дуду был самым опасным из всей команды. Сорвиголова без тормозов, любитель амфетамина, который начинал в Отделе по борьбе с проституцией и сводничеством и обожал облавы. Тридцать лет, облик больного ангела, квадратные плечи качка обтянуты потертой кожаной курткой. Волосы, коротко остриженные по бокам и длинные на затылке. Особый изыск: на правом виске выбриты три зубца.

Дуду указал на светящийся экран компьютера:

– Что, опять роешься в дерьме?

– Почему в дерьме?

Он не ответил. От злости его буквально трясло. Под распахнутой курткой виднелась рукоять «глока-21» 45-го калибра – табельного оружия Наркотдела.

– От тебя несет спиртным, – заметил я.

Полицейский шагнул вперед. У меня похолодело внутри, и я отступил.

– А что, у меня нет повода выпить?

Я был прав: парни Люка ушли промочить горло. Если сейчас заявятся остальные, то я окажусь в шкуре легавого, которого линчуют его же коллеги из конкурирующего отдела.

– Чего ты здесь шарить? – прошипел он мне прямо в лицо.

– Я хочу знать, как Люк дошел до этого.

– Перетряси лучше свою жизнь – и найдешь ответ.

– Люк никогда добровольно не расстался бы с жизнью, какой бы она ни была. Это Божий дар, и...

– Только без проповедей.

Дуду не сводил с меня глаз, нас разделял только письменный стол. Я заметил, что он слегка покачивается, и это меня успокоило – пьян в стельку. Я решил, что лучше задавать прямые вопросы:

– Каким он был в последнее время?

– А тебе-то что?

– Над чем он работал?

Сыщик провел рукой по лицу. Я проскользнул вдоль стены, стараясь держаться от него подальше.

– Что-то должно было произойти, – продолжал я, не выпуская его из поля зрения. – Может, дело, которое нанесло удар по его мировоззрению?

Дуду рассмеялся:

– Ты что, рехнулся? Дело, которое убивает?

Он плохо соображал и все же наткнулся на верное слово. Если я соглашусь с версией о самоубийстве Люка, то это будет одна из моих гипотез: дело, которое ввергло его в безысходное отчаяние. Дело, которое перевернуло его католическое кредо. Я повторил:

– Какое, черт побери, дело вы сейчас раскрываете?

Дуду искоса следил за тем, как я отступал все дальше. Вместо ответа он громко рыгнул, и я улыбнулся:

– Не валяй дурака. Завтра эти же вопросы тебе будут задавать «быки».

– Мне насрать на них.

Сыщик стукнул кулаком по компьютеру. На руке золотой искрой сверкнула цепочка. Он заорал:

– Люку не за что себя корить, сечешь? Не за что! Черт тебя дерит!

Я вернулся к столу и аккуратно выключил компьютер.

– Если это так, – прошептал я, – то тебе стоит изменить линию поведения.

– Теперь ты говоришь как адвокат.

Я встал прямо перед ним. Мне было плевать на его презрение:

– Слушай меня внимательно, придурок. Люк – мой лучший друг, о'кей? И перестань видеть во мне помеху. Я докопаюсь до мотивов его поступка, какими бы они ни были. И тебе не удастся мне помешать.

Говоря, я двигался к двери. Когда я перешагнул через порог, Дуду презрительно бросил:

– Не рассчитывай, что кто-то развяжет язык, Дюрей. Но если ты разроешь это дерьмо, то в нем измажутся все.

– Нельзя ли поподробнее? – бросил я через плечо.

Вместо ответа сыщик показал средний палец правой руки.

4

Под открытым небом.

Лестница под открытым небом. Когда я пришел в эту квартиру впервые, то сразу понял, что я ее куплю именно из-за этой лестницы. Крытые дощечками ступеньки нависали над двором XVIII века и вели вверх по спирали вместе с железными перилами, увитыми плющом. Меня сразу же охватило чувство уюта и чистоты. Я представил себе, как возвращаюсь после тяжелого рабочего дня и поднимаюсь по этим умиротворяющим ступенькам, словно проходя через дезинфекционную камеру. И не ошибся. В эту трехкомнатную квартиру в Марэ я вложил свою долю отцовского наследства и вот уже четыре года ощущал на себе живительные свойства этой лестницы. Какими бы ни были мерзости и ужасы моей работы, повороты лестницы и обвивающий ее плющ очищали меня от них. Я раздевался на пороге своей спальни, заталкивая шмотки в бак для белья, и вставал под душ, завершая таким образом процедуру очищения.

Однако в этот вечер чары волшебной клетки, казалось, не действовали. Поднявшись на четвертый этаж, я остановился. Кто-то сидел на ступеньках и ждал меня. В сумерках я разглядел замшевое пальто и костюм цвета спелой сливы. Поистине, последней, кого бы я хотел сейчас видеть, была моя мать.

Я продолжал подниматься, когда услышал ее хриловатый голос и первый упрек в мой адрес:

– Я тебе оставляла сообщения, а ты даже не соизволил позвонить.

– У меня был очень тяжелый день.

О том, чтобы рассказать ей, что произошло, не могло быть и речи: моя мать виделась с Люком один или два раза, когда мы оба были еще подростками. Тогда она ничего о нем не сказала, но по выражению ее лица все было и так ясно – она состроила такую гримасу, как если бы обнаружила шумную семейку в салоне первого класса в Руасси или пятно на одном из своих роскошных диванов – ужасные несообразности, которые ей приходилось терпеть в той светской жизни, которую она вела, где бы ни оказалась.

Она не собиралась вставать со ступенек, и я уселся рядом, не заботясь о том, чтобы зажечь на лестнице свет. До нас не долетали ни ветер, ни дождь, а для 21 октября было довольно тепло.

– Что ты хотела? Что-то срочное?

– Я могу приехать к тебе и без срочного дела.

Гибким движением она закинула ногу на ногу, и мне стала лучше видна ее юбка – из шерстяного буклированного твида от «Фенди» или от «Шанель». Мой взгляд скользнул к туфлям – черные с золотом. От «Маноло Бланик». Этот жест, эти детали... Я как будто видел, как она встречает гостей и принимает томные позы во время своих изысканных обедов. Тут же в памяти всплыли и другие картины. Мой отец называл меня ласково «попиком», а потом сажал в дальний конец стола. Мать при моем приближении отстранялась, опасаясь, что я помну ее платье. А я чувствовал молчаливую гордость, видя, какие они жалкие материалисты и как они от меня далеки.

– Мы не обедали вместе уже несколько недель.

Она всегда прибегала к нежным интонациям, чтобы упреки выглядели более утонченными. Свои обиды она выставляла напоказ, но сама в них не верила. Моя мать, которая жила только ради модных нарядов и приемов, заметно продвинулась в актерском мастерстве.

– Мне жаль, – сказал я, только чтобы сменить тему. – Я и не заметил, как летит время.

– Ты меня не любишь.

У нее был дар привносить трагические нотки в самые простые высказывания. На сей раз она произнесла это тоном капризной девочки. Я сосредоточился на запахе мокрого плюща и свежеевыкрашенных стен.

– По большому счету ты никого не любишь.
– Наоборот, я люблю всех.
– Вот я и говорю. Твоя любовь всеобщая, абстрактная. Это своего рода... теория. Ты ведь так и не познакомил меня со своей девушкой.

Я смотрел на косые струи дождя, образовавшие завесу за перилами лестницы.

– Мы говорили об этом уже тысячу раз, и моя работа тут ни при чем. Я стараюсь любить других. Всех остальных.

– Даже преступников?

– Особенно преступников.

Она запахнула пальто. Я смотрел на ее точеный профиль, на прядки медных волос.

– Ты прямо как психоаналитик, – произнесла она, – раздаешь любовь всем и не отдаешь никому. Любовь, дорогой мой, это когда рискуешь своей шкурой ради другого.

Не думаю, что она имела право мне это говорить. Тем не менее я пересилил себя: наверное, в ее словах был скрытый смысл.

– Обретя Бога, я нашел живой источник. Источник любви, который не иссякнет никогда и который должен рождать в других ответную любовь.

– Опять твои проповеди. Ты живешь в другом мире, Матье.

– В тот день, когда ты поймешь, что эти слова не подвластны ни моде, ни эпохе...

– Не надо читать мне проповеди.

Внезапно меня поразило выражение ее лица:

мать была загорелая и элегантная, как обычно, но сквозь ее элегантность проступали усталость и тоска. У меня сжалось сердце.

– Ты знаешь, сколько мне лет? – вдруг спросила она. – Я хочу сказать, на самом деле?

Это был один из самых тщательно охраняемых секретов в Париже. Когда я получил доступ к базам данных, то выяснил это в первую очередь. Чтобы доставить ей удовольствие, я сказал:

– Пятьдесят пять, пятьдесят шесть...

– Шестьдесят пять.

Мне было тридцать пять. К тридцати годам у моей матери вдруг проснулся материнский инстинкт. Как раз тогда она во второй раз вышла замуж – за моего отца. О том, чтобы завести ребенка, они договорились так же, как договаривались о покупке новой яхты или картины Пьера Сулажа. Мое рождение их ненадолго развлекло, но вскоре они от меня устали. Особенно мать, которой всегда быстро приедались собственные капризы. Всю ее энергию забирали эгоизм и праздность. Настоящее безразличие – это тяжелый труд.

– Мне нужен священник.

Я был поражен. Мне внезапно представилось, что она смертельно больна. Это одно из тех потрясений, которые вызывают душевный переворот.

– Но ты ведь не...

– Больна? – Она высокомерно усмехнулась. – Нет. Конечно же, нет. Я просто хочу исповедаться. Привести себя в порядок. Вернуть своего рода... девственность.

– Сделай подтяжку, вот и все.

– Не надо шутить.

– Я считал, что ты принадлежишь скорее к восточной школе, – сказал я с издевкой, – или к «New Age»³, не знаю точно.

³ «Новый век» (англ.) – современное религиозно-философское течение, основанное на смешении разных религиозных и магических систем при условии выделения рациональной составляющей и ее интерпретации в духе современных достижений нейробиологии и социальной психологии.

Она медленно покачала головой и искоса посмотрела на меня. Ее светлые глаза на матовом загорелом лице все еще излучали чарующий соблазн.

– Это тебя забавляет?

– Нет.

– У тебя саркастический тон, и весь ты полон сарказма.

– Да вовсе нет.

– Ты этого даже не замечаешь. Всегда отстраненность, высокомерие.

– Почему ты хочешь исповедаться? Мне расскажешь?

– Только не тебе. Так ты можешь посоветовать мне священника? Кого-нибудь, кому я могла бы довериться и который мог бы не только выслушать, но и ответить на мои вопросы...

Похоже, у матери был настоящий мистический кризис. Право же, сегодняшний день оказался из ряда вон выходящим. Дождь усилился.

– Наверно, это возраст, не знаю, – прошептала она. – Но мне нужен кто-то, превосходящий меня духовно.

Я взял ручку и вырвал листок из записной книжки. Не задумываясь, я написал имя и адрес священника, к которому часто ходил сам. Священники – не то что психоаналитики, ими можно делиться с родными. Я протянул ей листок с координатами.

– Спасибо.

Она встала, и за ней потянулся шлейф духов. Я тоже встал.

– Ты зайдешь?

– Я уже опаздываю. Я тебе позвоню.

Она стала спускаться по лестнице. Ее замшевый силуэт превосходно сочетался с блеском мокрых листьев и белизной краски. Ощущалась та же свежесть и четкость. Я вдруг почувствовал себя совсем старым, резко повернулся и поспешил в коридор, где сверкала ярко-зеленая дверь моей квартиры.

5

За четыре года после переезда я так и не разобрал вещи. Коробки с книгами и компакт-дисками до сих пор загромождали прихожую и теперь уже составляли часть интерьера. Я положил на них пистолет, сбросил плащ и снял ботинки – мои вечные мокасины «Себаго»: одна и та же модель, начиная с юных лет.

Я зажег свет в ванной и увидел свое отражение в зеркале. Знакомый облик: темный фирменный костюм, протертый почти до дыр, светлая рубашка и темно-серый галстук, также изношенный. Я был похож скорее на адвоката, чем на полицейского, на адвоката, который якшался с проходимцами и остался на бобах.

Я подошел к зеркалу. Мое лицо наводило на мысль о сильно пересеченной местности и о лесе, сотрясаемом ветром, – пейзаж в духе Тернера. Лицо фанатика со светлыми, глубоко посаженными глазами и черными, спадающими на лоб кудрями. Продолжая размышлять о совпадениях сегодняшнего вечера, я подставил лицо под струю воды. Люк в коме, а мать наносит мне визит.

На кухне я налил себе чашку зеленого чая – термос был приготовлен еще с утра. Потом поставил в микроволновку миску риса, сваренного в выходные на всю неделю. В вопросах аскетизма я следовал дзен-буддизму и не переносил органических запахов – ни мяса, ни фруктов, ничего вареного или жареного. Вся моя квартира была пропитана ладаном, который я жег постоянно. К тому же рис я мог есть деревянными палочками, потому что терпеть не мог ни звона металлических ножей и вилок, ни ощущения от прикосновения к ним. По этой же причине я был редким гостем в ресторанах и не любил обедать вне дома.

Но сегодня вечером еда застревала в горле. Едва сделав два глотка, я выбросил содержимое миски в помойное ведро и налил себе кофе – уже из другого термоса.

Моя квартира состояла из гостиной, спальни и кабинета. Типичная квартира парижского холостяка. Все белое, кроме пола, выложенного черным паркетом, и потолка в гостиной – там были незаделанные балки. Не зажигая света, я прошел прямо в спальню и улегся на кровать, отдавшись течению мыслей.

Конечно, о Люке.

Но мысли мои были не о его состоянии – тут тупик – и не о причинах того, что он сделал, – тоже тупик. Я выбрал воспоминание. Одно из тех, в котором проявилась самая странная черта моего друга, – страсть к дьяволу.

Октябрь 1989

Мне двадцать два года. Двор Католического университета в Париже. Я проучился четыре года в Сорбонне, только что защитил магистерскую диссертацию «Преодоление манихейства у Блаженного Августина» и хотел продолжить образование. Я собирался учиться в Католическом университете, чтобы получить степень доктора богословия. Темой я выбрал «Становление христианства по латинским произведениям раннехристианских авторов». Это позволяло мне на несколько лет погрузиться в творчество моих любимых писателей: Тертуллиана, Минуция Феликса, Киприана... Уже тогда я соблюдал три монашеских обета: послушания, бедности и целомудрия, так что родителям обходился недорого. Отец не одобрял моих взглядов. «Потребление – вот религия современного человека!» – провозглашал он, без сомнения цитируя Жака Сегела. Однако моя верность принципам вызывала у него уважение. Что касается матери, то она делала вид, что поддерживает мое увлечение, которое в глубине души льстило ее снобизму. В восьмидесятых годах стало более престижным говорить, что сын готовится к поступлению в семинарию, чем признаваться, что он проводит время с друзьями в саунах или балуется кокаином.

Однако оба они заблуждались – я пребывал вовсе не в атмосфере строгой суровости. В основе моей веры были радость и ликование. Я жил в мире света, в огромном нефе, где постоянно горели тысячи свечей.

Я был увлечен своими любимыми латинскими авторами. Их творения отражали крутой поворот, совершенный западным миром. Мне хотелось описать этот переворот в жизни и сознании, это всеобщее потрясение, которое вызвала христианская мысль, ставшая антиподом всему, что говорилось или писалось ранее. Явление Христа было не только духовным чудом, но и революцией в философии. Физическое преображение – воплощение Иисуса – и превращение Слова. Речь и мысли человека никогда больше не будут прежними.

Я представлял себе изумление иудеев при Его появлении. Избранный народ, ожидавший могучего воина-мессию на огненной колеснице, увидел сострадающего человека, чьей единственной силой была любовь, верившего, что каждое поражение есть победа и что все люди – избранные. Я думал о греках и римлянах, которые создавали богов по своему образу и подобию, наделив их собственной противоречивостью, и неожиданно обнаружили невидимого Бога, принявшего человеческий облик. Теперь Бог больше не подавлял людей, а спускался к ним сам, чтобы помочь им подняться над любыми противоречиями.

Вот эту эпоху великого поворота я и хотел описать. Благословенные годы, когда христианство было подобно гончарной глине, материку в процессе формирования, а первые христианские писатели были одновременно рычагом и отражением, жизненной силой и опорой. После создания Евангелия, Посланий и Писаний апостолов эстафету приняли мирские авторы, соизмеряя, развивая, комментируя неисчерпаемое богатство, доставшееся им в наследство.

Я шел по двору Католического университета, когда кто-то хлопнул меня по плечу. Обернувшись, я увидел перед собой Люка Субейра. Молочно-белая физиономия под рыжей шевелюрой, тонкая хрупкая фигура, на которой болталось шерстяное пальто, шея обмотана шарфом. Я ошалело выпалил:

– Ты что здесь делаешь?

Он посмотрел на экзаменационный лист, который вертел в руках.

– Полагаю, то же, что и ты.

– Ты пишешь диссертацию?

Он поправил очки и ничего не ответил. Я недоверчиво усмехнулся:

– Где ты пропадал все это время? С каких пор мы не виделись? С выпускных экзаменов?

– Ну, ты ведь вернулся к своим буржуазным истокам.

– Да ладно тебе. Я пытался тебе дозвониться все это время. Чем ты занимался?

– Учился здесь, в Католическом университете.

– Ты занимался богословием?

Он щелкнул каблуками и стал по стойке смирно:

– Так точно, сэр! И вдобавок получил степень магистра классической филологии.

– Значит, мы выбрали один путь.

– А ты в этом сомневался?

Я не ответил. В последние годы нашего пребывания в Сен-Мишель Люк изменился. Он стал еще более саркастичен, а его фамильярное отношение к вере превратилось в постоянные насмешки и иронию. Я недорого бы дал за его призвание. Он предложил мне сигарету и, прикуривая, спросил:

– О чем твоя диссертация?

– Зарождение христианской литературы. Тертуллиан, Киприан...

Он восхищенно присвистнул.

– А твоя?

– Я еще не решил. Скорее всего, о дьяволе.

– О дьяволе?

– Да, как о торжествующей силе нашего века.

– Что ты несешь?!

Люк обогнул толпившихся студентов и направился к зарослям в глубине двора.

– Вот уже некоторое время меня интересуют злые силы.

– Какие еще злые силы?

– Как по-твоему, почему Христос сошел на Землю?

Я не ответил. Вопрос был слишком неожиданным.

– Он пришел, чтобы нас спасти, – продолжал он. – Чтобы искупить наши грехи.

– Ну и что?

– Значит, зло уже было на Земле. Задолго до Христа. По сути, оно было всегда и всегда шло впереди Бога.

Я отмахнулся от такого рассуждения. Не для того я четыре года занимался богословием, чтобы прийти к столь примитивным выводам. Я заметил:

– Что тут нового? Человеческий грех начинается со змия, и...

– Я говорю не об искушении. Я говорю о той силе, скрытой в нас, которая отвечает за соблазн, делая его законным.

Газоны были покрыты опавшими листьями – бурые пятнышки или рыжие веснушки осени. Я резко прервал его:

– Со времен Блаженного Августина известно, что зло не имеет онтологического воплощения.

– В своих произведениях Августин использует слово «дьявол» две тысячи триста раз, не считая синонимов...

– Только в качестве символа или метафоры... Надо учитывать эпоху. По Августину, Бог не мог сотворить зло. Зло – это лишь отсутствие добра. Это заблуждение – человек создан для света. Он сам есть свет, потому что он – Божья совесть. Его надо только направлять и иногда призывать к порядку. «Все добры, ибо Творец всего сущего благ сверх меры...»

Люк вздохнул преувеличенно громко:

– Если Творец всемогущ, как ты объяснишь то, что Он всегда оказывается бессильным перед лицом простого заблуждения? Как объяснить то, что зло всегда и всюду торжествует? Воспевать величие Бога – значит воспевать величие зла.

– Ты богохульствуешь.

Он остановился и повернулся ко мне:

– История человечества – не что иное, как история жестокости, насилия и разрушения. Этого никто не может отрицать. Как ты это объяснишь?

Мне не понравился его сверкавший из-за очков взгляд – глаза лихорадочно блестели. Я не стал отвечать, чтобы не столкнуться с загадкой древней, как мир: жестокой, злокозненной, безнадежной стороной человека.

– А я тебе скажу, – снова заговорил он, кладя руку мне на плечо. – Потому что зло – это реальная сила, как минимум равная добру. Во Вселенной эти две противоположные силы находятся в противоборстве, и их битва еще далеко не окончена.

– Можно подумать, мы вернулись к манихейству.

– А почему бы и нет? Все приверженцы единого Бога на самом деле замаскированные дуалисты. Мировая история – это история поединка. Без судей.

Под ногами шуршали листья. Моя радость по поводу начала занятий улетучилась. В конце концов, я обошелся бы без этой встречи. Я поспешил к корпусу, где оформляли поступающих.

– Не знаю, что ты изучал в последнее время, но ты явно впал в оккультизм.

– Наоборот, – возразил он, догоняя меня, – я опираюсь на современные науки! В каждой из них зло присутствует и как физическая сила, и как движение психики.

– Ты ломишься в открытую дверь.

– Об этих дверях часто забывают, ссылаясь на сложность и глубину. В масштабах Вселенной, например, силы зла царят повсеместно. Вспомни о взрывах звезд, которые становятся черными дырами – пропастями отрицания – и втягивают в свои бездны все.

Я понял, что Люк уже приступил к своей диссертации. Он нес невероятный бред насчет мироздания – это было что-то вроде антологии вселенского зла.

– Возьмем психоанализ, – продолжал он, пронзая окурком воздух. – Чем он занимается? Темными сторонами нашего «я», нашими запретными желаниями, нашим стремлением к разрушению. Или возьмем коммунизм. Прекрасная идея – вначале. И к чему она привела? К самому жуткому геноциду века. Что бы мы ни делали, о чем бы ни думали, все равно придем к нашей проклятой доле. Двадцатый век – высшее ее проявление.

– Так ты можешь объяснить любые превратности человеческой жизни. Это слишком упрощенные рассуждения.

Люк прикурил от окурка.

– Просто то, о чем я говорю, универсально. Мировая история в результате выливается в борьбу между двумя силами. По странному стечению обстоятельств христианство, которое, кстати, и дало имя злу, стремится уверить нас в том, что речь идет о чем-то вторичном. Нельзя победить, недооценивая врага!

Я уже подошел к административному корпусу и, поднявшись на первую ступеньку, спросил с раздражением:

– К чему ты клонишь?

– Защитив диссертацию, ты поступишь в Папскую семинарию?

– Ты хотел сказать, во время работы над диссертацией. На следующий год я рассчитываю поехать в Рим.

Его лицо исказила гримаса.

– Я прямо вижу, как ты читаешь проповедь горстке стариков в полупустой церкви. Конечно, выбирая такой путь, ничем не рискуешь. Ты похож на врача, который ищет работу в больнице для здоровых.

– Чего ты от меня хочешь? – воскликнул я. – Чтобы я стал миссионером? Чтобы я отправился в тропики обращать в христианство язычников?

– Зло, – очень спокойно произнес Люк. – Только зло важно. Служить Богу – значит бороться со злом. Другого пути нет.

– А ты? Чем будешь заниматься ты?

– Я пойду на оперативную работу. Хочу посмотреть в глаза дьяволу.

– Ты отказываешься от семинарии?

Люк разорвал свой экзаменационный лист:

– Вот именно. И от диссертации тоже. Я тебя разыграл. Я даже и не собирался продолжать учебу в этом году. А сюда я пришел за дипломом. Эти придурки выдали мне экзаменационный лист, потому что решили, что я такой же баран, как и другие. Как ты.

– Диплом? Зачем?

Люк взмахнул руками. Ключки бумаги разлетелись и смешались с опавшими листьями.

– Я уезжаю в Судан. С «Белыми отцами». Гражданским миссионером. Хочу своими глазами увидеть войну, насилие, нищету. Время речей миновало, настало время действовать!

6

До Верне я мог добраться с закрытыми глазами. Сначала дорога А6, от ворот Шатийон в сторону Нант-Бордо, затем дорога А10 на Орлеан и, наконец, А11, по указателям на Шартр.

Мимо пролетали автомобили, в струях дождя свет их фар казался размытыми линиями, похожими на спирали внутри горящей лампочки. Было семь часов утра, еще не рассвело.

Я перебирал в уме информацию, собранную на рассвете. До четырех утра я спал, поминутно просыпаясь, потом встал, включил Интернет и набрал в «Гугле» четыре роковые буквы: КОМА. Компьютер выдал мне тысячи ссылок на статьи. Чтобы поддержать в себе надежду и упростить поиск, я добавил еще «выход из...».

В течение двух последующих часов я читал свидетельства очевидцев внезапного выхода из комы, постепенного возврата сознания, а также экспериментов, заканчивающихся клинической смертью. Меня поразило, насколько распространено это явление. Из пяти людей, перенесших инфаркт, повлекший за собой мгновенную кому, по меньшей мере один пережил эту «временную смерть». При этом человек чувствует, как душа отлетает от тела, затем видит длинный туннель и в конце этого туннеля – яркий белый свет, который у многих ассоциируется с самим Христом. Видел ли Люк этот туннель? Придет ли он когда-нибудь в сознание, чтобы нам об этом поведать?

В Шартре я миновал собор с двумя асимметричными шпилями, и передо мной открылась долина Бос, простирающаяся до горизонта. По коже побежали мурашки – я приближался к дому в Верне. Проехав еще километров пятьдесят, я свернул на боковую дорогу, чтобы миновать Ножен-ле-Ротру, и выехал на национальное шоссе. В тот момент, когда взошло солнце, я уже был в настоящей сельской местности.

Вдали поднимались холмы, между которыми виднелась лощина, и черные поля, покрытые инеем, искрились в утреннем свете. Я опустил в машине стекла и вдыхал запах опавших листьев, удобренной земли и не желавшей уходить ночной свежести.

Еще тридцать километров, и, обогнув Ножен-ле-Ротру, я направился по департаментской дороге к границе Орн и Эр-и-Луар. Через десять километров я увидел указатель «Пти-Верне», свернул на узкую дорожку и проехал еще метров триста. За первым поворотом показались ворота из светлого дерева. Я посмотрел на часы: без четверти восемь. Мне предстояло с точностью до секунды восстановить то, что здесь произошло.

Припарковав машину, я пошел пешком. Раньше здесь была водяная мельница, состоявшая из нескольких построек, разбросанных вдоль реки. Основное здание превратилось в развалины, но остальные были восстановлены и проданы под дачные домики. Третий дом справа принадлежал Люку. Двести квадратных метров земли – вполне приличный участок, и все это в трехстах километрах от Парижа. Сколько же Люк заплатил за эту лачугу шесть лет назад? Миллион тогдашних франков? Земля в Перше все время поднималась в цене. Где он раздобыл деньги? Мне вспомнился фильм Фрица Ланга «Большая жара», там все началось с убийства полицейского. Дальше выясняется, что это был коррумпированный детектив. Его выдал загородный дом – шикарный и очень дорогой. Я будто снова услышал слова Дуду: «Если ты разроешь это дерьмо, в нем перемажутся все». Но чтобы Люк оказался продажным полицейским? Этого не могло быть.

Я прошел мимо дома с тремя окошками и направился к реке. От мокрой травы шел дурманящий аромат. Ветер хлестал по лицу. Я застегнул плащ и пошел дальше. За полоской подстриженных деревьев скрывался водный поток. До меня доносилось только тихое журчание, похожее на смех ребенка.

– Что вам здесь нужно?

Из кустов внезапно появился человек. Метр восемьдесят росту, стрижка бобриком, черная куртка из плотной ткани. Небрит, густые лохматые волосы – он был похож скорее на бродягу, чем на крестьянина.

– Вы кто? – продолжал наступать он.

Под курткой у него не было ничего, кроме дырявого свитера.

Я помахал перед его носом трехцветным удостоверением.

– Я из Парижа. Я друг Люка Субейра.

Казалось, это успокоило незнакомца. Его серо-зеленые глазки сверкали на солнце.

– Я принял вас за нотариуса. Или за адвоката. В общем, за одного из тех мерзавцев, которые делают деньги на трупах.

– Люк не умер.

– Благодаря мне. – Он почесал затылок. – Меня зовут Филипп, я садовник. Это я его спас.

Я пожал ему руку, всю в травинках и пятнах никотина. От него пахло глиной и холодным пеплом. И еще я почувствовал запах алкоголя – не вина, а скорее кальвадоса или чего-то покрепче – и решил ему подыграть:

– У вас выпить не найдется?

Его лицо сразу замкнулось, и я пожалел о своей хитрости – слишком очевидной. Я вынул пачку «кэмел» и предложил ему. Он отрицательно покачал головой, исподволь продолжая изучать меня. В конце концов, он закурил «житан».

– Рановато для выпивки, – буркнул он. – Разве нет?

– Для меня – нет.

Он хохотнул, вытащил из кармана заржавленную фляжку и протянул мне. Не раздумывая, я сделал большой глоток. Спиртное обожгло, потом тепло разлилось по груди. Садовник наблюдал за моей реакцией. Казалось, он остался доволен и в свою очередь отхлебнул из фляжки. Прищелкнув языком, он убрал сивуху в карман.

– Что вы хотите узнать?

– Мне нужны подробности.

Филипп вздохнул, пошел к воде и уселся на старый сухой ствол. Я подошел поближе. В морозном воздухе звенели птичьи голоса.

– Я очень любил месье Субейра. Не могу взять в толк, что на него нашло.

Я прислонился к стоящему рядом дереву.

– Вы здесь работаете каждый день?

– Только по понедельникам и вторникам. Сегодня я пришел как всегда. Мне ничего не сказали.

– Расскажите, как все было.

Он сунул руку в карман, вынул фляжку и протянул мне. Я отказался. Тогда он отхлебнул сам.

– Я подошел к реке и сразу его заметил, нырнул и вытащил на берег. Река здесь неглубокая.

– В каком месте это произошло?

– Да вот в этом самом. В нескольких метрах от шлюза. Я позвонил жандармам. Они были здесь уже через несколько минут. Одна минута все решила. Если бы я пришел минутой позже, его бы унесло течением и я бы ничего не увидел.

Я посмотрел на водную гладь – она была совершенно неподвижна.

– Вы говорите – течение?

– Сейчас его нет, потому что шлюз закрыт.

– А вчера он был открыт?

– Месье Субейра его и открыл. Он все предусмотрел. Наверное, хотел, чтобы его унесло...

– Мне сказали, что на нем был груз из камней.

– Мне было чертовски трудно его вытаскивать. Все потому, что он привязал к поясу строительные блоки.

– Как же он это сделал?

Филипп поднялся.

– Пошли со мной.

Он направился к живой изгороди. В глубине сада стоял почерневший сарай, втиснутый между подлеском и рядом подстриженных деревьев. У деревянной стены под пластиковым навесом были сложены поленья. Мой проводник плечом распахнул дверь и отошел в сторону, чтобы я мог заглянуть внутрь.

– В последние выходные месье Субейра попросил меня перенести сюда старые строительные блоки, которые валялись с незапамятных времен на другом берегу реки. Он даже попросил распилить пополам несколько штук. Я тогда не понял, для чего. Теперь-то знаю: он хотел сделать из них груз. Он заранее рассчитал такой груз, который ему был нужен, чтобы тело унесло течением.

Я бросил взгляд на дверной проем и не стал заходить. Пора было признать тот факт, что Люк хотел покончить с собой. Потрясенный, я отошел от двери.

– Как он закрепил камни?

– С помощью железной проволоки, он согнул ее втрое – для крепости. Получилось вроде свинцового пояса, как у ныряльщиков.

Я глубоко вдохнул холодный воздух. Живот скрутили мучительные спазмы. От голода, самогона и отчаяния. Что случилось с Люком? Что же такое он обнаружил, из-за чего хотел покончить с собой? Оставить семью и предать свою веру?

Садовник закрыл дверь и спросил:

– Он ваш друг, так?

– Мой лучший друг, – ответил я с отсутствующим видом.

– Вы не заметили, что он вроде не в себе?

– Нет.

Я не осмелился признаться этому незнакомому человеку, что я не говорил с Люком – не говорил по душам – вот уже несколько месяцев, несмотря на то что нас разделял всего один этаж. В завершение я спросил на всякий случай:

– Больше ничего странного вы не заметили? Я хочу сказать: когда вытаскивали тело.

Человек в черном сощурил зеленые глазки. Казалось, его опять обуревают сомнения.

– Вам не говорили про образок?

– Нет.

Садовник приблизился. Он явно оценивал мое удивление. Приняв решение, прошептал мне на ухо:

– В правой руке у него был образок. Так мне показалось. Я увидел только цепочку, которую он сжимал в кулаке.

Итак, бросаясь в воду, Люк что-то держал в руке. Амулет? Нет, Люка нельзя назвать суеверным. Садовник снова протянул мне фляжку, насмешливо улыбаясь беззубым ртом:

– Признайтесь. У лучшего друга от вас было многовато секретов, ведь так?

7

Больница в Шартре, также носившая название Отель-Дье, возвышалась в глубине двора, покрытого черными лужами и подрезанными деревьями. Кремово-коричневое здание напоминало пирожное с шоколадными полосками. Я не стал подниматься по двойной внешней лестнице, ведущей сразу на второй этаж, а прошел на первый.

Я оказался в большой столовой со сводчатым потолком, каменными колоннами и черно-белым кафелем на полу. В глубине – залитое солнцем крыльцо, ведущее в сад. Мимо прошла медсестра, и я спросил, можно ли поговорить с врачом, который вернул к жизни Люка Субейра.

– Мне жаль, но сейчас он обедает.

– В одиннадцать часов?

– После этого у него назначена операция.

– Я подожду здесь, – сказал я, доставая удостоверение. – Скажите, пусть идет сюда со своим десертом.

Девушка ушла. Ненавижу показывать свою власть, но от одной мысли, что придется войти в столовую с ее запахом жратвы и звяканьем столовых приборов, мне становилось дурно. В зале слышались шаги.

– Что вам нужно?

Здоровенный тип в белом халате с разъяренным видом шел мне навстречу.

– Майор Матье Дюрей. Уголовная полиция Парижа. Я веду дело о самоубийстве Люка Субейра. Вчера его доставили к вам в отделение.

Врач разглядывал меня через очки. Лет шестьдесят, седые волосы, не знавшие расчески, длинная, как у грифа, шея. Наконец он произнес:

– Я все написал в отчете, который отправил жандармам вчера вечером.

– В Уголовной полиции его еще не получили, – сблефовал я. – Прежде всего скажите: почему вы решили отправить его в Отель-Дье в Париже?

– У нас нет нужного оборудования. Люк Субейра был полицейским, вот мы и решили, что Отель-Дье...

– Мне сказали, что его возвращение к жизни граничит с чудом.

Врач не смог сдержать горделивой улыбки:

– Люк Субейра вернулся с того света, это верно. Когда его привезли сюда, сердце уже остановилось. Если его и удалось оживить, то лишь благодаря стечению особых обстоятельств.

Я вынул карандаш и записную книжку.

– Объясните.

Врач сунул руки в карманы и двинулся к саду. Он сутулился и шел, согнувшись под углом почти в тридцать градусов. Я пошел за ним.

– Первый благоприятный момент, – начал он, – то, что течением Люка отнесло на несколько метров, он ударился головой о камень и потерял сознание.

– А что в этом удачного?

– Когда человек оказывается под водой, он вначале рефлекторно задерживает дыхание, даже если это попытка самоубийства. Потом, когда весь кислород уже поглощен кровью, он открывает рот – это непреодолимый рефлекс, вода проникает в легкие, и человек захлебывается и тонет за несколько секунд. А Люк отключился как раз перед этим решающим мгновением. Он не успел открыть рот, и в легких у него воды не было.

– Но он в любом случае задохнулся бы, так?

– Нет. Он был в апноэ. В общем, в таком состоянии, когда у человека замедляется естественный ток крови и она приливает к жизненно важным органам: сердцу, легким и мозгу.

– Это что-то типа зимней спячки?

– Именно так. Кроме того, этому явлению способствовал холод. У Люка была сильная гипотермия. По словам спасателей, температура тела опустилась до тридцати четырех градусов. При таком холоде организм использовал все молекулы кислорода, которые у него оставались.

Я записывал каждое слово.

– Как по-вашему, сколько времени он пробыл под водой?

– Невозможно определить. По мнению спасателей, сердце остановилось как раз перед тем, как его привезли.

– Они делали ему массаж сердца?

– Нет. К счастью. Иначе они наверняка разрушили бы это своего рода состояние благодати. Они предпочли привезти его сюда, потому что знали, что я могу применить особую методику воскрешения.

– Какую методику?

– Идите за мной.

Врач вышел через крыльцо и, прежде чем войти внутрь, прошел несколько шагов вдоль современного корпуса. Операционный блок. Белые коридоры, вращающиеся двери, запах медикаментов. Еще один порог. Теперь мы находились в комнате, где не было никакого оборудования, только металлический, высотой с комод, куб на колесиках, занимавший часть стены. Врач откатил его от стены и повернул ко мне той стороной, где располагались ряды кнопок и датчиков.

– Это аппарат искусственного кровообращения, АИК. Его используют для того, чтобы понизить температуру тела пациентов перед началом сложной операции. Кровь поступает в прибор, где она охлаждается на несколько градусов, потом снова вливается в тело. Такой цикл повторяют несколько раз до тех пор, пока не будет достигнута искусственная гипотермия, которая улучшает действие анестезии.

Я все это записал, не понимая, к чему он клонит.

– Когда привезли Люка Субейра, я решил использовать только что полученный из Швейцарии прибор, но применить его в обратном порядке: не для охлаждения крови, а для ее нагревания.

Не отрываясь от своих записей, я закончил его фразу:

– И все получилось.

– На все сто. Когда Люк Субейра поступил к нам, температура тела была 32 °С. После трех циклов переливания крови нам удалось поднять ее до 35 °С. При 37 °С его организм заработал – правда, очень медленно.

Я оторвал взгляд от записей.

– Вы хотите сказать, что все это время он был... мертв?

– Вне всякого сомнения.

– И сколько, по-вашему, это продолжалось?

– Трудно сказать точно, но в целом около двадцати минут.

Мне вспомнилась одна деталь:

– Спасатели прибыли на место очень быстро. Разве команда была не из Шартра?

– Это еще одно удачное стечение обстоятельств. Они прибыли по ложному вызову: это где-то в районе Ножен-ле-Ротру. И когда жандармы позвонили, они находились в нескольких минутах от места происшествия.

Я все записал и вернулся к физиологическим подробностям:

– Есть кое-что, чего я не понимаю. Ведь мозг может оставаться без кислорода всего несколько секунд. Как же Люк мог воскреснуть после двадцатиминутной смерти?

– Мозг функционировал за счет своих резервов. Думаю, что он снабжался кислородом в течение всего времени клинической смерти.

– Значит ли это, что у Люка не будет осложнений, когда он придет в себя?

Он сглотнул. У него был сильно выступающий кадык.

– На этот вопрос никто не может ответить.

Я представил Люка в инвалидном кресле, ползущего еле-еле, как слизняк. Наверное, я сильно побледнел, и врач легонько похлопал меня по плечу:

– Пойдемте. Здесь можно умереть от жары.

Выйдя на воздух, я почувствовал облегчение.

Только что кончился обед, и старики медленно разбредались, двигаясь как во сне. Я спросил:

– Здесь можно курить?

– Без проблем.

Первая же затяжка привела меня в чувство, и я перешел к заключительной части:

– Мне говорили об образке... на цепочке.

– Кто вам об этом сказал?

– Садовник. Человек, который вытащил Люка из воды.

– Спасатели действительно нашли образок, зажатый у него в кулаке.

– Он у вас?

Врач опустил руку в карман халата.

– Да, он остался у меня.

Предмет матово поблескивал на его ладони. Окислившаяся бронзовая медаль, стертая временем, на вид очень древняя. Я наклонился, чтобы лучше ее рассмотреть. С первого же взгляда я понял, что это такое.

На медали было выгравировано изображение архангела Михаила, архистратига небесного воинства – трижды победоносного врага Сатаны. Изображенный в духе «Золотой Легенды» Жака Воражина, герой был облачен в доспехи и держал в правой руке меч, а в левой – копье Христа. Правой ногой он попирает древнего дракона.

Врач продолжал говорить, но я его не слушал. В голове у меня звучали слова из Апокалипсиса:

И произошла на небе война: Михаил и Ангелы его воевали против дракона, и дракон и ангелы его воевали против них. Но не устояли, и не нашлось уже для них места на небе. И низвержен был великий дракон, древний змий, называемый диаволом и сатаной, обольщающий всю вселенную, низвержен на землю, и ангелы его низвержены с ним.

Истина была очевидна: прежде чем низвергнуться в ад, Люк защитился от дьявола.

8

Декабрь 1991

Вот уже два года, как я не видел Люка. Два года, как я шел собственным путем, взяв за основу творения раннехристианских авторов, живя в мире «Апологетики» Тертуллиана и «Октавия» Минуция Феликса. С сентября я был слушателем французского отделения Папской семинарии в Риме.

Это было самое счастливое время в моей жизни. Дом 42 – здание с розовыми стенами по улице Санта-Кьяра, большой двор, окруженный галереей цвета светлой охры. Моя комнатка с желтыми стенами, которую я воспринимал как убежище для сердца и совести. Комната для занятий, где мы отрабатывали жесты для будущих литургий. «Benedictus est, Domine, Deus universi...»⁴ Кроме того, у этого здания была терраса, смотревшая на купола собора Святого Петра, Пантеон и церковь Иисуса...

Мои родители настояли, чтобы на Рождество я вернулся в Париж, ибо для них было важно – «существенно», как выражалась моя мать, – чтобы мы провели конец года вместе. Но когда я приземлился в Руасси, ситуация, как оказалось, в корне изменилась: мои предки уже отправились на Багамские острова на яхте делового партнера отца.

Был вечер 24 декабря, и я испытал скорее облегчение, чем какое-либо иное чувство. Оставив вещи в особняке родителей на улице Виктора Гюго, я пошел бродить по Парижу. Просто так, без всякой цели. Ноги сами привели меня в Нотр-Дам. Там как раз начиналась всенощная.

В соборе было столько народа, что я с трудом пробрался внутрь и сразу проскользнул направо. Незабываемое зрелище: тысячи поднятых голов, отрешенные, сосредоточенные лица, звенящая тишина, пропитанная благовониями. Я был здесь чужим среди незнакомых мне людей и наслаждался этим, забыв обо всем: об упадке католической веры, о вероотступничестве священников, о запустении церквей.

– Матье!

Я повернул голову, стараясь разглядеть в толпе знакомое лицо.

– Матье!

Я поднял глаза. Стоя на основании колонны, Люк возвышался над толпой верующих. Его бледное лицо, покрытое медными веснушками, сияло как свеча. Он спрыгнул вниз и исчез в толпе. Но через секунду уже тянул меня за руку:

– Идем, живее. На выход.

– Но сейчас начнется служба...

В глубине хоров священник произнес:

– «На Тебя, Господи, уповаю!»

Люк подхватил на лету:

– «...Силой Твоей укрепляюсь, во веки не поколеблюсь...» Мы с тобой наслушались этого вдоволь, так ведь?

Насмешливый тон стал еще более агрессивным. Вокруг нас послышались протестующие возгласы. Чтобы не поднимать скандала, я пошел за ним. Оказавшись у стены, я схватил его за плечо:

– Ты что, вернулся во Францию?

Люк подмигнул мне:

– Хочу поучаствовать в представлении.

⁴ «Благословен Ты, Господи, Боже вселенной...» (лат.)

За стеклами очков его взгляд сверкал ярче обычного. Заострившиеся черты лица, тени под глазами – если бы я не знал его так хорошо, я бы подумал, что он принимает наркотики.

Люк пробрался между тесными рядами и остановился около стеклянной дверцы исповедальни. Открыл ее и втолкнул меня внутрь.

– Входи.

– Ты что, спятил? Да ты...

– Входи, тебе говорят!

Я опустился на скамеечку. Люк уселся с другой стороны перегородки, там, где обычно сидит священник, и опустил обе шторы. В одно мгновение мы оказались отрезанными от толпы, песнопений и службы. Люк прошептал через деревянную решетку:

– Я видел его, Мат. Видел собственными глазами.

– Кого?

– Дьявола. Во плоти.

Я наклонился, стараясь сквозь решетку разглядеть его лицо. Оно почти светилось. Его черты подергивались, и он все время прикусывал нижнюю губу.

– Ты хочешь сказать: там, в Судане?

Вместо ответа Люк отодвинулся в темноту.

Нельзя было понять, смеется он или плачет. За два последних года мы обменялись лишь несколькими письмами. Я ему сообщил, что меня приняли в Папскую семинарию. Он мне ответил, что делает свое «дело», все дальше продвигаясь на юг, туда, где восставшие христиане сражаются с регулярными войсками. Его письма были странными, холодными и чужими – читая их, невозможно было почувствовать состояние его души.

– В Судане, – усмехнулся он, – я видел только следы дьявола: голод, болезни, смерть. А вот в Вуковаре, в Югославии, я уже видел его самого в действии.

Из газетных сообщений я знал, что совсем недавно этот город в Хорватии после трехмесячной осады оказался в руках сербов.

– Оторванные осколками бомб головы детей, младенцы с выколотыми глазами. Беременные женщины, которым вспороли животы, а потом сожгли заживо. Раненые, расстрелянные в упор прямо в госпиталиях. Подростки, которых заставляли насиловать своих матерей... Я все это видел. Зло в чистом виде. Темная сила, вырвавшаяся из недр человека.

По контрасту я представил себя в своей желтой келье. Каждое утро, сидя в тепле и уюте, я слушал новости на волне Ватикана. Я спросил:

– Как же... как ты оттуда выбрался?

– Чудом.

– Ты работал на какую-то ассоциацию?

– Ни на какую.

Он опять рассмеялся и приблизил лицо к разделявшей нас перегородке:

– Я взялся за оружие, Мат.

– Что?!

– Стал добровольцем. Там иначе не выживешь.

На секунду мне показалось, что Люк раскаивается, но я ошибся – он ни о чем не жалел. Наоборот, гордился тем, что сделал.

– Как ты мог?!

Он снова откинулся в темноту. Пение смолкло, и в церкви стало тихо. И тут я услышал совсем рядом звук – звук рыданий. Люк плакал, закрыв лицо руками.

Я сразу переменял тон:

– Тебе надо все забыть. Все, что делали они, что делал ты... Нельзя же судить обо всем человечестве по этой вспышке насилия. Ты оказался в наихудших условиях, где человек превращается в животное. Ты...

Люк поднял голову и снова приблизил ко мне лицо. На скулах у него блестели слезы, но он улыбался, и усмешка искажала его черты.

– А ты все там же, в семинарии?

– Уже три месяца.

– А пришел не в сутане. Ты что, инкогнито?

– Не надо издеваться надо мной.

Он засмеялся сквозь слезы:

– Так и сидишь в больнице для здоровых?

– Что за игру ты затеял? Тебе понадобилось двадцать четыре года, чтобы открыть для себя насилие? И нужен был Вуковар, чтобы осознать меру человеческой жестокости? А что ты намерен делать теперь? Отправиться на другой фронт? Свет в нас самих, Люк. Вспомни Первое послание Иоанна: «Для сего-то и явился Сын Божий, чтобы разрушить дела дьявола».

– Он явился слишком поздно.

– Если ты так думаешь, значит, ты потерял веру. Наша роль не в том, чтобы противостоять злу, а в том, чтобы призывать к добру, вести к свету...

– Ты тыловая крыса, Мат. Ты славный парень, но ты тыловая крыса. Мелкий набожный буржуа.

Я вцепился в решетку. В соборе снова запели.

– Чего ты добиваешься? Чего ты хочешь?

– Действовать.

– Ты возвращаешься в Югославию?

– Я записался в Канн-Эклюд.

– Куда?!

– В полицейскую школу. Экзамены в январе. Я буду полицейским. Через два года я уже смогу работать на улице. Другого выхода нет. Я хочу встретиться с дьяволом на его территории. Хочу испачкать руки. Соображаешь?

Он говорил спокойным, уверенным голосом. А у меня внутри, наоборот, что-то оборвалось. Снова вспомнился апостол Иоанн: «Мы знаем, что мы от Бога и что весь мир лежит во зле».

Я закрыл глаза и снова увидел себя и Люка стоящими у колонн аббатства Сен-Мишель-де-Сез. Тогда мы собирались изменить Церковь, изменить мир...

– Счастливого Рождества, Мат.

Когда я открыл глаза, исповедальня была пуста.

Следующие месяцы я прожил в состоянии оцепенения. В семинарии мне было не по себе. Таинства, литургии, молитвы, исповедь... Я слушал и не слышал, машинально повторяя заученные жесты. До меня доходили новости из Югославии, которые передавали по «Радио Ватикана». Узнав о новой резне или зверствах, я молился и постился. Я был сам себе отвратителен. Тыловая крыса. Мелкий набожный буржуа.

Я все время думал о Люке. Как этот интеллектualan, помешанный на богословии, мог стать полицейским? Ответа я не находил. Насмешки Люка все еще звучали в ушах. С каждым днем я все меньше верил в свое призвание. Богословское образование казалось мне бесплодным. И таким удобным! Я выбрал путь аскета, но жил как паша. Всегда сыт, есть крыша над головой, огражден от невзгод – я мог посвятить свое время тому, что любил больше всего на свете, – книгам.

Я ясно видел свою карьеру. Никогда я не стану сельским священником. По окончании семинарии, после защиты диссертации, я останусь в Риме и поступлю в Папский Григорианский университет. Занимая посты в европейских резиденциях папских нунциев, я буду подниматься по ступеням церковной иерархии все выше и выше, пока не достигну вершин. Прочное

положение под знаком достатка и власти. Все то, что я ненавидел в родителях, теперь ожидало меня, хотя и в другой форме.

Я поделился своими сомнениями с духовными наставниками. Но в ответ услышал только обычные речи священнослужителей – живительный бальзам, проливаемый на душевные раны. 29 июня, в день возведения в сан священников в «лоне Святой Римско-католической апостольской церкви», я отказался от сутаны.

Люк ошибся. Я находился не в больнице для здоровых.

Я был на кладбище. Здесь все были мертвы. И я в том числе.

Я вернулся в Париж и прорвался в парижское архиепископство. Там мне предложили длинный перечень гуманитарных организаций. Я остановился на первой же миссии на том континенте, который для себя выбрал, – в Африке. «Земля надежды» – ассоциация бельгийских францисканцев, которая принимала в свои ряды добровольцев-мирян, показалась мне самой подходящей. Эта партия дальше других углублялась в зоны риска.

И вот в 1993 году, за год до начала геноцида в Руанде, началось мое первое приключение.

Указатели на выезде с автостреды вернули меня к действительности.

Я устремился в туннель на въезде в Орлеан, продолжая думать о Люке и о том, как переменялись наши судьбы. У меня все было еще впереди. От этой мысли я вздрогнул. Никогда я не последую за ним по дороге самоубийства. Теперь я должен был это признать и найти причины, толкнувшие его на такое. Что-то должно было случиться. Немыслимое событие, которое выбросило Люка из его собственной судьбы. Я должен пролить свет на его решение. Только при этом условии к нему вернется сознание.

9

Рабочий кабинет. Груда бумажного хлама. Срочные сообщения. Я закрыл дверь и вскрыл новую пачку сигарет. «Курение может нанести вред сперматозоидам и уменьшить детородную способность». Такие предупреждения действовали мне на нервы. В памяти возникли слова, сказанные Антоненом Арто по поводу наркотиков: «Способы саморазрушения не имеют значения: общества это не касается».

Мой взгляд упал на желтые листочки, приклеенные к пачкам деловых бумаг: «11.00 – позвонить Дюмайе», «12.00 – Дюмайе» и еще «14.00 – Дюмайе. СРОЧНО!». Натали Дюмайе, комиссар и начальник Отдела уголовной полиции, руководила оперативными группами на Орфевр, 36. Я посмотрел на часы: почти 15.00. Для чаепития с цербером рановато. Я снял плащ и пролистал документы. Того, что я надеялся там найти, не было. На автоответчиках моего мобильного и городского телефонов также не нашлось ни одного заслуживающего внимания сообщения. Тогда я позвонил Маласпе.

– Ты чего не звонишь? – набросился я на него. – Как продвигается дело с цыганами?

– Я только что был на факультете в Нантере и говорил с профессором, специалистом по цыганскому языку и культуре. Ты был прав. Этот трюк с обувью – их обычай. Он считает, что наш клиент снял обувь со своей жертвы, чтобы его не преследовал ее призрак. Типично цыганский ход мыслей.

– Хорошо. Поищешь в базах данных Судебной полиции. Выберешь всех цыган, которые проходили по делам за последние годы, особенно в девяносто четвертом.

– Уже сделано. Еще мы работали в Центральном комиссариате Кретея. Проверяли местные общины.

– Ты где сейчас?

– На набережной. Возвращаюсь в Контору.

Я положил на папку с делом медальон с изображением архангела Михаила.

– Перед тем как пойдешь к себе, зайди ко мне. У меня для тебя кое-что есть.

Я положил трубку и вызвал Фуко. Пока я обдумывал подробности ночных происшествий, в дверь моего кабинета постучали. Старший оперативник моей группы выглядел жизнерадостным шалопаем: курчавые волосы, узкие плечи, обтянутые «Бомбером», сияющая улыбка. Фуко был как две капли воды похож на Роджера Далтри, солиста группы «Who» времен Вудстока.

Мой заместитель принял мрачный вид, собираясь заговорить о несчастье, случившемся с Люком, но я жестом остановил его.

– Ты должен мне помочь. Задание необычное.

– В каком смысле?

– Я хочу, чтобы ты прощупал парней Люка. Какое дело они раскручивали?

Он кивнул, но довольно скептически:

– Это будет нелегко.

– Пригласи их выпить. Прикинься своим в доску.

– Можно попробовать...

Вчера Дуду показал мне, что его ребята не расположены к сотрудничеству.

– Послушай, никто не знает Люка так хорошо, как я. У того, что он сделал, должна быть внешняя причина. Нечто необъяснимое, обрушившееся на него внезапно. Депрессия или приступ хандры тут ни при чем.

– Что это может быть?

– Понятия не имею. Но я хочу знать, не работал ли он над каким-нибудь особым делом.

– О'кей. Это все?

– Нет. Перетряхни его личную жизнь. Банковские счета, кредиты, налоговые выплаты – все. Раздобудь счета за телефонные разговоры – с мобильного, служебного, домашнего. Все входящие звонки за три месяца.

– Ты думаешь, что-то всплывет?

– Я хочу удостовериться в том, что у Люка не было секретов – двойной жизни или не знаю чего еще.

– Двойная жизнь? У Люка?

Фуко держал руки в карманах, и вид у него был смущенный.

– Поинтересуйся также в центре психологической экспертизы Судебной полиции. Там на Люка должно быть досье. Разумеется, действовать надо как можно осторожнее.

– А «быки»?

– Разберись с ними по-быстрому и держи меня в курсе.

Фуко ушел, скептически качая головой. Я и сам не верил, что из этого что-то выйдет. Если Люку было что скрывать, он бы прежде всего уничтожил следы. Нет ничего хуже, чем охотиться за охотником.

Дверь снова открылась: на пороге стоял Маласпе. Крепкий, бесстрастный, закутанный в парку, на ремне через плечо всегда маленький патронташ, сплетенный на индейский манер. Длинные седые пряди, стянутые в конский хвост, и трубка в зубах довершали картину. Он напоминал скорее учителя технического лица, чем полицейского, прослужившего в Уголовной полиции пятнадцать лет.

– Хотели меня видеть?

Из-за трубки он проглатывал половину слов. Я открыл ящик стола, вынул прозрачный пакетик и положил в него образец с изображением архангела Михаила.

– Разузнай об этом все, что можешь, – сказал я, перебрасывая ему пакет. – Проконсультируйся у специалистов по нумизматике. Я хочу точно знать происхождение этой штуки.

Маласпе повертел пакет, рассматривая содержимое со всех сторон.

– Что это?

– Именно это я и хочу узнать. Сходи к профессорам, перетряхни факультеты.

– Кажется, мне впору опять за парту.

Он сунул образец в карман и исчез. Я провел битый час, изучая материалы, скопившиеся у меня на столе, – ничего стоящего. В 17.00 я поднялся и пошел к начальнице.

Постучал в дверь и услышал предложение войти. Атмосфера чистоты, где витал легкий запах ладана, – это мне напомнило мое собственное жилище.

Натали Дюмайе отличалась сильным и решительным характером, но этого никак нельзя было предположить по ее внешности. Лет сорока, бледная кожа, фигура манекенщицы, стрижка «каре» – черные волосы уложены с нарочитой небрежностью. Угловатая резкая красота, которую смягчали огромные глаза – зеленые, спокойные, мягко проникающие вам в душу. Всегда шикарно одетая, можно сказать, по последней моде, она носила итальянские фирменные вещи, которые редко можно увидеть у нас на набережной Орфевр.

Это что касается внешности. По характеру Дюмайе полностью соответствовала духу Уголовной полиции: жесткая, циничная, упорная. Раньше она работала в группе «Антитеррор», потом в Наркотделе и везде показала себя с лучшей стороны.

У нее имелись две отличительные особенности. Во-первых, очки в гибкой оправе, которую невозможно сломать: ее можно смять в руке, но она тут же восстанавливает свою форму. Дюмайе была такой же: несмотря на мягкие манеры, она ничего не забывала и никогда не теряла из виду свою цель. Другой ее особенностью были кончики пальцев. Заостренные, длинные, они напоминали сверхтонкие молоточки огранщика алмазов, такие твердые, что ими можно разбивать драгоценные камни.

– Хотите чашечку «Кимун»? – спросила она, поднимаясь из-за стола.

– Спасибо, не беспокойтесь.

– Я все-таки приготовлю.

Она поколдовала над чайником. В ее движениях было что-то от студентки и верховной жрицы. И эта ее чайная церемония отдавала чем-то древним, культовым. Мне вспомнились ходившие у нас слухи, будто Дюмайе посещает секс-клубы, где участники обмениваются партнерами. Так это было или нет? Я вообще не верил слухам, а уж этим особенно.

– Если хотите, можете курить.

Я кивнул, но сигареты вынимать не стал. Нельзя было расслабляться – «срочный» вызов не предвещал ничего доброго.

– Вы знаете, зачем я вас вызвала?

– Нет.

– Присаживайтесь.

Она пододвинула ко мне чашку:

– Мы все потрясены, Дюрей.

Я уселся, ничего не ответив.

– Полицейский такого класса, как Люк, такой сильный, надежный... Это кошмар какой-то!

– Вы меня в чем-то упрекаете?

Резкость моего тона вызвала у нее улыбку.

– Как продвигается расследование в Ле-Пере?

Я вспомнил о своем предчувствии: победу праздновать еще рано.

– Продвигается. По одной из версий, это могли быть цыгане.

– У вас есть доказательства?

– Только предположения.

– Будьте осторожны, Дюрей. Чтобы без всяких расовых предрассудков.

– Поэтому я и не распространяюсь об этом деле. Дайте мне немного времени.

Она рассеянно кивнула. Это было только вступление.

– Вы знаете Кондансо?

– Филиппа Кондансо?

– Служба собственной безопасности, дисциплинарный отдел. Похоже, на Субейра есть что-то существенное.

– Что значит – существенное?

– Не знаю. Он позвонил мне сегодня утром и только что перезвонил снова.

Я молчал. Кондансо был одним из тех, кто любит копаться в дерьме и буквально кончает от радости, когда один из нас оказывается за воротами. Тыловая крыса, хлебом не корми – дай только унижить опера, заставить его подавиться своим геройством.

– Рапорт на Люка составлял он. И дело ведет он.

– Как всегда.

– Он считает, что его люди уже вышли на след. Сегодня после полудня кто-то запросил данные на Люка в банке. Он без труда определил любителя совать нос в чужие дела.

Что ж, Фуко зря времени не терял. Она пристально смотрела на меня своим текущим взглядом. В одно мгновение он стал жестким, и ее глаза превратились в бриллианты:

– Что вы хотите раскопать, Дюрей?

– То же, что и Служба безопасности, что и все. Я хочу понять причины поступка Люка.

– Депрессия беспричинна.

– Ничто не указывает на то, что у Люка была депрессия. – Я повысил голос. – У него двое детей, жена. Черт, не мог же он просто взять и бросить их! Должно было произойти что-то невероятное!

Не отвечая, Дюмайе взяла чашку и подула на краешек.

– Есть кое-что еще, – продолжал я уже спокойнее. – Люк – католик.

– Мы все католики.

– Но не такие, как он. И не как я. Каждое воскресенье мы бываем на службе, каждое утро молимся. То, что он сделал, противоречит нашей вере, понимаете? Люк отказался не только от жизни, но и от спасения души. И я должен найти объяснение такому отказу. Это никак не отразится на разработке других дел.

Комиссар сделала маленький глоток, словно котенок.

– Где вы были сегодня утром? – спросила она, осторожно ставя чашку на стол.

– За городом, – неохотно ответил я. – Надо было кое-что проверить.

– В Верне?

Я молчал. Она перевела взгляд на открытое окно, за которым виднелась Сена. День клонился к закату. Речная гладь напоминала застывший цемент.

– Мне сегодня позвонил Левен-Паю, шеф Люка. Ему звонили жандармы из Шартра. Они по телефону получили сигнал. К врачу из местной больницы приезжал парижский полицейский. Высокий, с горящим взглядом... Вам это ни о чем не говорит?

Я резко наклонился и схватился за край стола:

– Люк – мой лучший друг. Повторяю вам: я хочу понять, что его толкнуло на такую крайность!

– Его уже не вернуть, Дюрей.

– Он не умер!

– Вы прекрасно понимаете, что я имею в виду.

– Вы предпочитаете, чтобы об этом прознали дерьмокопатели из Службы собственной безопасности?

– Это их работа.

– Да, работа, которая состоит в том, чтобы заводить дела на коррумпированных полицейских, игроков или содержателей борделей. У Люка другой мотив!

– Какой? – насмешливо спросила она.

– Не знаю, – признался я, отодвигая стул. – Пока еще. У этого самоубийства должна быть причина. Что-то необычное, и я хочу это выяснить.

Она медленно повернулась в кресле, чувственным, грациозным движением вытянула ноги и оперлась каблуками о радиатор.

– Нет убийства – нет дела. Все остальное нашего отдела не касается. А значит, и вас.

– Люк для меня как брат.

– Именно об этом я и говорю. Вы – заинтересованное лицо.

– Мне что, взять отпуск или как?

Никогда она не казалась мне такой жесткой и безразличной.

– У вас есть два дня. В течение сорока восьми часов можете не заниматься ничем другим, пока у вас не сложится определенное представление. После этого вы вернетесь к повседневной работе.

– Спасибо.

Я встал и пошел к двери. Я уже поворачивал ручку, когда она сказала:

– И последнее, Дюрей. Не вы один скорбите о Люке. Я тоже хорошо его знала, когда мы работали вместе.

Ответа не требовалось, но я обернулся, пораженный внезапной догадкой. В который раз я удостоверился в том, что ничего не смыслю в женщинах. Натали Дюмайе, женщина, железной рукой управлявшая Уголовной полицией, полицейский от Бога, которая вырывала признания у террористов «Вооруженной исламской группы» и раскручивала цепь поставки героина из Афганистана, беззвучно плакала, закрыв лицо руками.

10

Чистилище.

Слово возникло в моем сознании, как только я вошел в двери реанимационного отделения. Чистилище, где заключены души праведников в ожидании Христа, который придет за ними. Таинственное пространство, где пребывают души детей, умерших до крещения. Бесконечное, темное, давящее пространство, где они ждут решения своей участи. Между жизнью и смертью, как сказал Свендсен.

Одетый в завязанный на спине халат, шапочку и бумажные бахилы, я шел по темному коридору. Слева – освещенная ночником комната медсестры, справа – перегородка из стеклоблоков. В полумраке слышались только щелчки аппаратов искусственной вентиляции легких и попискивание «Физиогарда».

Я размышлял над цитатой из IV песни «Божественной комедии» Данте, посвященной аду:

Мы были возле пропасти, у края,
И страшный срыв гудел у наших ног,
Бесчисленные крики извергая.
Он был так темен, смутен и глубок,
Что я над ним склонялся по-пустому
И ничего в нем различить не мог⁵.

Палата номер 18. Комната Люка. Он лежал, привязанный ремнями к кровати, приподнятой под углом тридцать градусов. Все тело опутано прозрачными трубками. Один зонд вставлен в ноздри, другой проходит через рот и соединяется с черными мехами, которые поднимаются и опускаются, издавая звук, похожий на хлопок. К шее подсоединена капельница, трубка от другой капельницы тянулась к внутренней стороне локтевого сгиба. Датчик на одном из пальцев светился рубиновым светом. Справа по черному экрану бежали зеленые волнообразные линии. Над кроватью – прозрачные пакеты с растворами.

Я подошел ближе. Кажется, с людьми, находящимися в коме, надо разговаривать. Я даже открыл рот, но в голову ничего не приходило. Оставалось только молиться. Я преклонил колени, перекрестился, закрыл глаза и прошептал, склонив голову: «К Тебе взываю, к Отцу, Сыну и Святому Духу...»

Но так и не смог собраться. Мое место не здесь. Я должен быть на улицах в поисках истины. Тогда я поднялся с колен, уверенный в том, что смогу его разбудить. Я могу его спасти, но только если найду причину его поступка. Мой собственный свет вернет его из Чистилища!

В приемном отделении я обратился к секретарю и попросил позвать доктора Эрика Тюилье – невропатолога, с которым накануне мне посоветовал поговорить анестезиолог. Мне пришлось подождать, и через несколько минут появился врач. На вид лет сорока, но похож на прилежного студента, оксфордская рубашка, свитер под горло, вельветовые брюки, слишком короткие и мятые. Взъерошенные волосы придавали его облику небрежность, которую компенсировали очки в тонкой оправе.

– Доктор Тюилье?

– Да, это я.

– Майор Матье Дюрей. Уголовная полиция. Я близкий друг Люка Субейра.

– Вашему другу сильно повезло.

⁵ Пер. М. Лозинского.

– У вас есть несколько минут, чтобы поговорить об этом?

– Мне нужно на другой этаж. Пойдемте со мной.

Я пошел за ним по длинному коридору. Тюилье начал свой рассказ, но не сообщил ничего нового.

– У него есть шанс выйти из комы? – прервал его я.

– Не знаю, что и сказать. Он в глубокой коме, но я видел и похуже. Каждый год более двухсот тысяч человек впадают в кому, и только тридцать пять процентов выходят из нее невредимыми.

– А что с остальными?

– Смерть. Инфекция. Некоторые превращаются в овощи.

– Мне сказали, что у него клиническая смерть длилась почти двадцать минут.

– У вашего друга кома была вызвана остановкой дыхания. Не вызывает сомнений тот факт, что его мозг некоторое время оставался без кислорода. Но сколько именно? Конечно, миллиарды нервных клеток были разрушены, особенно в церебральной зоне, они управляют когнитивными функциями.

– А в чем это проявляется?

– Если ваш друг выйдет из комы, скорее всего, у него будут осложнения. Может быть, легкие, а может, и тяжелые.

Я почувствовал, что бледнею, и сменил тему:

– А мы? Я хочу сказать, окружение. Мы можем что-нибудь сделать?

– Вы можете взять на себя уход за ним. Например, делать ему массаж. Или втирать бальзам, чтобы предотвратить высыхание кожи. Это все, чем вы можете ему помочь на данном этапе.

– Надо ли с ним разговаривать? Говорят, что это может сыграть положительную роль.

– Если честно, я об этом ничего не знаю. И никто не знает. Судя по моим тестам, Люк реагирует на некоторые раздражители. Это называется «проявлением остаточного сознания». Вообще, почему бы и нет? Может быть, голос близкого человека пойдет ему на пользу. Говорить с больным полезно также и для того, кто говорит.

– Вы встречались с его женой?

– Ей я сказал то же, что и вам.

– Какой она вам показалась?

– Потрясенной. И еще, как бы это сказать... несколько упертой. Положение трагическое. Надо принять неизбежное – другого выхода нет.

Он толкнул дверь и пошел вниз по лестнице. Некоторое время я шел за ним. Он бросил через плечо:

– Я хотел спросить у вас. Ваш друг от чего-то лечится? Ему делают инъекции?

Уже второй раз мне задавали этот вопрос.

– Вы спрашиваете из-за следов от уколов?

– Вам известно их происхождение?

– Нет, но могу поклясться, что он не употреблял наркотики.

– Отлично.

– Это бы что-нибудь изменило?

– В своем диагнозе я должен учесть все.

Дойдя до нижнего этажа, он повернулся ко мне, на его губах появилась смущенная улыбка. Он снял очки и потер переносицу.

– Ну вот и все. Мне надо идти. Остается только одно: ждать. Решающими будут первые недели. Звоните мне в любое время.

Он попрощался со мной и исчез за распахнувшимися дверями.

Я спустился в вестибюль. Я пытался и не мог представить себе Люка в шкуре наркомана. Но откуда тогда взялись эти следы? Неужели он болел? И разве мог он скрывать это от Лоры? Это я тоже должен был выяснить.

Во дворе отделения скорой помощи, около центра, куда привозили больных заключенных, людей в синей форме собралось не меньше, чем в белых халатах. Мне с трудом удалось протиснуться между двумя полицейскими фургонами и добраться до входа.

В этот момент я почувствовал, что за мной следят, и резко обернулся. Несколько пустых инвалидных кресел были вдвинуты одно в другое, как тележки в супермаркете. В первом сидел Дуду. Он до отказа опустил спинку кресла и расположился в нем как в шезлонге. В правой руке у него была сигарета, и он не сводил с меня глаз. Я слегка кивнул ему и прошел в двери. Было ощущение, что мне в спину целится снайпер.

«Тайна, – подумал я. – У парней Люка наверняка есть какая-то тайна, черт бы ее побрал».

11

– Не шуми, девочки спят.

Лора Субейра посторонилась, чтобы пропустить меня в дом. Я машинально посмотрел на часы: было 20.30. Она добавила, закрывая дверь:

– Они жутко устали, совсем без сил. А завтра в школу.

Я согласно кивнул, хотя не имел ни малейшего представления о том, когда дети должны ложиться спать. Лора взяла у меня плащ и проводила в гостиную.

– Хочешь чаю или кофе? А может, выпить?

– Кофе, спасибо.

Она ушла. Я сел на диван и огляделся. Субейра жили в скромной четырехкомнатной квартире у ворот Венсен, в одном из кирпичных домов, возведенных в Париже по плану массовой застройки. Они ее купили сразу после женитьбы, для чего взяли кучу кредитов. Все здесь было дешевым: хлипкий паркет, мебель из ДСП, грошовые безделушки... Приглушенно работал телевизор.

Об этой квартире Люк мог бы сказать как о своей женитьбе: «Побыстрее уладить это дело и поскорее о нем забыть». В сущности, ему было безразлично, где жить. Живи он один, его жилище было бы похоже на мое: без мебели, без всего личного. Оба мы были безразличны к житейским благам, в особенности к буржуазному комфорту. Но Люк внешне следовал правилам игры. Квартира в Париже, загородный дом...

Вернулась Лора с подносом, на котором стояла стеклянная кофеварка, две фарфоровые чашки, сахарница и вазочка с печеньем. Казалось, она двигалась из последних сил. Ее длинное лицо, из-за серых кудряшек казавшееся еще уже, было напряженным и усталым.

В тысячный раз я задал себе все тот же вопрос: почему Люк женился на этой невзрачной глуповатой женщине, подруге детства из его родного села? Она была медсестрой и разговаривала, с трудом подбирая слова. Мне вспомнилась сальность, которую Люк частенько отпускал в ее адрес: «только миссионерская поза, без вариантов». Стало гадко.

Она села на табурет напротив меня. Нас разделял только низенький столик. Я подумал: на что теперь будут жить Лора и девочки? Надо будет выяснить, какое пособие получают жены полицейских, покончивших с собой. Но сейчас был неподходящий момент для обсуждения материальных вопросов. После нескольких банальных фраз о состоянии Люка Лора заявила:

– Я устраиваю для Люка мессу.

– Что? Но ведь Люк не...

– Я не о том. Я подумала...

Она замялась. Медленно потерла ладони.

– Я хотела собрать всех его друзей. Чтобы все объединились. Чтобы это был общий порыв...

– Ты хочешь сказать – призыв к Богу?

Лора не была верующей – полная противоположность Люку. И мне не понравилась эта идея с призывом, обыкновенным сигналом SOS, направленным в Небеса. В наши дни о Боге вспоминают только по случаю знаменательных событий: крестин, женитьбы, похорон...

– Речь идет не только о религиозной стороне, – продолжала она. – Я много читала о коме. Считается, что окружение больного может сыграть положительную роль. Были случаи, когда люди выходили из комы только благодаря тому, что с ними разговаривали и окружали атмосферой любви.

– И что же?

– Я хотела бы собрать его друзей. Чтобы создать сгусток энергии, понимаешь? Силу, которую Люк мог бы почувствовать.

Прямо как в «New Age». Я сухо спросил:

– В какой церкви это будет происходить?

– Святой Бернадетты. Это в двух шагах отсюда. Люк обычно туда и ходил.

Я знал эту часовню, расположенную на проспекте Порт-де-Венсен. Что-то вроде полуподвального бункера. Сейчас ею управляла тамильская община. Несколько лет назад, когда я еще служил в Отделе по борьбе с проституцией и сутенерством, прежнем Отделе нравов, я молился там на рассвете после прочесывания кольцевых бульваров, наводненных проститутками. Я сказал:

– Глава прихода никогда на такое не согласится.

– Почему?

– После того что сделал Люк, это исключено.

Она с горечью усмехнулась:

– Опять ваши дурацкие принципы? Но ты же сам сказал: Люк еще не умер.

– Это ничего не меняет в его поступке.

– Ты хочешь сказать, что он проклят?

– Хватит! Церковь следует определенным правилам, и...

– Я только что говорила со священником, – прервала она. – Индусом. Церемония состоится послезавтра утром.

Я искал в себе хоть искру радости, но ничего не чувствовал. Я сам себе казался ригористом, ретроградом, закрытым для всего нового. Вспомнился образок Люка, защищавший его от дьявола. Лора была права: мы оба жили в Средневековье, и он, и я.

– А ты-то, – спросила она, – почему пришел сегодня?

В ее тоне слышалось недоверие. Она всегда воспринимала меня как врага или по меньшей мере как противника. Я представлял собой недоступную для нее часть жизни Люка, ту мистическую глубину, которая от нее ускользала... И конечно же его работу полицейского. По ее мнению, это и было причиной его поступка.

– Я хотел тебя кое о чем спросить.

– Конечно. Это же твоя работа.

Я наклонился к ней и сказал как можно мягче:

– Я должен понять, что было у него на уме.

Она согласно кивнула, вытащила из рукава бумажный платок и высморкалась.

– Он ничего не оставил? Может, записку? Сообщение?

– Я бы тебе сказала.

– А в Верне ты искала?

– Я ездила туда сегодня после полудня. Там ничего нет. – Она помолчала и добавила: – Вечно эти тайны. Он не хотел, чтобы кто-нибудь понял.

– Он не болел?

– Ты о чем?

– Ну не знаю. Не делал анализов, не ходил к врачу?

– Нет, ничего такого.

– А каким он был в последнее время?

– Радостным, веселым.

– Радостным?

Она исподлобья посмотрела на меня:

– Он казался сильным, был таким деятельным, возбужденным. В его жизни что-то изменилось.

– Что?

Помолчав, она выпалила:

– Мне кажется, у него была любовница.

Я чуть не упал с дивана. Люк – янсенист. Он не то чтобы выше, а скорее *вне* плотских удовольствий. Это все равно что заподозрить папу в том, что он украл реликвии Ватикана для перепродажи.

– И у тебя есть доказательства?

– Предчувствия. Подозрительные совпадения. – Ее взгляд стал ледяным: – Вы ведь это так называете?

– Какие же?

Она не ответила. Опустив глаза, она судорожными движениями рвала в клочки бумажный платок. В этом жесте не было горя, скорее бешенство.

– У него изменилось настроение, – снова заговорила она. – Он был возбужден. Женщины такое чувствуют. И потом, он стал исчезать...

– Куда?

– Понятия не имею. Это началось в июле. Сначала на выходные. «Работа», – говорил он. А в августе он мне сказал, что едет в Верне. На две недели. Потом он уезжал в Европу. И каждый раз на неделю. Говорил, что ведет расследование. Но я же не дура.

– А когда прекратились эти поездки?

– В октябре они еще продолжались.

Подозрения Лоры были сильно преувеличены.

Люк ей просто сказал правду: частное расследование. Что-то, над чем он работал скрытно, втайне от других. Может, как раз это дело я и ищу...

– У тебя и правда нет никаких соображений, куда он ездил?

Она снова горько усмехнулась:

– Почти никаких. Но я тоже провела маленькое расследование. Я обыскала его карманы, проверила записную книжку.

– Ты рылась в...

– Так делают все женщины. Оскорбленные женщины. Тебе этого не понять. – Ее платок превратился в крошки. – Я нашла только один намек. Один раз. Билет в Безансон.

– Безансон? Но зачем?

– Откуда я знаю? Наверное, там живет его шлюха.

– А билет от какого числа?

– От седьмого июля. В тот раз он отсутствовал четыре дня. А ты говоришь, Европа...

Лора дала мне в руки вожденный ключ. Расследование привело Люка в Юра. Я попытался ее урезонить:

– Мне кажется, ты себя накручиваешь. Ты знаешь Люка так же хорошо, как и я. Даже лучше, чем я. Его это мало интересует.

– Да уж, – засмеялась она.

– Он сказал тебе правду: он вел расследование, вот и все. Свое личное расследование в свободное от работы время.

– Нет. У него была женщина.

– С чего ты так решила?

– Он изменился. В физическом плане.

– Не понимаю.

– Меня это не удивляет. – У нее прервалось дыхание, но она взяла себя в руки и продолжала безразличным тоном: – После рождения девочек он ко мне не притрагивался.

Я заерзал на диване. У меня не было никакого желания слушать такого рода признания. А она продолжала:

– Классический случай. Я и не настаивала. Секс его никогда не привлекал. Но этим летом все изменилось. Казалось, у него появилась потребность в сексе. Можно даже сказать, он был ненасытным.

– Но ведь это скорее знак того, что ваш брак стал более прочным, разве нет?

– Бедный Матье. Вы с ним два сапога пара.

Она произнесла это без какой-либо нежности, а затем сказала:

– Возврат к пылкости как раз и есть один из признаков измены. Муж входит во вкус, понимаешь? А тут еще угрызения совести. Что-то вроде компенсации: муженек пытается возместить жене нанесенный ущерб.

Мне действительно было не по себе. Представить себе Субейра в постели – все равно что заглянуть к священнику под сутану. Раскрыть секрет, который тебе совсем не нужен. Я встал, чтобы прекратить этот разговор, и сказал наконец о цели моего визита:

– Нельзя ли мне... могу я осмотреть его кабинет?

Она тоже поднялась и разгладила складки на серой юбке, усыпанной бумажными крошками:

– Только предупреждаю, ты там ничего не найдешь. Я уже все перерыла.

12

Кабинет был буквально вылизан до блеска. Там царил такой же нарочитый порядок, что и на набережной Орфевр. Интересно, Лора или сам Люк все здесь прибрали? Я закрыл дверь, снял пиджак, отстегнул свой «хольстер». Вряд ли здесь удастся что-нибудь найти. Но чего не бывает, всем свойственно ошибаться, и потом, у меня полно времени.

Я обогнул письменный стол и ноутбук, чтобы взглянуть на фотографии на низком столике у окна. Амандина и Камилла на пони, в бассейне, за изготовлением масок... Открытка из Рима, подписанная мной: «Мы знали только фабрику, а я нашел завод!» Под «фабрикой священников» подразумевался Сен-Мишель-де-Сез, а под «заводом» – Папская семинария. На другой фотографии был запечатлен человек в комбинезоне, на голове – каска с налобным фонарем. Он стоял перед входом в пещеру и радостно потрясал крюками и веревками. Это, несомненно, был Николя Субейра, спелеолог, отец Люка. Люк всегда отзывался о нем с восхищением. Он погиб в 1978 году в Пиренеях на дне пещеры Жандре около двух тысяч метров глубиной. В те годы я завидовал Люку оттого, что у него был такой героический отец, завидовал даже самой его гибели. Мой отец был лишь видимостью, рекламным родителем, и умер он несколько лет спустя от инфаркта, в Венеции, в «Харрис баре», после обеда, за которым было слишком много выпито. Что посеешь, то и пожнешь. Я наклонился над рифлеными шторками, закрывавшими стенной шкаф, – заперто на ключ, попытался открыть дверцу шкафчика – то же самое. Тогда я сел за письменный стол и включил компьютер.

Я пробежал пальцами по клавишам и обнаружил, что для того, чтобы проникнуть в память компьютера, пароль не нужен. Там не было ничего интересного. Обычный домашний компьютер, забитый счетами, долговыми расписками, фотографиями путешествий, играми. Я открыл почту. Мейлы тоже не представляли никакого интереса: заказы, реклама, анекдоты...

Однако несколько сообщений привлекли мое внимание. Все они были отправлены по одному и тому же адресу и сразу же стерты. В памяти осталась только одна строчка, подтверждающая отсылку. Последнее такое письмо было отправлено накануне самоубийства Люка. Там был адрес: unital6.com.

Я прокачал этот адрес в «Гугле». Такой сайт действительно существовал: www.unital6.com. Двойной щелчок. Логотип. На фоне лурдского пейзажа появился силуэт Бернадетты Субиру⁶ с голубым поясом. Изображение сопровождалось текстом на итальянском языке. Я прекрасно говорил на нем еще со времен семинарии.

Unital6 была добровольной ассоциацией, которая организовывала паломничества в Лурд. Почему Люк искал с нею контактов? У меня снова возникли подозрения о смертельной болезни... Однако Лора казалась такой уверенной, да и врачи в Отель-Дье сразу обнаружили бы рак или инфекцию. Был ли этот сайт связан с расследованием? Зачем выходить на него прямо перед самоубийством?

Я пропустил вступительную страницу и проглядел статьи. Оказалось, Unital6 занималась и другой деятельностью: семинары, приют в итальянских аббатствах. Я прочитал перечень семинаров. Единственное, что могло заинтересовать Люка, – коллоквиум о «возвращении дьявола», назначенный на 5 ноября в Падуе. Я пообещал себе проконсультироваться у полицейских-компьютерщиков. Может, они сумеют восстановить тексты электронных писем.

Я оставил компьютер и занялся письменным столом. В ящиках были только фрагменты официальной стороны его жизни: банковские счета, страховые квитанции, бланки социальной безопасности... Я мог бы разобраться во всех этих документах, но у меня не было сейчас

⁶ Четырнадцатилетней Бернадетте Субиру в 1858 г. в гроте близ Лурда явилась Богоматерь. В 1933 г. Бернадетта была причислена к лику святых. Вода в лурдском источнике считается целебной.

никакого желания копаться в цифрах. В последнем ящике – записная книжка с фамилиями, телефонные номера, инициалы. Некоторые были мне известны, другие нет, а кое-какие невозможно было разобрать. Я положил записную книжку в карман. Продолжая поиски, я нашел связку маленьких ключей. Огляделся: встроенный шкаф с рифлеными дверцами...

Дверцы из тонких пластинок легко открылись. На полках плотно стояли серые папки с документами, завязанные тесемками, на каждом корешке была проставлена буква «Д» и даты: 1990–1999, 1980–1989, 1970–1979... И так до начала века. Я вынул крайнее правое досье, на котором значилось «2000...», положил его на пол и развязал тесемки.

Две папки с датами 2000 и 2001. Я открыл папку за 2001 год и обнаружил снимки теракта 11 сентября. Башни, из которых валит дым, падающие вниз тела, охваченные паникой запыленные люди, бегущие по мосту. Ниже оказались другие фотографии: трупы с выколотыми глазами, растерзанные тела детей, заваленные строительным мусором. И комментарий: «Грозный, Чечня». Я продолжал листать досье: части скелетов, череп, сжимающий в челюстях женские трусики. Читать сопроводительный текст не было никакой необходимости: это была эксгумация жертв Эмиля Луи в районе Огзера.

Зачем Люк хранил эти ужасы? Я поставил папку на место, открыл другую, за 90-е годы, и стал перебирать листы наугад. 1993. Жертвы резни на улочке алжирского села. 1995. Разорванные взрывами тела в лужах крови, обгоревшие железные листы. «Теракт, совершенный смертником. Рамат-Эшколь, Иерусалим, август 1995». У меня дрожали руки. Я уже понял, что одна из папок будет посвящена моему собственному кошмару. Черные тела в красной от крови грязи, изрезанные лица и груды трупов насколько хватало взгляда: «Руанда, 1994».

Я закрыл досье, не дожидаясь, когда снова увижу все это. Мне даже не удалось с первого раза завязать тесемки. По лицу лился холодный пот. И снова, как в самые худшие дни, вернулся страх. Я встал, раздвинул шторы на окне и выглянул во двор, погруженный в ночную тьму. Через несколько секунд стало легче, но я чувствовал себя разбитым и униженным, в очередной раз ощутив, что так и не избавился от Руанды, она по-прежнему здесь, со мной, под самой кожей.

Я мысленно вернулся к Люку. Так вот о чем он думал вечерами и в выходные. Искал, вырезал, регистрировал самые ужасные проявления человеческой жестокости. Я наклонился над полками и вынул папку, датированную 1940–1944 годами. Я ожидал увидеть описания нацистских злодеяний, но сверху лежали материалы по Азии. Вивисекция, совершаемая японцами в масках и хирургических халатах. Подпись гласила: «Женщина была изнасилована и оплодотворена исследователем группы 731 Коябачи, который в данный момент извлекает зародыш». Руки вивисектора в перчатках, окровавленное тело, на заднем плане люди в гражданской одежде и тоже в масках. Картина запредельного ужаса.

Следующая папка содержала то, что я и ожидал найти: нацизм и его зверства. Концлагеря. Изголодавшиеся люди, изможденные, сломленные. Трупы, сваленные экскаватором в кучу. Мой взгляд задержался на одной фотографии. Ежедневная сцена в блоке 10, Освенцим, 1943 г.: расстрел очередной партии заключенных, обнаженных, стоящих лицом к кафельной стене в ожидании, когда офицер всадит им пулю в затылок; большинство – женщины и дети. Меня потрясла одна деталь: подчеркнутые зерном фотографии черные косички, выделявшиеся на белой и хрупкой спине одной из девочек.

Я поставил папки на место: свою дозу я уже получил. На других полках в хронологическом порядке были расставлены папки, относящиеся к другим векам: XIX, XVIII... Я мог купаться в этом кошмаре до самой зари. Гравюры, картины, описания, и все на ту же тему: войны, пытки, казни, убийства... Антология зла, таксономия жестокости. Но что означала эта буква «Д», написанная на корешке каждой из папок?

И вдруг меня осенило: «Д» – это дьявол, или демон.

Я вспомнил «Танцы с мистером Д» группы «Rolling Stones».

Полное собрание сочинений дьявола, или почти...

Звонок мобильного телефона заставил меня подскочить на месте.

– Это Фуко. Я только что обедал с Дуду.

Было около одиннадцати вечера.

Жуткие картины все еще стояли у меня перед глазами.

– Как все прошло?

– Голова до сих пор раскалывается, но я узнал, что хотел. Люк в последнее время проводил собственное расследование.

Он еле ворочал языком – похоже, все еще не протрезвел.

– Что за расследование?

– Убийство Массина Ларфауи.

– Торговца пивом?

– Точно.

Я знал кабила, когда еще работал в Отделе нравов. Один из крупнейших поставщиков парижских баров, ресторанов и ночных клубов. Слухи о его смерти до меня не дошли.

– Когда его завалили?

– В начале сентября. Одна пуля в голову, две в сердце. Работа профессионала.

– А почему дело не у нас?

– Наркотдел давно следил за Ларфауи. Он занимался наркотрафиком: конопля, кокаин, героин. Они и договорились с Судебной полицией, чтобы те отдали убийство им.

– Как идет расследование?

– Да никак. Ни улики, ни свидетелей, ни мотива. Ничего нет. Судебный следователь собирается закрыть дело, но Люк за него держался.

Само по себе это убийство еще не снимало подозрения в коррупции. Даже наоборот. Ларфауи всегда что-то затевал, добываясь для своих клиентов – владельцев питейных заведений – кое-каких поблажек со стороны полиции. Выдать лицензию IV категории, закрыть глаза на какой-нибудь притон, защитить бар от рэкетиоров. Полицейские всегда были лучшими телохранителями. Удалось ли Люку что-то разнюхать в связи с этим убийством? Или, напротив, он что-то покрывал?

– У тебя есть какие-нибудь подробности об убийстве Ларфауи? Где его подстрелили?

– У него. В его загородном доме в Олне-су-Буа 8 сентября около 23 часов.

– Пуля, оружие?

– Этого я из Дуду так и не вытянул. Но все очень походило на настоящую казнь. Сведение счетов или мести. В принципе, это мог сделать любой профи. – Фуко помолчал. – В том числе и полицейский.

– А что об этом думал сам Люк?

– Вот этого никто и не знает.

– А о поездках Люка в последнее время Дуду ничего не говорил?

– Нет.

– Кто судебный следователь по делу Ларфауи?

– Годье-Мартиг.

Скверно. Узколобый придурок с аккуратно подстриженными мыслями. От него никакой левой информации не добьешься. И тем более не удастся ознакомиться с досье.

– Иди-ка проспись, – подытожил я. – Завтра я поручу тебе кое-что еще.

Фуко расхохотался. Видно, допил до чертиков. Я отключил телефон. Не таких новостей я ждал. Быть не может, чтобы расправа над торговцем спиртным и наркотиками довела Люка до отчаяния.

Я повернулся к встроенному шкафу. Нижняя полка была в алфавитном порядке заставлена папками, помеченными, помимо литеры «Д», строчными буквами. Открыв первое досье,

я понял: здесь собраны серийные убийцы. В этих папках были они все, из всех времен, со всех континентов. От Жилия де Рэ до Теда Банди, от Жозефа Ваше до Фрица Хаарманна, от Джека-потрошителя до Джеффри Дэймера. Я не стал просматривать эти материалы: большинство было мне известно, к тому же совсем не хотелось вновь вывалиться в этой грязи. Да и разглядывать самый нижний ряд, по-видимому, посвященный порнографии и всем извращениям, какие только способна изобрести похоть, у меня не было никакого желания.

Я протер глаза и поднялся. Пора было приступить к большому шкафу. Открыв обе дверцы, я обнаружил новые архивы, все так же отмеченные литерой «Д». Но на этот раз кое-что изменилось: здесь была представлена обширная иконография дьявола. Его изображения во все времена.

Я вынул папки с левой стороны и разложил их на письменном столе. Первые в истории человечества демоны Древнего мира, порожденные шумерской и вавилонской традицией. Я задержался на главном из них – Пазузу, демоне ассирийского происхождения, насылавшем чуму.

В студенческие годы я изучал демонологию. Мне было знакомо это четырехкрылое чудище с головой летучей мыши и хвостом скорпиона. Он олицетворял злые ветры, те, что приносят недуги и увечья. Я всматривался в его вздернутую морду, торчащие как попало зубы. Он сам по себе веками вдохновлял дьявольскую традицию. И когда снимался выдающийся фильм о дьявольских кознях, такой, как «Изгоняющий дьявола» Уильяма Фредкина, – перед нами предстал все тот же Пазузу, черный ангел четырех ветров, откопанный в песках Ирака.

Перелистываю страницы: Сет, древнеегипетский демон; Пан – древнегреческое божество плотского вождения с козлиной головой и волосатым телом; Лотан, «Тот, что извивается», – прообраз Левиафана.

Другие папки. Раннехристианское искусство, в котором зло, согласно Книге Бытия, представлено в виде змеи. Затем Средневековье, золотой век Сатаны. Иногда это было трехглавое чудище, пожирающее грешников на Страшном суде, или же черный ангел с перебитыми крыльями, а также горгульи, скульптуры и барельефы с выставленными напоказ отвратительными культяпками, безобразными пастями, заостренными зубами.

В дверь тихо постучали. Лора, стараясь не шуметь, вошла в комнату. Была полночь. Она взглянула на папки, сваленные у моих ног.

– Я все уберу, – поспешно пообещал я.

Она устало отмахнулась: какая разница! Очевидно, она плакала, у нее потекла тушь, так что глаза казались подбитыми. У меня мелькнула нелепая и жестокая мысль: моя мать ни в коем случае такого бы не допустила. Я вспомнил, как, когда хоронили отца, она по дороге на кладбище, в машине, подкрашивала ресницы водостойкой тушью на случай несвоевременных слез.

– Я ложусь спать, – сказала Лора. – Тебе что-нибудь нужно?

У меня пересохло во рту, но я отрицательно покачал головой. Я и так чувствовал себя неловко, оказавшись наедине с Лорой в столь позднее время.

– Ничего, если поработаю здесь всю ночь?

Она снова взглянула на разбросанные по полу фотографии. Ее опечаленный взгляд застыл на маске тибетского демона, торчащей из коробки.

– Он проводил здесь все выходные, собирая эти мерзкие штуки.

В ее голосе прозвучало скрытое неодобрение. Повернувшись к двери, она уже взялась за ручку, но передумала:

– Я хотела тебе кое-что сказать. Мне тут вспомнилась одна деталь.

– Что именно?

Машинально я вскочил со стула, вытирая ладони о брюки: я был весь в пыли.

– Я как-то спросила, зачем он в этом копается. Он только и сказал: «Я нашел жерло».

– Жерло? Больше он ничего не говорил?

– Нет, он был как безумный, словно видел галлюцинации. – Она умолкла, вдруг погрузившись в воспоминания. – Если соберешься ехать ночью, захлопни за собой дверь. И послезавтра не забудь про мессу.

«Я нашел жерло». О каком жерле шла речь? Имел ли Люк в виду технический или географический термин? Могло это быть что-то живое или, напротив, нечто вещественное?

Прошло несколько часов. В обществе дьявольских фресок Фра Анджелико и Джотто, зловещих картин Матиса Грюневальда и Брейгеля Старшего, дьявола с крысиным хвостом Иеронимуса Босха, свиноподобного дьявола Дюрера, ведьм Гойи, Левиафана Уильяма Блейка.

К трем часам утра я добрался до последнего ряда. На ощупь определил, что в папках были уже не фотографии, а медицинские снимки, рентгенограммы, результаты сканирования мозга. Я прочитал подписи. Речь шла о больных в стадии обострения, в частности о буйных шизофрениках.

Не надо быть семи пядей во лбу, чтобы догадаться, до чего додумался Люк. В его представлении, современными изображениями дьявола могли служить эти мозговые спазмы, снятые вживую, прямо внутри самого органа. Все это вполне укладывалось в логическую цепочку: опознать зло во всех его формах...

Я быстро просмотрел эти материалы, кое-что отобрал для своего досье, кое-что отложил для Свендсена. Снова уселся за стол, совершенно измученный, – уезжать отсюда так поздно у меня не было сил. Мысли стали путаться, я чувствовал себя все хуже и хуже. Дело не только в усталости. С самого начала этого обыска меня терзало страшное воспоминание: Руанда. То, что я вновь увидел картины резни, уже выбило меня из колеи на всю ночь. Осознав, насколько я измотан, я понял, что мне с этим не совладать.

Я был готов к сошествию в ад. В глубокий колодезь собственных воспоминаний.

13

Когда я открыл для себя Руанду, такой страны не существовало. Во всяком случае, для всего остального мира. Одна из беднейших стран на земле, однако ни войн, ни голода, ни природных катаклизмов – ничего такого, что могло бы привлечь внимание средств массовой информации или подвигло бы продюсеров организовать там рок-концерт.

Я прибыл туда в феврале 1993 года. Все было уже предопределено. Как умирающий, который не падает только благодаря нервному напряжению, Руанда жила энергией ненависти. Ненависти противостояния этнического меньшинства – тутси, стройных и утонченных, и хуту, приземистых и коренастых, составлявших 90 % населения страны.

Я начал свою гуманитарную миссию на стороне угнетенного народа тутси. По другую сторону баррикады находилось ополчение хуту, вооруженное ружьями, дубинками и мачете. По всей стране они избивали и убивали граждан, сжигали их жилища – все совершенно безнаказанно. В составе организации «Земля надежды» мы ездили по стране, привозили провизию и медикаменты, но были вынуждены вступать в переговоры перед каждым блокпостом хуту и все равно приходили слишком поздно. И это не считая прочих гуманитарных радостей: накладок с поставками, продуктов с истекшим сроком хранения, бюрократической волокиты.

Конец 1993

Улицы Кигали содрогались от сообщений «Свободного телерадиовещания Тысячи Холмов», которое призывало резать «тараканов». Этот вой преследовал меня повсюду, даже в диспансере, где я спал. Он звучал на улицах, в зданиях, вместе с удушливой жарой проникая сквозь трещины в стенах.

1994

Предпосылки геноцида множатся. В страну ввезено 500 000 мачете. Растет число уличных баррикад. Рэкет, насилие, унижение... Ничто не может сдержать «Власть хуту» – ни правительство страны, ни ООН, приславшая миротворцев, которые ни во что не вмешиваются. И повсюду беспрерывно звучит голос «Радио Тысячи Холмов»: «Когда кровь пролита, ее уже не соберешь. Скоро мы об этом услышим. Народ – вот истинная армия! Народ – это сила!»

Я молюсь утром и вечером. В этой стране, где 90 % жителей – католики, Бог нас покинул. Его уход вписан в красный камень латерит и слышится в голосе диктора этой жуткой радиостанции: «Вот имена предателей: Себукиганда, сын Бутете, который живет в Кидахо; Бенакала, владелец бара... Тутси, мы укоротим вам ноги!»

Апрель 1994

Взорвался самолет президента хуту Жювеналя Хабияримана. Никто не знает, чьих рук это дело. Может, фронта восставших тутси, находящихся в изгнании, а может, экстремистов хуту, решивших, что их президент недостаточно активен. Либо вообще какой-то третьей силы, действовавшей в собственных тайных интересах. В любом случае это послужило сигналом к началу резни. «Вы слушаете «Радио Тысячи Холмов». Я уже выкурил с утра косячок. Приветствую парней на баррикадах... Ни один таракан не должен от вас ускользнуть!»

Чтобы пройти через любую баррикаду, необходимо предъявить документы. Таким образом выявляли всех тутси, затем их убивали, а тела сбрасывали в только что вырытые рвы. За три дня в столице уже насчитывалось несколько тысяч убитых. Хуту быстро организуются. У них своя цель: тысяча убитых каждые двадцать минут!

В Кигали отовсюду слышится звук, который я никогда не смогу забыть: звук мачете, которыми с угрозой и упоением скребут по мостовой. Лезвиями чиркают по камням, прежде чем вонзить в тело, а затем окровавленные клинки с визгом выдергивают из жертвы...

Всех иностранцев эвакуировали, но «Земля надежды» решила остаться. Мы расположились во французско-руанском центре культурного обмена, где размещались французские солдаты. Сюда же приходят и тутси, ища убежища и защиты, но солдаты уже покинули это место, и мне приходится объяснять несчастным, что здесь им никто не поможет и что Бог мертв.

Мне удалось пойти в разведку с последними «голубыми касками» Кигали – ООН отозвала 90 % своих войск, – вот тогда я и увидел горы трупов, перегородивших дороги, и каждой косточкой чувствовал толчки наезжавшего на них автомобиля. У меня перед глазами до сих пор стоят полностью вырезанные поселки с ручьями крови. Я снова вижу беременных женщин со вспоротыми животами и человеческие зародыши, размазанные по стволам деревьев. Вижу изнасилованных молоденьких девочек – чтобы не подхватить СПИД, выбирали исключительно девственниц. Сначала с ними забавлялись ради удовольствия, затем с помощью палок им внутрь загоняли бутылки, которые потом разбивали во влагище.

Не могу сказать, когда в первый раз у меня проявились болезненные симптомы. Скорее всего, это случилось в конце мая во время операции по очистке территории, когда сжигали гниющие трупы. А может быть, и позже, когда началась операция «Бирюза» – первая масштабная гуманитарная акция, организованная в Руанде под эгидой Франции. Одно несомненно: приступ случился в лагере беженцев, там, где гниение, разложение и болезни продолжили то, что было начато геноцидом.

Сначала отнялась левая рука. Было похоже на инфаркт. Но специалист из «Врачей без границ» вынес свой вердикт: в моем случае симптомы не были вызваны органическими причинами. Другими словами, все происходило у меня в голове. Меня отправили на родину в Центральную больницу Святой Анны в Париже.

Я не сопротивлялся, я не мог говорить. Мне казалось, я принял кошмар, свылся с кровью. Они как будто стали частью меня – так человек приспосабливается жить с пулей, застрявшей у него в мозгу. Но я ошибся, пересадка не удалась, и началось отторжение. Оно проявилось в параличе, что было первым признаком депрессии, которая вскоре поглотила меня целиком.

В больнице Святой Анны я пытался молиться. Но каждый раз это кончалось истерикой и рыданиями. Я плакал так, как не плакал никогда в жизни. Целыми днями. Вместе с душевными муками приходило физическое, почти животное, успокоение.

Я заменил молитву таблетками, что, как мне казалось, завершило мое разрушение. Мое мировосприятие – это моя вера. Воздействовать на него – значит совершать сделку с совестью, то есть с Богом. Вот только осталась ли во мне вера? Я больше не чувствую в себе никакой убежденности, никакой сдерживающей силы, никаких барьеров. Достаточно открыть передо мной окно, и я не задумываясь прыгну вниз.

Сентябрь 1994

Изменение в курсе лечения. Меньше таблеток, больше психоаналитических сеансов. Я, говоривший о своих грехах только священнику, поверявший свои сомнения только Господу, должен был выворачивать душу наизнанку перед безразличным специалистом, в котором уж точно не было ничего высшего. Даже его молчание было зеркалом, в котором созерцала себя моя совесть. Уже сама идея казалась мне чудовищной, основанной на агностическом упрощенном понимании отчаяния человеческой души.

Ноябрь 1994

Независимо от моей воли и вопреки всему появились признаки улучшения. Паралич отступил, истерики с рыданиями возникали все реже, стремление к самоубийству утихло. От

двадцати таблеток в день я перешел к пяти и снова мог совершать молитвы, сопровождаемые, правда, невнятным бормотанием и обильным слюноотделением. Антидепрессанты в прямом смысле слова заставляют меня пускать слюни...

Я вновь обрел путь к Богу и стал удаляться от мысли простить Ему то, чему был свидетелем. Я вспомнил об одной фразе, сказанной моим наставником в Риме: «Истинный секрет веры не в том, чтобы простить, а в том, чтобы просить прощения у мира, такого, какой он есть, за то, что мы не смогли его изменить».

Январь 1995

Возвращение в реальный мир. Я разослал множество писем в религиозные организации, пенсионные фонды и монастыри, прося принять меня на любую, самую ничтожную работу. Я был готов заниматься чем угодно, лишь бы быть среди людей. Центр богословского образования в Дроме, зная о моем состоянии, положительно ответил на мой запрос. Я не скрывал своего заболевания.

Меня взяли на должность архивариуса. Несмотря на больную руку, я как могу тружусь, упорядочиваю, классифицирую. Постоянно окруженный пыльными досье и семинаристами-стажерами, я постепенно вписываюсь в среду. С помощью ежедневной горсти таблеток и визитов к психоаналитику в Монтелимар два раза в неделю я кое-как держусь. Мне удастся скрывать свою депрессию, которая даже здесь – особенно здесь – вызвала бы неловкость и стеснение.

Иногда припадки возобновляются. Я дергаюсь, меня сотрясает нервная дрожь. Или наоборот, мое сознание застывает, как погасшая звезда, наступает апатия, и я пальцем не могу пошевелить. Это может продолжаться часами. Я сижу, раздавленный мыслями, которые поглощают меня целиком: смерть, потусторонний мир, неведомое... В такие минуты Бог опять умирает.

Но вот воспоминания никуда не деваются. Несмотря на все предосторожности, очередной приступ всегда застает меня врасплох. Как ни стараюсь я держаться подальше от радиоприемников, телевизоров и любых источников подобных звуков, стоит мне только слышать помехи в эфире, как я тут же испытываю непереносимую тошноту и спазмы в желудке. «И пусть ни один таракан от вас не скроется!» Я бегу в туалет и вместе с рвотой извергаю из себя все – желчь, страх, трусость, пытаюсь избавиться от них навсегда, но все заканчивается истерикой и рыданиями.

Еще один пример. Я попросил разрешения питаться отдельно от других, чтобы не слышать стук приборов, скрежет и лязг металла. Даже звук стула, передвигаемого по паркету, мысленно возвращал меня на центральную улицу Кигали: убийцы свистят и улюлюкают, а во рвах растут горы тел, которые уже невозможно сосчитать... Прежде чем начать корчиться, я выпускал крик и приходил в себя уже в медчасти под воздействием транквилизаторов. Лишнее доказательство того, что я не выздоровел и уже никогда полностью не поправлюсь. Пересадка не удалась, однако не было никакой возможности извлечь инородное тело.

Январь 1996

Я ушел из центра богословия и обосновался в заброшенном монастыре в Верхних Пиренеях. Попытался разобраться в самом себе. Высшее знание. Божественный Глагол. Среди монахов я снова обретал силу, надежду и жизнеспособность. Но лишь до того дня, когда обыденность не стала мне в тягость. После всего, что мне довелось увидеть, невозможно было стоять на коленях и говорить с Небом, зная, что на земле царит ад. Здешние монахи в вопросах души были послушниками. Я пребывал в иных пределах. Я видел истинное лицо человека – с содранной кожей, обнаженными мышцами и торчащими нервами. Его неумолимую, упрямую нена-

висть. Его ненасытную страсть к насилию. Человека надо излечить от этого зла, я же ничего не могу сделать, живя здесь в тиши, в отдалении от мира.

Вот тогда я вспомнил о Люке.

Практически два года я о нем и не думал. Его образ и голос вернулись ко мне с новой силой. Люк всегда обгонял меня. Он всегда провидел болезненные, противоречивые, подспудные истины реальной жизни. Сегодня я вновь понял, что должен следовать его путем.

Сентябрь 1996

Так я присоединился к «Вороньему острову» – поступил в Высшую школу инспекторов полиции в Канн-Эклюд в департаменте Сен-э-Марн. Название школы объясняется тем, что каждый здесь носит форму. Мне не привыкать, ведь я носил сутану. Только теперь сутана сменилась темно-синим мундиром. Пройден первый рубеж, когда офицеры-наставники смотрели на меня косо из-за моих дипломов. Я мог бы попытаться поступить в Сен-Сир-о-Мон-д'Ор – «фабрику комиссаров полиции». По всем предметам я получал высшие баллы – уголовное право, конституционное право, гражданское право, гуманитарные дисциплины. Никаких проблем. Даже со спортом: легкая атлетика, тир, ближний бой... Жизнь аскета и вкус к лишениям сделали из меня грозного противника. К тому же в конце занятий, на стажировке, в боевых условиях в полной мере проявилось мое главное достоинство: чувство улицы. Интуитивное чувство места, инстинкт преследования, понимание психологии преступника... И особенно дар маскировки. Несмотря на мою долговязую фигуру и интеллигентную внешность, я мог, пользуясь языком, принятым в криминальной среде, пробраться куда угодно, адаптироваться и войти в доверие к любому негодяю.

Июнь 1998

В возрасте тридцати одного года я закончил Канн-Эклюд – лучшим в своем выпуске. Первое место давало мне преимущество в выборе вакансии. Через несколько дней меня вызвал к себе директор.

– Вы просите направить вас на работу в ОБПС – Отдел по борьбе с проституцией и сутенерством?

– Да, а в чем дело?

– А вы не хотите поработать в Центральном бюро? В Министерстве внутренних дел?

– А в чем проблема?

– Да мне тут сказали... Вы ведь католик, не так ли?

– Не вижу связи.

– В ОБПС вам придется столкнуться с весьма сомнительными ситуациями. – Он немного поколебался, потом по-отечески улыбнулся:

– Я десять лет проработал в ОБПС. Это очень своеобразный вид деятельности. Не уверен, что субъектам, с которыми там приходится сталкиваться, нужен полицейский с такими дарованиями, как у вас.

Я ответил ему такой же улыбкой и склонил все свои сто девяносто сантиметров:

– Вы не поняли. Это они мне нужны.

Сентябрь 1998

Я погрузился в пучину порока. За несколько месяцев мой словарный запас существенно обогатился: *копрофилия* — сексуальное извращение, проявляющееся в том, что человек поедает экскременты; *ондинизм* — сексуальное удовольствие от вида или контакта с мочой; *зоофилия* — я арестовал целый склад кассет, которые в комментариях не нуждаются; *некрофилия* — мне довелось организовывать незабываемый поход глубокой ночью на кладбище Мон-парнас.

Мой дар маскироваться проявился в полную силу. Я внедряюсь в любую среду, завожу приятельские отношения с сутенерами и шлюхами, с улыбкой воспринимаю самые омерзительные извращения. Притоны любителей меняться партнерами, садомазохистские клубы, особые вечеринки... Я застаю врасплох, отслеживаю, задерживаю... Без всякого отвращения или душевного надлома. Участвую во всех нарядах: ночью – чтобы работать на улице, днем – для снятия показаний с потерпевших и выражения сочувствия проституткам и семьям жертв.

Часто бывает, что я сутками работаю без отдыха, сменную одежду храню у себя в кабине. Среди коллег слышу трудоголиком и карьеристом. Работая в таком режиме, я скоро мог бы стать капитаном – это знают все. Но никто не знает истинной подоплеки моих поступков. Этот первый этап, связанный с похотью, – только один из многих. Первый круг ада. Я хочу глубже узнать зло во всех проявлениях, чтобы вернее его победить.

Однако окружающие, как всегда, неверно понимают мое душевное состояние. Я счастлив. Я соблюдаю один устав, следуя другому: в шкуре полицейского я выполняю все те же три монашеских обета – послушания, бедности и целомудрия, к которым прибавился еще один – обет одиночества. Этот последний обет я ношу на теле, как власяницу.

Каждый день я молюсь в соборе Нотр-Дам. Каждый день благодарю Бога за результаты, полученные с таким трудом, и прошу прощения за методы, к которым прибегал, – давление, насилие, угрозы, ложь. Я благодарю Его за помощь, которую оказывал жертвам, и за прощение виновных.

Моя болезнь так и не прошла. Даже в центре Парижа, на Страсбургском бульваре или на площади Пигаль, я по-прежнему вздрагиваю от невнятного бормотания рации или от скрежета о тротуар сгружаемых ящиков. Но я придумал, как с этим сладить: рассматривая насилие в прошлом сквозь призму насилия в настоящем.

Сентябрь 1999

Год в этой грязи, год знакомства со всеми формами сексуальных отклонений. Однако самым тяжелым в этой работе оказались не извращенцы, а сутенеры и подпольные сети. Целые дни засад, слежки не только за славянской мафией, преступниками из Магриба или производителями грязного видео, но и за известными людьми, политическими деятелями, склонными к извращениям. Ночи напролет я просматриваю кассеты, путешествую по сайтам Интернета, испытывая попеременно то возбуждение, то тошноту. Мне приходится закрывать глаза на изнанку жизни Конторы: на коллег, которые «клеят» жертв сексуальных домогательств, на стажеров, использующих кассеты в личных целях. И везде секс, по обе стороны зеркала.

Черный океан, в котором я находился в апноэ. Оглядываясь на череду прожитых месяцев, я прихожу к одному выводу: кое-что изменилось. Моя личность вызывает все меньше недоверия. Судебные следователи уже не видят во мне только карьериста и сразу подписывают ордера, за которыми я к ним прихожу. Коллеги начали заводить со мной разговоры, им по нраву мое умение слушать. Их признания становятся исповедями, и я могу почувствовать, до какой степени нас заразила борьба со злом, которая вынуждает изо дня в день переступать черту. Я все больше оправдываю свое прозвище – Капеллан.

Я думаю о Люке. Где он теперь? В Управлении судебной полиции? В уголовке? В Центральном бюро? После Руанды я потерял с ним связь. Надеюсь, что однажды встречу его на расследовании или где-нибудь в коридоре. Мне слышится знакомый голос у нас в Конторе, мерещится дорогое лицо в зале суда – и я уже думаю, что это он. Бросаюсь навстречу – и испытываю разочарование.

Однако я не ищу этой встречи. Я верю в наш путь – мы идем одной дорогой и, в конце концов, должны увидеться.

Время от времени еще один человек из моего прошлого врывается в поток ежедневных забот. Моя мать. Через несколько лет после смерти мужа она сблизилась со мной. В разумных пределах, конечно, – раз в неделю мы встречаемся с ней в чайном салоне на левом берегу Сены.

– Как дела на работе? Все хорошо? – спрашивает она, отщипывая кекс с сыром.

А я думаю об извращенце, которого задержал накануне по обвинению в изнасиловании подростка, больного, который макал хлеб в писсуары на Восточном вокзале. Или о маньяке-поджигателе, найденном мертвым вчера утром: он скончался от внутреннего кровотечения после анального секса со своим доберманом.

Я пил чай, отодвигая палец, и односложно отвечал:

– Да, все в порядке.

Потом мы обсуждали переустройство ее загородного дома в Рамбуйе, и все шло своим чередом.

Вот так передо мной постепенно раскрывался ад.

До декабря 2000 года.

До дела в коттедже «Сирень».

14

Иногда поражение лучше победы. Проигравший оказывается в более выигрышном положении и приобретает жизненный опыт. Когда я слушал показания Брижитт Опиц, супруги Корален, намереваясь впервые в жизни застать преступника на месте преступления, то никак не предполагал, что через несколько часов обнаружу только гору трупов, и не догадывался, что эта провальная операция обернется для меня, помимо вечных угрызений совести, еще и переводом в Уголовную полицию.

12 декабря 2000 года

Нашему отделу поручили разработку жалобы жены некоего Жан-Пьера Коралена. Жена обвиняла мужа в принуждении ее к занятиям проституцией на дому, причем в садистской форме. Медицинское заключение подтвердило наличие вагинальных порезов, ожогов от сигарет, следов бичевания, разрывов ануса. По ее словам, такие занятия для ее мужа – еще цветочки. В основном он поставляет живой товар различным клиентам, которых привлекают только дети. За четыре года он похитил в округе шесть девочек из бродячих общин, использовал их и оставил умирать от голода. В настоящее время две девочки еще живы, их держат в коттедже «Сирень», куда каждую ночь сходятся педофилы.

Я зарегистрировал жалобу и решил провести операцию без поддержки со стороны, силами своей группы. В тридцать три года мне впервые предстояла операция по захвату. Разработав план действий, я приступил к реализации.

В два часа мы окружили коттедж «Сирень» на улице Тапи-Вер, но не обнаружили там никого, кроме десятилетней дочери Кораленов, Ингрид, спавшей в гостиной. Родителей мы нашли в подвале. Они вышибли себе мозги из обреза после того, как застрелили двух своих пленниц. Всего за несколько часов жена передумала и предупредила мужа.

Я покинул коттедж в состоянии шока. Закурил. В морозном воздухе вращались мигалки машин скорой помощи. Рядом под углом к тротуару были припаркованы фургоны. Вокруг нас постепенно пробуждались другие коттеджи. Соседи в халатах выходили на крыльцо. Один полицейский в форме увел Ингрид, а другой пошел мне навстречу:

– Лейтенант, уголовка уже здесь.

– Кто их предупредил?

– Не знаю. Шеф группы ждет. Вон в том сером «пежо» в конце улицы.

Ошеломленный, я направился к машине, готовый получить первый, но далеко не последний нагоняй. Когда я поравнялся с «пежо», стекло водителя опустилось: за рулем сидел Люк Субейра, одетый в теплую куртку.

– Ну что, доволен собой?

Я онемел. От изумления у меня перехватило дыхание. Люк ничуть не изменился. Те же очки в тонкой оправе телесного цвета, те же веснушки. Только вокруг глаз появились морщинки, напоминавшие о прошедших годах.

– Садись. Обойди с другой стороны.

Я выбросил окурок и сел в машину. Внутри пахло табаком, холодным кофе, потом и мочой. Я закрыл дверцу и только тогда обрел дар речи:

– Что ты здесь делаешь?

– Мы получили сигнал.

– Дьявольщина! Никто не должен был знать.

Люк покровительственно улыбнулся:

– С некоторых пор я слежу за тобой и знаю, что ты вышел на серьезное дело.

– Ты за мной следил?

Люк продолжал разглядывать улицу прямо перед собой. Медики, раздвигая заграждения, входили в коттедж. Полицейские в черных плащах, оттесняя проснувшихся зевак, натягивали ленту вокруг места преступления.

– Как там, внутри?

Я зажег очередную сигарету. Помещение наполнилось голубоватым светом, пульсирующим в такт вращению мигалок.

– Чудовищное зверство, – сказал я. – Бойня.

– Ты не мог этого предвидеть.

– А должен был. Дамочка нас обошла. Я ее не изолировал и...

– Ты просто неправильно определил ставки.

– Ставки?

– Брижитт Корален пришла к тебе вовсе не потому, что чувствовала угрызения совести или хотела спасти девчонок, а из чувства ревности. Она любила этого мерзавца. Ей нравилось, когда он над ней издевался, когда засовывал горящие окурки в промежность. И она ревновала его к девочкам, к их мучениям.

– Ревновала...

– Вот так-то, дружище. Ты плохо проработал этот круг зла. Он всегда шире, чем кажется. Со временем Брижитт Корален убила бы и собственную дочь, если бы Корален позарился на нее. – Он медленно выдохнул дым, цинично растягивая время. – Тебе следовало ее задержать.

– Ты пришел читать мне наставления?

Люк не ответил. На губах у него застыла усмешка. Из дома выходили криминалисты в белых комбинезонах.

– Я не терял тебя из виду, Мат. Мы шли одной дорогой. У меня был Вуковар, у тебя – Кигали. У меня Управление судебной полиции, у тебя – ОБПС.

– Какое управление?

– На улице Луи-Блан.

В ведении Управления судебной полиции на улице Луи-Блан были самые криминальные районы Парижа – XVIII, XIX и X, настоящая школа крутых парней.

– Одна дорога, Мат, которая ведет к одной цели: в Уголовную полицию.

– Кто тебе сказал, будто я перехожу в уголовку?

– Эти девочки.

Люк указал на мертвых детей, которых санитары несли к машинам скорой помощи. Серебристая пленка хлопала по носилкам, кое-где приоткрывая тело. Люк пробормотал: «Пусть без жизни я живу, / Избавленья все же чаю, / Смерти до смерти желаю»⁷. Помнишь?

Аббатство Сен-Мишель. Запах скошенной в садах травы. Банка из-под сока, полная окурков. Хуан де ла Крус. Сущность мистического опыта. Поэт сожалеет о том, что не может умереть, чтобы постичь величие Царства Божия.

Однако эти стихи можно понять и по-другому. Мы с Люком часто говорили об этом. Настоящим христианам смерть необходима, чтобы уничтожить в себе того, кто живет без Бога. Умереть для себя, для других, для всего материального и воскреснуть в *Memoria Dei*⁸... «Смерти до смерти желаю...». Четыре века назад Блаженный Августин уже провозгласил эту истину.

– Есть еще одна смерть, – как будто подслушав мои мысли, добавил Люк. – Мы с тобой отказались от материального, чтобы жить духовным. Только такая духовная жизнь – очередная разновидность комфорта. Пришло время уйти с этого успокоительного пути. Придется уме-

⁷ Пер. Л. Винаровой.

⁸ В памяти Божьей (*лат.*).

реть еще раз, Мат. Убить в себе христианина и стать полицейским. Запачкать руки. Затравить дьявола и вступить с ним в борьбу, даже рискуя забыть Бога.

– И такая борьба ведется в Уголовной полиции?

– Кровавые преступления – это единственный путь. Пойдешь ты по нему или нет? Готов ты уничтожить себя в себе самом?

Я не знал, что ответить. После круга блуда и извращений я был готов к новому этапу – испытанию кровью. Только я не хотел, чтобы меня по нему вели. Люк протянул руку к синим пучкам света, мигавшим, как стробоскопы:

– Сегодня ночью ты принял крещение и не должен ни о чем жалеть. Риск неизбежен.

Руки истинных крестоносцев тоже были в крови.

Я улыбнулся, слушая эту напыщенную речь.

– Я попрошу перевести меня в Уголовный отдел.

Люк вынул из кармана стопку листов:

– Уже. Подписано префектом. Добро пожаловать в мою группу.

Меня душил нервный смех:

– Когда прикажете приступить к работе?

– С понедельника. Тридцать три года – самый подходящий возраст.

Рождество 2000 года скрепило наш союз.

Дальше шли двенадцать месяцев плодотворной работы.

Наша группа состояла из восьми офицеров, но на самом деле представляла собой тандем. Наши методы разнились, и в то же время мы дополняли друг друга. Я строго следовал правилам, не выдвигал обвинений без веских доказательств, проводил обыски, только когда точно знал, что ищу. А Люк любил риск и не ограничивал себя в средствах, чтобы сбить подозреваемого, прибегая к угрозам, силе и театральным эффектам. У него было несколько излюбленных приемов. Например, он выдумывал день рождения в Уголовном отделе на набережной Орфевр, 36, чтобы подозреваемый потерял бдительность, или прикидывался неуправляемым психом, стремясь запугать подозреваемого, блефовал с доказательствами, которые у него якобы имелись, вплоть до того, что отправлял подозреваемого в тюрьму «Санте» и по пути добивался признания.

Я был хамелеоном, сдержанным, пунктуальным, умеющим подстроиться под меняющуюся обстановку, а Люк – актером, который всегда работал на публику. Он лгал, манипулировал, применял силу – и всегда доискивался до правды. Он получал истинное удовольствие, когда успех оправдывал его циничные методы. Ради этого он предавал то, во что верил, используя оружие противника и оборачиваясь демоном, чтобы перехитрить демона. Ему нравилась эта роль мученика, преступающего закон, чтобы служить своему Богу. Отпущением грехов для него был уровень раскрываемости в нашей группе – самый высокий во всей Конторе.

Со своей стороны, я не питал никаких иллюзий, и мои католические запреты давным-давно испарились. Нельзя копаться в дерьме и не испачкаться, нельзя добиться признания, не прибегая ко лжи и не применяя силу. Однако я не потворствовал и не увлекался подобными методами дознания и обращался к ним скрепя сердце.

Между этими крайними позициями мы сумели найти равновесие. И благодаря нашей дружбе оно было выверено до миллиграмма. Мы вновь обрели друг друга, став взрослыми, как когда-то встретились в юности. То же чувство юмора, та же страсть к работе, то же религиозное рвение.

Коллеги со временем это оценили. Приходилось мириться со странностями Люка – с его всплесками адреналина, теневыми сторонами его души, с диковинной манерой выражать свои мысли. Он чаще говорил о влиянии дьявола или царстве бесов, чем об уровне преступности или кривой правонарушений. Нередко он начинал молиться вслух на месте происшествия: тогда окружающим, видимо, казалось, что он изгоняет бесов.

Я со своими странностями не отставал от Люка. Боялся металлического скрежета, постоянно выключал радио, где бы ни находился. Питался я исключительно рисом и пил только зеленый чай – среди тех, кто привык есть скоромное и пить горькую.

Наши результаты превосходили самые смелые ожидания. За год – более тридцати арестов. В коридорах на набережной Орфевр, 36 говорили: «Преступность растет? Какое там, когда за дело берутся попики!» Нам нравилось это прозвище. Нам нравился наш имидж, наша несхожесть и старомодность. А больше всего нам нравилось то, что вместе мы были командой, даже если и знали, что расплатой за успех будет разлука.

Начало 2002

Люк Субейра и Матье Дюрей официально получили звание майора и назначение: Люк – в Наркотдел, а я – в уголовку. Формально – больше ответственности и более высокая зарплата, на практике – каждый из нас стал руководителем следственной группы.

Мы едва успели попрощаться: горящие дела не терпели отлагательства. Тем не менее мы пообещали друг другу иногда обедать вместе и проводить выходные в Верне.

Через три месяца мы уже едва замечали друг друга, если встречались во дворе на набережной Орфевр.

15

Когда я открыл глаза, в голове у меня все еще звучал смех Люка в «Золотом солнце» – закусочной неподалеку от Орфевр, 36. Я несколько раз моргнул и оказался лицом к лицу с японским врачом-вивисектором. Фотография лежала передо мной на письменном столе.

– Мама, я сама!

Когда же я заснул? На часах 8.15.

– Не трогай. Я тебе потом дам.

Детский голосок за стенкой смешивался со звоном тарелок и звяканьем ножей и вилок. Камилла и Амандина. Семейный завтрак с кукурузными хлопьями перед тем, как идти в школу. Я потер лицо, чтобы прогнать жуткие видения и обрести ясность мысли.

Присев на корточки, я стал собирать фотографии, рентгеновские снимки, записи и документы в папки и расставлять их по полкам в хронологическом порядке.

Когда я вышел из кабинета, школьницы были уже в прихожей с ранцами за спиной. Пахло зубной пастой и какао.

– А где мой мешок для бассейна?

– Вот он, родная, у дверей.

Две мордашки дружно повернулись ко мне. И тут же обе девочки повисли у меня на руках, наперебой спрашивая, принес ли я им подарок. Лора потянула их к выходу.

– Я думала, ты ушел.

– Извини, заснул.

Я попытался улыбнуться. Но при виде Лоры – одной с детьми – у меня сжалось сердце. Я вернулся в кабинет, пристегнул кобуру с пистолетом к поясу и надел плащ. Когда я вернулся в прихожую, Лора стояла неподвижно, прислонившись спиной к закрытой двери. Она была похожа на утопленницу, обвязанную бетонными блоками.

– Хочешь кофе? – спросила она.

– Спасибо. Я и так уже опаздываю.

– Не забудешь про завтрашнее утро?

– Что?

– Месса.

Я поцеловал ее, как всегда неловко:

– Я приду. Можешь на меня рассчитывать.

Через час я уже ехал к Одиннадцатому округу, приняв душ, выбритый, причесанный, одетый в чистый костюм. Зазвонил мобильник. Фуко.

– Мат, мне совсем хреново.

– Держись, друг. Ты выполнял свой долг.

– Веришь, у меня даже зубы ломит.

– Ты хотя бы помнишь про Ларфауи?

– Дело Люка?

– У тебя есть твоя работа, так что этим делом занимайся параллельно. Позвони баллистикам, в морг, в комиссариат в Ольне. Вообще всем, кроме судебного следователя и Наркотдела, и постарайся нарыть хоть какую-нибудь информацию. И еще найди мне дело этого кабила.

– Это все?

– Нет. Я хочу, чтобы ты навел справки в Управлении железных дорог. 7 июля Люк ездил в Безансон. Выясни, не ездил ли он туда еще примерно в это же время. Проверь также аэропорты. В последние месяцы Люк много передвигался.

– О'кей.

– И еще, позвони в Отель-Дье, в отдел, который проводит диспансеризацию наших парней. Постарайся узнать, не было ли у Люка проблем со здоровьем.

– У тебя есть какой-то след?

– Пока рано говорить. Кроме того, проверь в Интернете сайт: unital6.com.

– А что это?

– Итальянская ассоциация, которая организует паломничества по святым местам. Раскопай о них как можно больше.

– Но это же на итальянском!

– Выкрутишься. Мне нужны места паломничества, списки участников и семинары за весь год плюс все о другой их деятельности. Мне нужна их структура, официальный статус, источники финансирования, в общем – все. А когда соберешь всю информацию, свяжешься с ними и сделаешь вид, что ничего о них не знаешь.

– На английском?

Я подавил вздох. Для европейской полиции время еще не пришло.

– Как раз накануне самоубийства Люк послал им как минимум три мейла. А затем стер их. Постарайся получить эти мейлы у них.

– Придется накачаться аспирином.

– Накачивайся чем хочешь. Новости мне нужны к полудню.

Я отправился в «Золотую гроздь» – большую пивную на улице Оберкампф, которой владели два брата, Саид и Момо. Когда-то они были моими осведомителями. Отличный источник сведений по своей профессии. Я уже собирался установить на крышу машины мигалку, чтобы не стоять в пробках, как зазвонил мобильный.

– Мат? Это Маласпе.

– Ты где?

– Я был у нумизмата, он определил образок.

– Что он сказал?

– Сама по себе вещь никакой ценности не имеет. Это дешевая подделка, копия бронзовой медали, отлитой в начале XIII века в Венеции. У меня есть название мастерской, где...

– Оставь. Для чего он служил?

– Если верить нумизмату, это амулет. Он защищает от дьявола. Такие амулеты носили монахи-переписчики. Они жили в постоянном страхе перед демонами, а этот медальон их оберегал. Монахи были невротиками с навязчивыми идеями насчет жизни святого Антония, и...

– Я знаю. Тебе известно, откуда взялась копия?

– Пока еще нет. Парень дал мне наводку, только ведь это не ценная вещь...

– Перезвони мне, когда продвнешься.

Тут я вспомнил об убийстве ювелирши в Ле-Пере.

– Да, вот еще что, свяжись с полицейскими из Кретея, узнай, нет ли чего нового по делу о цыганах.

Выходит, я не ошибся. Прежде чем броситься в воду, Люк взял с собой талисман. Видимо, он надеялся, что этот предмет, имеющий лишь символическую ценность, сможет уберечь его от дьявола. Что за противоречия раздирали его в эту минуту, раз он одинаково боялся и жизни и смерти?..

Улица Оберкампф. Я припарковал машину в ста метрах от пивной. От уличного шума и выхлопных газов разболелась голова. Я так и не успел поесть и натошак закурил очередную сигарету, втянул голову в плечи, поднял воротник плаща и ощутил себя в привычной шкуре полицейской ищейки. А под этой шкурой, где-то внутри, я натянул личину парня, измотанного бессонной ночью, завсегдатая кабаков, вполне способного с утра пораньше выпить кальвадоса.

10 часов. В пивной почти пусто. Я устроился с краю стойки на высоком табурете. У стойки потягивали пиво несколько типов, готовых выкинуть любую глупость. Немного

подальше за столиком сидели студенты, явно прогуливающие лекции. Мертвый час. Я расслабился.

Кабилы, хозяйева пивной, заново ее отделали. Искусственное дерево, искусственная кожа, искусственный мрамор: единственное, что здесь было натуральным, – вонь дешевого вина и табачного дыма. Я различил и другой запах – мимолетный душок пива и плесени. Справа был открыт люк в погреб. Хозяйева пополняли запасы.

С краю стойки возник Момо с охапкой багетов в руках. Я наблюдал за ним, стараясь не привлекать к себе внимания. Глиняная гора в белой безрукавке, тяжелое лицо под копной курчавых волос, широкие кустистые брови и увесистый подбородок. Он казался огромной грубой тенью своего младшего брата Саида, тщедушного и порочного.

Я затруднялся сказать определенно, который из них был более опасен, но вместе они представляли грозную силу. В 1996 году террористы из «Вооруженной исламской группы» напали на их родную деревню. По слухам, братья ушли в подполье, нашли убийц, оскопили главарей и заставили остальных сожрать их яйца. Помня об этом, я сказал себе: «Не дави на них».

Момо заметил меня:

– Дюрей! – От улыбки его подбородок выдвинулся еще больше. – Давненько вас не видел.

– Сваришь мне кофе?

Кабил занялся кофе. Окутанный паром, он напоминал подводника в машинном отделении.

– Неужто вы работаете в такой час? – спросил он, ставя передо мной дымящуюся чашку.

– Только что освободился. Осточертели эти сверхурочные.

Момо пододвинул ко мне сахарницу и оперся локтями о стойку:

– Начальство достало?

– Скажи уж лучше, затрахало. Присесть некогда.

– Сделайте как мы, заведите свое дело. Вы же можете заделаться частным сыщиком.

Он рассмеялся, настолько ему понравилась эта идея.

– Хозяин всегда найдется, Момо. У вас же есть поставщики.

Трактирщик возмутился:

– Поставщики нам не указ! Мы сами все решаем.

– Не смей меня, Ларфауи держит вас за яйца.

Внезапно Момо стал похож на вратаря, прозевавшего удар. Я вынул сигарету, постучал ею по стойке, чтобы утрясти табак, и добил его:

– Разве не он вас снабжает?

– Ларфауи... умер.

Я зажег сигарету и поднял чашку.

– Мир его праху. Что ты мне об этом скажешь?

– Ничего.

– Жизнь была бы проще, будь люди поразговорчивее. Я вот слышал, что вы открыли новый бар на площади Бастилии.

– И что с того?

Момо не сводил глаз с открытого люка: Саид был внизу, и мне следовало поторопиться, пока этот хитрец не поднялся в зал. Я сменил тактику:

– У меня есть приятели в Отделе санитарной инспекции. Они ведь могут к вам наведаться. Санитарное состояние, здоровье, лицензии...

Момо наклонился ко мне, от него несло странной смесью пота и ладана:

– Не знаю, из какого вы фильма, но в наши дни легавые такого не вытворяют.

– Ларфауи, Момо. Скажи мне пару слов, и я исчезну.

Вместо ответа раздался шум двигателя. Из люка показалась дужка подъемника. Следом появился Саид, окруженный металлическими бочками, словно адмирал на капитанском мостике. Шанс был упущен.

– Добрый день, капитан. Рад вас видеть.

Я изобразил улыбку, снова поразившись, насколько он не похож на брата. Момо казался неотесанной глыбой, а Саид – законченным изделием. Под густой черной шевелюрой – тонкое лицо. В его чертах можно было одновременно разглядеть мягкость и презрение, почтение и жестокость... Все это скрывалось в глубине его миндалевидных глаз и в уголках полных, чувственных губ.

Он перешагнул через бочки, подошел ко мне и уселся на соседний табурет. Праздник закончился.

– Примите мои соболезнования.

Я наклонил голову, нервно встряхнул волосами. Саид уже знал о том, что случилось с Люком. Наверное, из-за дела Ларфауи. Он небрежно сделал знак брату, и тот подал ему кофе.

– Нам всем капитан Субейра очень нравился.

Его пронзительный голос был, как и все в нем, слащавым и презрительным. Как и его мягкий акцент – он говорил так, будто засунул за щеки горсть оливок.

– Люк не умер, Саид. Не надо говорить о нем в прошедшем времени. Не сегодня завтра он очнется.

– Мы все на это надеемся, капитан, уверяю вас.

Саид положил в чашку сахар. На нем была куртка военного покроя и золотые украшения – цепь и перстень с печаткой.

– Мне понятна ваша грусть. Но мы ничего не знаем. И ваши вопросы не вернут капитана.

– Расслабься, Саид, я взял как раз те дела, которыми занимался он.

– Разве вы больше не работаете в уголовке?

Я улыбнулся и закурил новую сигарету. Ничего не скажешь, этот парень не промах.

– Окажи мне дружескую услугу. Что ты можешь сказать о деле Ларфауи?

Саид усмехнулся. Он никогда не смотрел прямо на собеседника. Он или опускал глаза, часто моргая, или отводил их в сторону, как будто напряженно о чем-то размышлял. Все это было игрой, ответы Саид знал еще до того, как был задан вопрос. На мой вопрос он пока ничего не ответил.

– Люк спрашивал вас об этом убийстве, да или нет?

– Конечно. Вы же хорошо знаете этот район. Люди приходят и уходят, и вообще... Но в этот раз мы ничего не знали. Клянусь, капитан. Смерть Массина – полная тайна.

Я жестом попросил у Момо еще кофе. Саид со своими увертками начинал действовать мне на нервы. Чем вежливее он держался, тем яснее было – ему на меня наплевать. Я посмотрел ему прямо в глаза, лучшая стратегия – это отсутствие всякой стратегии, игра в открытую.

– Послушай меня, Саид. Люк – мой лучший друг, понятно?

Саид молчал, медленно размешивая сахар в чашке.

– Никто не знает, почему случилось это... несчастье. А я особенно. Вот я и хочу понять, почему он так поступил, что было у него на уме, над чем он работал. Тебе ясно?

– На все сто, капитан.

– Он в одиночку разрабатывал дело Ларфауи, и, по-видимому, оно его увлекало. Лично я думаю, что он что-то раскопал в этой помойке. Что-то, что привело его к депрессии. Поэтому пошевели мозгами и дай мне след!

Я почти кричал, затем зашелся кашлем и сразу успокоился. Саид опять невозмутимо повторил:

– Я ничего не знаю об этом деле.

– У Ларфауи не было стычек с другими поставщиками?

– Никогда о таком не слышал.

– А с хозяевами кафе? Может, кто-нибудь сильно ему задолжал и захотел отомстить?

– У нас так не делается, вы же прекрасно знаете.

Саид был прав, Ларфауи убит профессионалом.

Никогда хозяин забегаловки не станет нанимать киллера.

– Ларфауи был не только поставщиком спиртного. Он еще торговал наркотиками.

– Здесь я вам ничем не могу помочь. Мы не имеем дела с наркотой.

Я подошел с другой стороны:

– Когда Люк говорил с вами, у него уже были какие-нибудь идеи насчет этого убийства?

– Трудно сказать.

– А ты подумай.

Он снова отвел взгляд в сторону, изображая задумчивость, потом проговорил:

– Он приходил два раза. Первый раз в сентябре, как раз когда пришли Ларфауи. Потом еще раз в начале этого месяца. Выглядел совсем потерянным.

– Только не говори, что он тебе изливал душу.

– Пять рюмок водки меньше чем за полчаса тоже своего рода исповедь.

У Люка всегда была склонность к спиртному. Меня не удивило, что в последнее время он часто прикладывался к бутылке. Саид наклонился ко мне. По-прежнему опираясь локтями о стойку, он оказался от меня всего в нескольких сантиметрах и в свою очередь отбросил всякую стратегию:

– Я вам вот что скажу, в деле Мессина вы можете продвинуться дальше капитана.

– Почему это?

– Потому что вы истинно верующий.

– Люк тоже христианин.

– Нет, он отдалился от веры. Он уже не соблюдал правила.

Я глотнул кофе и почувствовал, что обжег желудок.

– Что ты имеешь в виду?

– Ларфауи тоже был очень религиозным.

– И что?

– Подумайте о том вечере, когда произошло убийство.

– Восьмое сентября.

– Какой это был день недели?

– Понятия не имею.

– Суббота. А что мусульманин делает по субботам?

Я подумал, но так и не понял, к чему он клонит. Саид продолжал:

– Он гуляет. После молитв в пятницу истинно верующий расслабляется. Плоть слаба, так говорите вы во Франции...

– Ты хочешь сказать, что Ларфауи в тот вечер был не один?

– У Ларфауи были свои маленькие радости. Его семья в Алжире.

– У него была любовница?

– Ну, не любовница. Так... цыпочки...

Теперь картина сложилась окончательно. Ларфауи был убит у себя в доме примерно в 23 часа. По всему выходило, что он был не один. Но никто ни разу не упомянул о свидетеле или о втором теле. Значит, женщине удалось скрыться и она все видела.

– А эта женщина, ты ее знаешь?

– Нет.

– Не вздумай со мной хитрить!

– Вы можете мне верить, – улыбнулся он. – У вас есть возможность ее разыскать.

Я вспомнил свой опыт работы в Отделе по борьбе с проституцией. Мне были известны все злачные места. Но искать проститутку, не зная вкусов ее клиента, – все равно что искать пулю после атаки «Хизбаллаха».

– А что ему нравилось?

– Ищите, капитан. Я за вас не беспокоюсь.

У меня в голове вертелось и никак не могло оформиться смутное воспоминание.

– Ты об этом говорил Люку?

– Нет. Он искал мотивы, а не обстоятельства. Похоже, он считал это сведением счетов. Есть одна проблема... – Саид замялся. – Проблема, которая может исходить от вас. Нечто внутреннее...

– Он что, сам тебе это сказал?

– Он ничего не говорил, но очень нервничал. По-настоящему нервничал.

Вновь мелькнула мысль о коррупции. Я поднялся:

– К вам могут прийти парни. Из Конторы.

– «Быки»?

– Не говори им ничего.

– Не пойман – не вор, как говорят во Франции!

Я направился к стеклянной двери. Пивная постепенно наполнялась – настал час аперитива. Я обернулся к Саиду:

– Последний вопрос: Ларфауи не был замешан в делах с сатанистами?

– С кем?!

– Людьми, которые поклоняются дьяволу.

Кабил рассмеялся своим легким смехом:

– Мы оставили своих демонов дома.

– А какие у вас демоны?

– Джинны – духи пустыни.

– Ларфауи этим интересовался?

– Здесь никто не интересуется джиннами. Они не пересекли границы, капитан. К счастью для Саркози.

16

Я зашел еще к двум хозяевам баров и одному хозяину пивной, который был в дружбе с Ларфауи, но больше ничего не узнал. Ни об убийстве кабила, ни о его предполагаемой подружке. Пора было в китайскую закусочную за своей порцией риса, а затем – в Институт судебной медицины, где я отдал Свендсену пленки, которые забрал у Люка, – я хотел знать, какие конкретно мозговые нарушения на них отображены. И наконец, я поехал в Контору.

Только я сел за стол, как зазвонил служебный телефон. Звонил Фуко, взвинченный до крайности:

– Ты что, принципиально не отвечаешь на звонки по мобильному?

– Я прослушиваю голосовую почту.

– Ну ладно. У меня новости по убийству Ларфауи.

– Слушаю.

– Я поговорил с парнем из Отдела баллистики. Он говорит, что там было три пули. Подтверждается версия о заказном убийстве.

– Почему?

– По его словам, стреляли из MPKS.

MPKS – автоматический пистолет, который был на вооружении французских спецназовцев. Я уже видел такое оружие во время стажировки по баллистике. Большая часть моделей изготовлена из полимеров, чтобы их нельзя было засечь радарами. Применение такого оружия указывало на то, что убийца Ларфауи принадлежал к военной элите.

– Что он тебе еще сказал?

– Убийца пользовался глушителем. Все три пули имеют характерные следы. Но есть кое-что поинтереснее. Технический эксперт, с которым я разговаривал, рассчитал скорость пули по проникновению в тело. Не спрашивай, как он это сделал, я сам ничего не понял. По его словам, их скорость была ниже скорости звука: пули летят медленнее, чем распространяется звук. А вообще-то MPKS – сверхзвуковое оружие. Пуля достигает цели раньше, чем раздается выстрел.

– Я тоже ничего не понимаю.

– Это значит, что убийца сам покопался в оружии, чтобы уменьшить скорость пули.

– Но зачем?

– Трюк профессионала. Чтобы не причинять вреда своему оружию. Сверхзвуковая волна со временем разрушает ствол и особенно глушитель. Наш приятель бережно обращается со своей пушкой. Похоже, это распространенный прием среди солдат, десантников и наемников. Как говорит мой специалист, так делают только военные или эксперты.

Зачем надо было привлекать «эксперта», чтобы убить поставщика спиртного? Слушая рассказ Фуко, я заметил, что он уже положил мне на стол досье на Ларфауи из префектуры. Я раскрыл папку и посмотрел на его последнюю фотографию – здоровенный небритый кабил с прилизанными волосами выглядел хмурым и насупленным. Далее шли другие сведения. Обычная биография парня, который нередко заигрывал с Судебной полицией.

Я сосредоточился на Фуко:

– Нашел что-нибудь о Безансоне?

– Люк ездил туда пять раз. Даты я тебе передам.

– Куда он ездил еще?

– На Сицилию, в Катанию, семнадцатого августа этого года. В Краков, двадцать второго сентября. Не могу сказать наверняка, но возникает мысль о бабе. Может, Люк завел роман на стороне?

В это я не верил. Любовницы у Люка быть не могло.

- А другие источники? Банковские счета, телефон?
- Работаем. Результаты будут сегодня вечером. Самое позднее – завтра утром.
- А что с медицинским отчетом о состоянии здоровья?
- Я поговорил с врачом. Люк был в полном порядке.
- А его психологический профиль?
- Нет возможности достать информацию.

Я перешел к следующему пункту:

- Что там с Unital6?
- Все вполне законно. Они организуют паломничества в Лурд для инвалидов, устраивают стариков в монастыри в Италии, иногда во Франции. Кроме того, проводят конференции.
- Одна из которых посвящена дьяволу.
- Ну да, в ноябре.
- Можешь составить список участников, тем докладов и так далее?
- Без проблем.
- А кто их финансирует?
- Паломники вносят пожертвования. Похоже, этого хватает.
- А что с электронной почтой?
- Я разговаривал с секретарем. Он клянется, что ничего не получал.
- Он лжет. Люк послал три сообщения 18 и 20 октября.
- И тем не менее парень не в курсе.
- Поищи еще.
- Я поблагодарил Фуко за работу.
- Мат, у меня могут возникнуть проблемы с «быками».
- Знаю. Они с тобой связались?
- Спасибо, что не связали. Кондансо и еще один тип.
- Что ты им сказал?
- Напустил туману. Мол, Люк плотно с нами работал, но у него просто не было времени передать нам все данные.
- И как они на это прореагировали?
- Поржали. Они не сойдут со следа – это ясно.
- Дюмайе прикроет нас на сорок восемь часов, начиная с сегодняшнего дня.
- Этого слишком мало.
- Значит, придется пошевеливаться.

Я принялся за дело Ларфауи. С первых же строк его история всплыла в моей памяти. Я уже как-то имел с ним дело.

Ларфауи, Массин Мохаммед. Родился 24 февраля 1944 года в Оране. Был еще слишком молодым, чтобы служить в армии во время французских «операций по поддержанию порядка» в Алжире, но достаточно взрослым, чтобы потихоньку примкнуть к Фронту национального освобождения. Подозревался в соучастии в организации терактов в Алжире. Десять лет спустя на деньги, полученные по наследству от родителей-бакалейщиков, открыл бар в Таманрасете у «Ворот Сахары». В 1977 году пересек пустыню и построил отель-ресторан в Агадесе в Нигере. Много лет его дела процветали. Во владении кабила было около восьми кафе и отелей в Африке, и зона его влияния распространялась до Бразавиля и Киншасы...

Я все это знал и раньше, но теперь появились некоторые подробности. В Париже Ларфауи стал одним из самых крупных поставщиков, снабжавших пивные, и получил прозвище Африканец. Он был известен особым пристрастием к африканкам. Массина Ларфауи распалили черные задницы.

Вот на что намекал Саид. Не просто шлюха, а черная шлюха. «У вас есть возможности ее отыскать», – сказал этот ловкач. Прямой намек на мое знание африканской криминальной

среды, и особенно сети проституции и сутенерства. 18 часов. В этих джунглях ничего не узнаешь по телефону, да и идти туда сейчас не имеет смысла. Надо было дожидаться ночи, вернее – глубокой ночи.

Я позвонил Маласпе:

– Как продвигается дело в Ле-Пере?

– Нюх тебя не подвел. Цыгане развязали языки. Одно и то же имя всплывало в таборах в Гриньи и Шампиньи. Румынский цыган, из рода Калдераш. Говорят, он не в себе. Буйный, параноик, мистик. Ребята из Кретея проверяют его алиби.

– Замечательно. Позвони-ка Мейеру и все это ему передай. Пусть он нам составит подробный рапорт, чтобы завтра утром положить его на стол Дюмайе.

– Между прочим, он вообще-то человек семейный, ты в курсе?

– Дело не терпит отлагательств. А что там с образком?

– Стандартная копия. Работа кустарная. Их штампует заводик в Веркоре и...

– Завтра мне нужна подробная справка.

– Мат...

– Что? У тебя тоже семья?

– Нет, но...

– Тогда за дело!

Я отключил мобильный, выключил служебный телефон и запер дверь. Откинувшись в кресле и накрывшись плащом вместо пледа, я погасил свет.

Будильник на часах был поставлен на полночь. Самое время для высадки на «Черный континент».

17

Африканская ночь.

Совсем иная ночь лежала на другом берегу парижского мрака. Зыбкая земля, откуда доносился приглушенный гул и тепло от жаровен. Таинственный берег музыкальных ритмов и запахов рома, вырывавшихся из приотворенных дверей кабаков, из бакалейных лавок, где скрываются подпольные бары, лестницы, ведущие в обжитые подвалы.

Как мне были знакомы эти огни, от самых ярких до тусклых керосиновых ламп, у парижских ворот или на северной окраине города. Работая в Отделе по борьбе с проституцией, я постоянно навещался в эти места, где кроме музыки и выпивки всегда предлагалась и продажная любовь.

Я начал обход с левого берега. Лучшие заведения с африканскими проститутками были здесь, в Сен-Жермен-де-Пре: на улице Дофин – кабак «У Руби», который я любил за его неспешный, беспечный уют, за само место, где он располагался, – посреди литературного района, за темно-красной лаковой дверью в китайском стиле, в глубине двора, мощеного, как в XVII веке.

Там я нашел старых знакомых – швейцаров и завсегдатаев. Несколько минут постоял в вестибюле: это территория чернокожих самцов, а вот бар, подиум и диваны – для женщин и белых клиентов. Затем я направился к гардеробу в поисках Кокотки.

Кокотка родом из Заира, и сколько я ее помню, всегда стояла за стойкой. Это была настоящая достопримечательность «Ночной Африки».

– Рада тебя видеть, Щепка! Как у тебя на любовном фронте?

Щепка – мое прозвище среди чернокожих.

– Мертвый штиль. А у тебя, Пышка?

– И не напоминай. Уж теперь-то я его брошу! Точно – брошу! Вместе с его жалкой тютелькой!

Взрыв хохота. Кокотка жила с культуристом, злоупотреблявшим андрогенами, разрушавшими репродуктивную систему и делавшими его бесплодным. Кокотка выходила из себя, видя, как эта гора мышц ест с ложечки тестостероны, ведь детишки были ее заветной мечтой...

– Что привело тебя к нам, дорогуша?

– Я ищу Клода.

– Здесь ты его не найдешь. Он поругался с патроном. Сходи в «Кер Самба».

Клод был одним из моих бывших информаторов. Уроженец Берега Слоновой Кости, он не стал сутенером в прямом смысле этого слова, а скорее консультантом, посредником между этническими группами, поставщиками и денежными клиентами. Очень нужный человек в африканской диаспоре.

Четыре поцелуя, и я уже было двинулся к выходу, но внезапно передумал. «Только взгляну», – решил я, вернулся и прошел в зал. Из полутьмы мне в лицо ударила музыка – африканские мотивы в стиле «зук». Я застыл, ошеломленный. Они были там, на подиуме, – длинноногие, чернокожие, почти неподвижные, плавно изгибавшиеся под музыку. Сосредоточенные и в то же время отстраненно-раскованные. Казалось, они видят то, что недоступно другим: переменчивость, текучесть и особую томность этих ритмов. У каждой – своя манера самовыражения: колдовские вращения бедер, поднятые руки, как бы в знак прощания с сушей, волнообразно изгибающееся тело, преодолевающее невидимую преграду, внезапные резкие движения поясницей – и все это с потрясающей сдержанностью...

Я ощутил прилив крови в низу живота. Как мог я забыть это? Как удавалось мне с тех пор, как я работал в уюлке, противостоять влечению и отказываться от своих приключений? Я незаметно выскользнул, не оборачиваясь, избегая даже тени собственных желаний.

Я сел в машину и поехал по набережной. Рядом текла Сена, черная и медлительная, ночные огни плясали на ее водах, казалось, это какая-то другая река, ведомая только мне, на берегах которой была Африка. Я пересек Сену у Гран-Пале и поехал к Восьмому округу.

«Кер Самба». Более фешенебельный, чем «У Руби», но не такой уютный. Больше всего мне здесь нравился интерьер. Стеклопанные стены с подсветкой в стиле ретро расписаны под стилизованные джунгли – львы, пальмовые листья, газели... То ли будуар, то ли аквариум коньячных тонов. Я прошел вдоль бара рядом с созданиями одного со мной роста и с черной шелковистой кожей и заглянул в туалет, где у меня была еще одна знакомая.

Мерлин сидела за столиком, уставленным пачками сигарет и упаковками презервативов. Длинное тонкое лицо под копной черных, будто лакированных волос, прядями спадающих на виски. Увидев меня, она пронзительно рассмеялась, приветствуя меня на свой манер:

– Рада тебя видеть, красавчик тубаб!

– Привет, Мерлин.

Она называла меня «тубаб» – так в странах Запада черные называют белых. Пять лет назад я спас Мерлин от панели, когда она приехала из Бамако. Уже тогда ее заставляли голодать, чтобы не рвало от минета.

– Иди к нам, не бойся моих подружек.

Я приветствовал окружавших ее женщин: пять или шесть сладострастных угольно-черных бутонов стояли у затянутых фиолетовым бархатом стен. Их большие черные глаза напоминали «Заклинательницу змей» Руссо Таможенника.

– Ты по мне скучал?

– Прямо не знаю, как вынес разлуку.

У нее в груди что-то заклокотало. При каждом взрыве хохота она выставляла напоказ все свои зубы. Я разглядывал «подружек». Одежда из переливчатой ткани и пирсинг везде, где только можно, – в губах, в ноздрах, в пупке. Особенно меня заинтересовали их парики – косички, выбеленные прядки. Секс-бомбы в духе шестидесятых, на манер Дайаны Росс...

– Оставь. Они тебе не по карману.

– Я пришел не за этим.

– А тебе бы не помешало расслабиться. Тогда зачем ты здесь?

– Ищу Клода. Мне с ним надо поговорить.

– Загляни в «Атлантиc». Его сейчас больше интересует антильская музыка.

Я попрощался с Мерлин и ее свитой. Выходя из «Кер Самба», я отметил, что не встретил там ни одной местной знаменитости – ни музыканта, ни сына посла, ни футболиста. Куда они все запропастились сегодня?

«Атлантиc» располагался в ангаре в двух шагах от склада ковровых покрытий «Сен-Маклу», на набережной Аустерлиц. Перед широким крытым входом были установлены железные барьеры, между которыми проходили посетители. Им полагалось преодолеть рамку металлоискателя и подвергнуться ручному досмотру. Увидев меня, один из охранников, здоровенный конголезец по прозвищу Медвежонок проревел: «22, легавые пожаловали!» Раздался взрыв смеха. В качестве извинения он поставил мне на руку синюю печать, дававшую право на бесплатную выпивку. Поблагодарив его, я нырнул в полумрак. Качество здесь сменялось количеством.

«Атлантиc» – это страна, которую «зук» омывает, как океан. Волны музыки, казалось, приподняли меня над землей. Передо мной расстилались тысячи квадратных метров, тонущих в полутьме, где на скорую руку были расставлены столы и скамейки. Я напряг зрение, полагаясь скорее на свое чутье. Так пловец отдается на волю волн.

Перешагивая через скамейки, я добрался до уставленной бутылками стойки. Как оказалось, один из барменов знал меня в прежние времена. Я прокричал:

– Клод здесь?

– Кто?

– КЛОД!

– Должен быть у Пата. Там нынче праздник.

Вот почему я не встретил ни одной знакомой физиономии. Все на вечеринке.

– Пат? Какой Пат?

– Бакалейщик.

– В Сен-Дени?

Он кивнул и нагнулся, чтобы зачерпнуть пригоршню льдинок. Его жест привлек мое внимание к зеркалу напротив: в нем отражался тип, который никак не вязался с обстановкой, – белый, с мертвенно-бледным лицом, одетый в черное. Я обернулся, но никого не увидел. Неужели померещилось? Сунув бармену купюру, я пошел прочь, с трудом преодолевая усталость.

18

Я выехал на кольцевые бульвары через ворота Берси, а сразу за воротами Шапель свернул на автостраду A1. Вскоре чуть ниже уровня шоссе я увидел поблескивающие редкими огнями просторы парижского предместья.

3 часа утра

На четырех уровнях шоссе не было ни одной машины. Я миновал указатель «Сен-Дени-Центр – Стадион» и поехал по боковой дороге на «Сен-Дени-Университет – Пейрефитт». И в этот момент я увидел – или мне почудилось – в зеркале заднего вида то самое бледное лицо, которое заметил в «Атлантисе». Я крутанул руль так, что мою «ауди» занесло, потом выровнял машину, сбросил скорость и поискал глазами моего преследователя: никого. Ни одной машины позади меня.

Я нырнул под автодорожный мост и поехал налево. Вскоре коттеджи и поселки уступили место массивным стенам складов и заводов: «Леруа Мерлен», «Газ де Франс»...

Я повернул направо и снова направо. Переулок, тусклые огни, у подъездов толпятся люди. Я выключил фары и медленно покатил по разбитой дороге. Облупленные стены, забитые досками дыры, остовы «разутых» машин и никаких признаков парковки – настоящая окраина, как она есть.

Я миновал первые группки людей, сплошь чернокожих. Тень от автострады нависала над жилыми домами, как угрожающе поднятая рука. Воздух был напитан влагой. Я припарковался, стараясь не привлекать к себе внимания, и пошел, всей кожей ощущая, что отныне я в самом центре черной территории: сто процентов африканцев, и все сто не признают французских законов.

Обойдя полуночников, я прошел мимо бакалейной лавки, закрытой железным занавесом, и вошел в следующее здание. Места были мне знакомы, и я держался уверенно. Я попал во двор, где звучали громкие голоса и слышались взрывы хохота. Охранник на левом крыльце узнал меня и пустил в дом. За эту краткую передышку я дал ему двадцать евро.

Пройдя коридор, я очутился в задних помещениях бакалейной лавки, отгороженных занавесом из ракушек. Нигде в Париже не было такого выбора африканских товаров, как здесь: маниока, сорго, мясо обезьян, антилоп... Тут продавались даже растения, имеющие гарантированную магическую силу. В соседней комнате Пат открыл подпольный ресторан, где гигиена и вентиляция, честно говоря, оставляли желать лучшего.

Я прошел через торговый зал. Чернокожие болтали, сидя на ящиках африканского пива «Флаг» и на связках отборных бананов. Я едва протолкался в ресторан, набитый до отказа. Судя по взглядам, мое присутствие здесь никого не обрадовало. Граница туристской зоны осталась далеко позади.

Я дошел до лестницы. Из подвала доносилась такая ритмичная музыка, что пол дрожал. Я спустился вниз, чувствуя, как музыка и жара поднимаются ко мне навстречу, обволакивая дурманящим облаком. Затененные решетками лампы освещали ступени. Внизу, перед железной дверью, мне преградил дорогу охранник в комбинезоне. Я показал ему удостоверение. Он неохотно отодвинул в сторону дверь, и передо мной открылось настоящее наваждение. Ночной кабак в миниатюре, темный, вибрирующий от музыки и мерцающих огоньков, похожих на мурашки, пробегающие по черной коже.

Стены были выкрашены в сине-лиловый цвет и усеяны светящимися звездами; колонны подпирали потолок, который, казалось, провисал под каким-то грузом. Прищурившись, я разглядел, что под потолком натянута рыболовная сеть. У самого въезда в Париж глубоко под землей был устроен морской бар. На столах, покрытых клетчатыми скатертями, стояли вет-

розащитные фонари. Впрочем, разглядеть что-нибудь было трудно – все пространство было заполнено людьми, танцующими под сетью. Мне пришло в голову, что все это похоже на фантастическую рыбную ловлю: черные головы, пестрые длинные одеяния и обтягивающие атласные платья...

Я стал пробираться сквозь толпу в поисках Клода.

В глубине, на сцене, освещенной розовыми и зелеными лучами, извивалась группа людей, скандируя навязчивые аккорды. Настоящая африканская музыка – веселая, необычная, наивная. При вспышке света я различил гитариста, который крутил головой так, будто она закреплена на шарнире; рядом с ним какой-то негр, откинувшись назад, извлекал заывания из саксофона. Здесь и речи не было ни о ритм-энд-блюзе, ни об антильском звуке. Эта музыка действовала на нервы, сотрясала внутренности и ударяла в голову, словно колдовство вуду.

Пары двигались медленно и томно. Обливаясь потом, я еще немного продвинулся вглубь, отмечая по дороге знакомые лица, которые я тщетно искал в других заведениях. Менеджер из «Феми Кюти», сын президента Бельгийского Конго, дипломаты, футболисты, ведущие радиоканалов... Все собрались здесь, забыв об этнических различиях и гражданстве.

Наконец я нашел Клода. Он сидел с другими парнями за столиком в стенной нише. Я подошел поближе, вглядываясь в непроницаемую физиономию моего информатора. Приплюснутый широкий нос занимал половину лица, сдвинутые брови образовывали глубокие морщины на хмуром челе, а в крупных удивленных глазах застыло выражение «Я не виновен!». Он поднял руку:

– Мат! Мой друг тубаб! Садись с нами!

Я кивнул остальным и сел за их столик. Ну и сборище: здоровенные заирцы, а эти силачи поприместее – наверняка из Французского Конго. Меня приветствовали без особого энтузиазма. Все сразу почуяли легавого. В знак мира я запахнул плащ так, чтобы не было видно оружия.

– Выпьешь с нами?

Я кивнул, не сводя взгляда с сидящих за столом – косяк переходил из рук в руки, над головами плыло голубоватое облако дыма. У меня в руке оказался стакан скотча.

– Знаешь анекдот про Мамаду?

Не дожидаясь ответа, Клод затянулся и стал рассказывать:

– Белая девушка собралась замуж. Она знакомит жениха с отцом. Жених, Мамаду, – черный, ростом метр девяносто. Отец воротит нос, расспрашивает жениха о работе, об учебе, о доходах. У черного все в ажуре. В конце концов, отец говорит: «Я хочу, чтобы моя дочь была счастлива в постели! Я отдам ее только за того, у кого член длиной 30 сантиметров!» Негр широко улыбается и отвечает: «Нет проблем, патрон. Если Мамаду любит, Мамаду отрежет».

Клод залился радостным смехом, передавая косяк соседу. Я изобразил улыбку и отпил глоток виски. Этот анекдот я уже слышал раз десять. На радостях Клод хлопнул меня по спине и открыл свой мобильный: свет от экрана отразился на его лице, окрасив белки глаз. Затем он закрыл телефон и спросил:

– Что тебя привело сюда, тубаб?

– Ларфауи.

От его веселости не осталось и следа:

– Шеф, не порти нам праздник.

– Когда кабила прикончили, он был не один. Я ишу девушку.

Клод не ответил. Он снова раскрыл мобильный: похоже, читал сообщение. Клиент, конечно. На его обеспокоенном лице ничего не отразилось. Невозможно понять, насколько важным было послание. Он закрыл телефон.

– Где она? – спросил я, допивая виски. – Где эта девка?

– Понятия не имею, тубаб. Клянусь. Но об этом молчок.

- А разве не ты снабжал Ларфауи?
- У меня не тот товар, который был ему нужен.

Опасаясь самого худшего, я спросил:

- Что его заводило?
- Малолетки. Для Ларфауи все, кто старше четырнадцати, – старухи.

У меня отлегло от сердца. Я уже приготовился услышать о животных или о дерьме с ложечки. Тем не менее новость была нерадостной. Придется иметь дело с другим миром, миром англоговорящих. Малолеток экспортируют только из этого региона. Оттуда, где идет война, как в Либерии, или из перенаселенных стран, таких, как Нигерия; все сгодится, чтобы заработать хоть немного валюты. С этой средой я почти не знаком. Она полностью закрыта для посторонних. Проститутки там живут в полной изоляции от мира, зачастую они не говорят ни по-французски, ни по-английски.

- Кто был его поставщиком?
- Вот этого я не знаю.

Я вертел стакан в руках, разглядывая своих черных собутыльников. Плащ на мне приоткрылся, обнажив пистолет 9-миллиметрового калибра. Косяк все еще переходил из рук в руки.

- Бедняга Клод, похоже, я все же испорчу тебе вечеринку.

Негр истекал потом. Установленные на сцене прожектора отбрасывали на его лицо разноцветные блики. Он придержал меня за руку:

- Поговори-ка с Фокси. Может, она даст тебе зацепку.

У африканской проституции есть одна особенность: сутенеры здесь не мужчины, а женщины – «маммы». Чаще всего это бывшие проститутки, сделавшие карьеру. Крупные женщины с жесткой кожей и покрытыми насечкой лицами, они почти никогда не выходят из дома. С Фокси я встречался один или два раза. Она родом из Ганы. Самая влиятельная сводня во всем Париже.

- Где она сейчас обретается?
- Улица Мирра, пятьдесят шесть. Подъезд А. Четвертый этаж.

Я уже собирался встать, но Клод меня остановил:

- Будь осторожен. Фокси – колдунья. Пожирательница душ. Очень опасная!

Африканские содержательницы публичных домов держат своих девушек не силой, а магией. В случае неповиновения хозяйка грозит наслать порчу на их семью, оставшуюся на родине, или на них самих. У мамм всегда хранятся срезанные ногти, лобковые волосы или грязное белье, принадлежащие их девушкам, которые верят, что такие угрозы страшнее любых физических страданий.

Внезапно в памяти всплыли ужасные гримасы африканских масок с глазами, обведенными красным. Музыка, жара, дым от травки – все смешалось у меня в голове. Пронзительные звуки саксофона походили на скрежет мачете по мостовой под свист кровожадных хуту...

Я едва не потерял сознание, но танцующие вдруг отступили в нишу в стене, прижав меня к столу. Из стакана выплеснулся скотч. Клод обжегся косяком.

- Черт поberi!

Облитый скотчем, я повернулся к подиуму: танцующие расступились, будто из сети под потолком выпала змея. Поднявшись на цыпочки, я увидел, что посреди толпы на полу какой-то негр бьется в конвульсиях. Глаза закатились, на губах выступила пена. Надо было вызывать «скорую», но никто и не думал приближаться к нему.

По-прежнему гремела музыка. В ней слышался бой тамтамов и пронзительные литавры. Танцоры снова принялись кружиться, стараясь не касаться впавшего в транс бедняги. Кое-кто хлопал в ладоши, как будто хотел изгнать из одержимого недуг. Я попытался протиснуться сквозь толпу, спеша ему на помощь, но Клод остановил меня:

- Оставь его, тубаб. Сейчас он успокоится. Он из Габона. Эти парни не умеют себя вести.

– Из Габона?

Выходцы из Габона основали в Париже свою мирную общину. Страна Омара Бонго была богата нефтью, а ее представители, все как один студенты, – приличные и скромные. Ничего похожего на выходцев из Конго или Кот-д'Ивуар.

– Он выпил что-то свое. Какое-то местное зелье.

– Наркотик?

Клод улыбнулся, прикрыв глаза. Бедолагу, вытянувшегося как бревно, уже уносили. Я заметил:

– Похоже, что-то сногшибательное.

Клод засмеялся, откинув голову:

– Вышибать дух – это мы, черные, умеем!

19

Улица Мирра, 5 часов утра

Дорожные рабочие усердно мыли тротуар, мимо медленно проезжал полицейский фургон. В арках прятались в тени проститутки, дожидаясь, когда, наконец, рассветет, чтобы уйти домой.

Здесь я снова столкнулся с попыткой облагородить африканские кварталы Парижа. Напрасно на улице Гут-д'Ор разместили комиссариат полиции, а на бульваре Барбес – магазин «Верджин», только зря потратились на ремонт – улица Мирра по-прежнему выглядела подозрительно и даже угрожающе.

Остановившись у дома 56, я, как почтальоны, воспользовался универсальным ключом, чтобы открыть дверь. Сорванные почтовые ящики, облупленные, исписанные вдоль и поперек стены. Не то чтобы трущоба, но сильно запущенное жилье, готовое к сносу при ближайшем скачке цен на недвижимость. Отыскав литеру А, я вошел внутрь.

На каждом этаже передо мной открывался проем с горой строительного мусора или забитый досками проход. Добравшись до четвертого, я проскользнул под свисавшими с потолка электрическими проводами. Казалось, все здесь дремало, даже запахи.

Огромного роста негр клевал носом, сидя на стуле. Вместо «сезам, откройся» я вновь извлек свое удостоверение. Он поднял брови, как будто этого было недостаточно. Я прошептал: «Фокси». Он разогнулся, отодвинул грязное замызганное одеяло, заменявшее дверь, и впереди меня вошел в следующую пещеру.

По обе стороны коридора открывались двери, ведущие в комнаты. Справа и слева были дортуары, где на циновках, завернувшись в одеяла, спали амазонки и повсюду сушилось белье. Здесь просыпался запах, словно растертый в руке листок: смесь пряностей, пота и пыли с характерным привкусом тропиков: жареное просо, древесный уголь, подгнившие фрукты...

И снова дверной проем, завешанный одеялом. Охранник хотел было постучать, но я удержал его:

– It's O.K.⁹

И пока он думал, что предпринять, я уже проскользнул за покрывало. Похоже, ночные видения продолжались. Стены обтянуты темной тканью с серебряными блестками; прямо на паркете стояли зажженные свечи, плошки с маслом, палочки благовоний; на расписанных вручную сундуках, выставленных вдоль стен, разложены традиционные предметы: мухобойки из конского волоса, веера из перьев, культовые статуэтки, маски... И повсюду выстроились пузырьки, банки, бутылки из-под колы, заткнутые пробками из коры или заклеенные клейкой лентой. Ширмы и свисающие с потолка ковры делили комнату на части, множа зыбкие тени, которые усиливали ощущение базарной сутолоки.

– Hi, Match, good to see you again¹⁰.

Низкий, неподражаемый голос. Я был удивлен и польщен тем, что Фокси меня не забыла. Я обошел ширму, которая скрывала ее от взглядов. По бокам у Фокси сидели еще две колдуньи. Слева – худая дылда со светлой кожей, волосы заплетены в светлые косички, делавшие ее похожей на сфинкса, справа – толстушка с очень черной кожей. Широкая улыбка обнажала ее редкие зубы, по африканским поверьям приносящие удачу. Все три женщины сидели, поджав ноги.

Я подошел поближе. Фокси была закутана в пунцовый балахон, напоминающий занавес в оперном театре. Голова обвязана шарфом того же цвета, лицо покрыто ритуальными насеч-

⁹ Все в порядке (англ.).

¹⁰ Привет, Мат, рада снова тебя видеть (англ.).

ками. Глядя на нее, я вспомнил, что, по мнению некоторых фармакологов, в организме колдунов происходят изменения. Поглощая снадобья, колдуны и колдуньи через дыхание или поры сами начинают выделять яды и галлюциногенные вещества. Я заговорил по-английски:

– Я не вовремя, красавица? Ты не одна?

– Honey¹¹, это зависит от того, что тебя ко мне привело.

Она говорила по-английски тягучим, ленивым голосом. Прикрыв глаза, она толкла в деревянной миске какие-то порошки удивительно худыми для ее тела руками. Плоть ее словно обгорела и иссохла, обтянув кости. Она зажгла серую веточку:

– Это для моих девочек. Я очищаю ночь. Ночь порока, ночь греха...

– Кто же в этом виноват?

– Хм... Они должны выплачивать свои долги, Мат, ты же знаешь. Огромные долги...

Она воткнула тлеющую ветку в щель между половицами.

– Ты по-прежнему христианин?

У меня пересохло в горле, обожженном выпивкой, сигаретами, а теперь еще воздухом этой дыры. Я ослабил галстук:

– По-прежнему.

– Значит, мы с тобой способны понять друг друга.

– Ну нет, мы на разных берегах.

Фокси вздохнула, следом за ней вздохнули две другие женщины.

– Вечные твои противопоставления...

Редкозубая не без иронии сказала по-английски:

– Христианин возносит молитвы, колдун насылает порчу...

Та, что с косичками, добавила на том же языке:

– Христианин поклоняется добру, колдун – злу...

Фокси схватила красный тазик, в котором плавала какая-то дрянь: то ли обезьяна, то ли зародыш.

– Honey, добро, зло, молитва, чары – все это не так важно.

– А что важно?

– Власть. Только власть имеет значение. Энергия.

Теперь она держала в руках нечто вроде скальпеля с лезвием из обсидиана. Резким движением колдунья рассекла им череп существа в тазу.

– Как ею потом распорядиться, это личное дело каждого.

– Единственная ценность для христианина – спасение души.

Фокси расхохоталась:

– Я тебя обожаю. Чего ты хочешь? Ищешь девушку?

– Я расследую убийство Массина Ларфауи.

Три колдуньи повторили хором:

– Он расследует убийство...

Фокси положила обломок черепа в деревянную миску и снова принялась толочь.

– Скажи сначала, почему тебя интересует это убийство. Твой отдел такими делами не занимается...

Фокси не была ясновидящей, а лишь простым информатором со связями в Управлении судебной полиции на улице Луи-Блан, в Отделе по борьбе с проституцией и даже в Наркотделе.

– Это дело расследовал мой друг. Очень близкий друг.

– Он умер?

– Он хотел покончить с собой, но еще жив. Лежит в коме.

Она скривилась:

¹¹ Милый (англ.).

– Плохо дело... Плохо вдвойне. Самоубийство и кома. Твой друг застрял между двумя мирами... М'фа и Арун.

Фокси принадлежала к племени йоруба, этнической группе, живущей на берегах Бенинского залива – колыбели культа вуду. В свое время я изучал этот культ. М'фа означает «основание» и включает в себя весь видимый мир. Арун – это высший мир богов. И я рискнул:

– Ты хочешь сказать, что он находится в М'доли?

М'доли – точка соприкосновения двух миров, где духи особенно сильны, магическое место.

Колдунья расплылась в улыбке:

– Honey, с тобой приятно поговорить. Не знаю, где сейчас твой друг, но его душа в опасности. Его нет ни среди живых, ни среди мертвых. Его душа где-то витает, и сейчас самый подходящий момент, чтобы ею завладеть... Но ты мне не сказал, дорогуша, почему тебя так интересует это дело.

– Я хочу понять, почему мой друг так поступил.

– А при чем здесь Ларфауи?

– Люк расследовал его убийство. Может, это сыграло свою роль в том, что он сделал.

– Он тоже христианин?

– Как и я. Мы выросли вместе. Вместе молились.

– А с чего ты взял, что я что-то знаю об этой истории?

– Ларфауи нравились черные женщины.

Она расхохоталась, и две другие колдуньи рассмеялись вслед за ней.

– Что правда, то правда!

– Ты снабжала его женщинами?

Она нахмурилась:

– Кто тебе сказал? Клод?

– Неважно.

– Ты думаешь, я что-нибудь знаю о его смерти, потому что посылала ему девочек?

– Ларфауи убили восьмого сентября. То есть в субботу. У него были свои привычки, и каждую субботу он приглашал к себе в Олней девочку. Одну из *твоих* девочек. Его застрелили примерно в полночь. В это время он был не один, я уверен. Однако нигде не упоминается о втором теле. Значит, девушке удалось скрыться, и я полагаю, она что-то знает.

Я помолчал. Горло горело огнем.

– Думаю, ты знаешь эту девочку и прячешь ее.

– Садись. У меня есть горячий чай.

Я опустил на ковер. Она отставила свой мерзкий сосуд, взяла синий заварочный чайник и разлила чай по туарегскому обычаю, высоко подняв руку. Затем протянула мне напиток в простом стакане.

– С чего ты взял, что я стану об этом говорить?

Я помедлил с ответом, потом, уже в который раз, предпочел говорить начистоту:

– Фокси, я в тупике. Мне ничего неизвестно, и у меня нет официального разрешения заниматься этим делом. Но мой друг между жизнью и смертью. Я хочу понять, почему он бросился в воду! Мне надо знать, над чем он работал, что за правда довела его до беды! Все, что ты скажешь, останется между нами. Клянусь тебе! Так была там девушка или не была?

– И ты, и я еще вспомним об этой ночи...

– Конечно, вспомним, только я больше не работаю в Отделе по борьбе с проституцией.

– Теперь ты в уюлке, дорогуша. Это еще лучше.

Мне предстояла сделка с самим дьяволом. Я уже видел, как через месяц или год по просьбе этой гадалки закрою глаза на убийство. Фокси ничего не забывала.

– Так ты будешь помнить? – повторила она.

– Даю слово. Ну, была там девушка той ночью?

Фокси помедлила, отпила глоток, поставила чашку на паркет:

– Девушка была.

В комнате словно стало легче дышать. Я почувствовал, как с души свалился камень. И в то же время меня скрутил новый спазм, кровь словно застыла в жилах: кошмар только начинался.

– Я должен ее увидеть и расспросить.

– Это невозможно.

– Фокси, я ведь дал тебе слово...

– Она исчезла.

– Когда?

– Через неделю после той самой ночи.

– Рассказывай.

Прищелкнув языком, она впилась в меня взглядом:

– Вернувшись в ту ночь, она была сама не своя.

– Она видела убийцу?

– Ничего она не видела. Когда застрелили Ларфауи, она была в ванной. Вылезла через окно и забралась на крышу коттеджа. Говорила, что убийца ее не заметил. А через неделю она пропала.

– Кто мог это сделать?

– А ты как думаешь? Тот парень ее искал и нашел.

Еще одна улика: наемный убийца, который использует автоматическое оружие, способный проникнуть в среду англоговорящих африканцев. Может, воевал в Либерии? Я протянул ей пустой стакан:

– Чего-нибудь покрепче не найдется?

– У Фокси есть все, что нужно.

Она повернулась не вставая. В ее крючковатых руках появилась бутылка. Она наполнила мой стакан прозрачной маслянистой жидкостью. Я сделал глоток – ощущение такое, будто пьешь эфир, – и севшим голосом спросил:

– Это была малолетка?

– Ее звали Джина, ей было пятнадцать.

– Ты уверена, что она ничего не видела?

Пожирательница душ подняла глаза к потолку и задумалась. На ее лице отразилась наигранная грусть. Глаза увлажнились, и она вздохнула:

– Бедняжка...

Я сделал еще глоток и спросил:

– Она что-то видела? Говори, черт тебя возьми!

Ее взгляд обратился ко мне, губы безвольно опустились:

– Когда она уже выбралась на крышу, то заметила уходящего человека...

– Какой он был? Высокий? Низкий? Крепкий?

– Высокий мужчина... Можно сказать – долговязый.

– Как он был одет?

Фокси налила и себе стаканчик и пригубила:

– Так мы с тобой договорились? Теперь ты у меня в долгу.

– В долгу, Фокси. Говори.

Она выпила и произнесла похоронным тоном:

– На нем был черный плащ и белый воротничок.

– Белый воротничок?

– По словам Джины, это был священник.

20

О мессе, которую придумала Лора, я чуть не запомнил.

7 часов утра

Я едва успел заскочить домой, принять душ и переодеться. От меня все еще несло тропиками и колдовством. Сидя за рулем, я попытался подвести какой-то итог. Передо мной были разрозненные элементы без всякой связи: самоубийство под покровительством архангела Михаила. Дьявольская иконография. Ассоциация, устраивающая паломничества в Лурд. Поездки в Юра, якобы связанные с супружеской изменой. Загадочные слова «Я нашел жерло». Убийство поставщика спиртного и наркотиков.

А главное, этот священник-убийца – верх нелепости. Киллер в белом воротничке, профессионально пользующийся оружием, способный проникнуть в самую закрытую африканскую среду. Все это ни с чем не вязалось. Равно как и нависшее над Люком подозрение в коррупции – как возможный мотив его самоубийства...

Если между этими фактами и была какая-то связь, то у меня не было к ней карты доступа и я не знал, где ее раздобыть...

9 часов

Волосы у меня еще не просохли, когда я толкнул дверь часовни Святой Бернадетты. Построенная под землей церковь смахивала на противоядерный бункер. Низкие потолки, цементные колонны, крошечные оконца из красного стекла, сквозь которые сочились бледные утренние лучи.

Я смочил пальцы святой водой, перекрестился и прошел влево. Все или почти все уже собрались. Редко приходилось видеть такое скопление полицейских на один квадратный метр площади. Разумеется, Наркотдел в полном составе, а также начальники других отделов – по борьбе с проституцией, оперативных расследований, Службы собственной безопасности, группы «Антитеррор», ответственные сотрудники центральных офисов, комиссары Судебной полиции... Все пришли в черной форме, с серебряными галунами и дубовыми листьями, придавая церемонии какой-то воинственный дух. Все это совсем не походило на собрание самых близких людей, о котором мечтала Лора...

Не думаю, чтобы Люк лично знал всех этих высокопоставленных полицейских, но они должны были держать марку, демонстрируя ответственность и солидарность перед лицом этого акта отчаяния. Префект полиции Жан-Поль Пруст шел по центральному проходу рядом с Мартиной Монтей, директором Судебной полиции. За ними следовала Натали Дюмайе, очень элегантная в своем темно-синем плаще и на голову выше других.

Это шествие вывело меня из себя. Люка хоронили прежде, чем он успел испустить дух. Эта дурацкая церемония могла ему только повредить! Не говоря уже о том, что все эти полицейские сплошь были атеистами. Ни один из них не верил в Бога. Люка бы стошнило от подобного маскарада.

Справа в первых рядах я заметил парней из его группы. Дуду с настороженным взглядом втянул голову в плечи. У Шевийа на глаза падала прядь, в кожаном пальто он держался прямо, как аршин проглотил. Жонка смахивал на парня из группы «Hell's Angel»: плохо выбритый, с висячими усами и торчащими из-под бейсболки сальными волосами. Три опера – крутые, смертельно опасные кадры.

Люди все подходили, наполняя церковь гулом приглушенных голосов и шорохом плащей. Дуду куда-то направился. Я проследил за ним взглядом. Он подошел к кому-то, стоявшему около исповедальни в правом углу церкви. Невысокий, приземистый тип, волосы подстрижены

ежином. Он был затянут в короткий непромокаемый плащ темно-синего цвета. Весь его облик наводил на мысль о какой-то другой, не полицейской форме. И тут меня осенило: священник. Священник в гражданской одежде.

Я обогнул первый ряд стульев и пересек неф, оказавшись всего в десятке метров от них, когда Дуду что-то сунул в руку своему собеседнику. Что-то вроде пенала из лакированного дерева. Я было ускорил шаг, но тут меня удержали за рукав.

Лора.

– Что ты делаешь? Ты должен быть рядом со мной.

– Ну конечно, – улыбнулся я. – А где твое место?

Я пошел за ней, обернувшись на заговорщиков. Дуду уже вернулся на свое место, а человек в синем, стоя за колонной, крестился. Я остолбенел. Он перекрестился снизу вверх, как делают некоторые сатанисты. Лора что-то спросила у меня.

– Ты что-то сказала?

– Ты подготовил текст?

– Какой текст?

– Я рассчитывала, что ты прочтешь отрывок из «Послания к Коринфянам»...

Я снова оглянулся направо. Тот тип исчез. Черт возьми! Я прошептал:

– Нет... Если тебе все равно, я...

– Отлично, – сухо сказала Лора. – Я прочту сама.

– Мне жаль. Но я всю ночь глаз не сомкнул.

– Думаешь, я прекрасно выспалась?

Она повернулась к алтарю, а я почувствовал угрызения совести. Я был здесь единственным верующим и оказался не способен прочитать несколько строчек. Но вопросы, которые вставали передо мной, затмили все остальное. Кто этот тип? Что передал ему Дуду? Почему он так перекрестился?

Начиналась служба. Священник, облаченный в белый стихарь, распростер объятия. Чистокровный тамил с широкими, как монеты, ноздрями, черными влажными глазами, полными истомы. Он заунывно заговорил:

– Братья мои, мы собрались здесь сегодня...

Я почувствовал, как на меня опять наваливается усталость. Священник знаком предложил всем сесть. Его монотонный голос все удалялся... Меня разбудил шелест страниц. Все присутствующие листали молитвы. Священник продолжал:

– Теперь мы вознесем третью хвалу Господу.

Надо же было мне уснуть на мессе по лучшему другу... Я бросил взгляд в сторону Дуду. Он был на месте.

– Песнь эта называется «Дивны дела Твои, Господи...». Отрывок начинается со слов: «Всякий человек – священная история, человек – подобие Божье...»

Эти слова, звучавшие в часовне, полной неверующими и лишенными иллюзий полицейскими, отозвались во мне горькой иронией, однако все вторили им нестройным хором.

– Можно я сяду к тебе на колени?

Амандина со своими светлыми косичками под шоколадного цвета шапочкой протягивала мне свой листок:

– Я не могу прочесть.

Я посадил ее себе на колени и запел вместе со всеми: «Всякий человек – священная история...» Я вдыхал теплый детский запах и аромат чистой одежды. И мысли мои потерялись в тумане, где Матье Дюрей – полицейский-маньяк, 35 лет, неженатый и бездетный – брел по дороге в небытие...

Полчаса спустя, после многочисленных несвоевременных звонков мобильных, священник завел пространную проповедь о Евхаристии. Я пришел в ужас: неужели он предложит этой

толпе неверующих подойти к причастию? Взглянул на Дуду – он ерзал на стуле, то и дело оглядываясь на дверь. Ясно, что он торопится, хочет уйти пораньше.

Поднявшись, я посадил Амандину на свое место и шепнул Лоре:

– Я подожду тебя на улице.

21

Мотоцикл Дуду я обнаружил на проспекте Порт-де-Венсен. Коллекционная вещь – «Ямаха» с объемом двигателя пятьсот кубических сантиметров, опытная модель. Я двинулся к нему, на ходу вынимая мобильник, набрал номер службы времени, а затем всунул телефон между сиденьем и приподнятым крылом мотоцикла.

Пришлось подождать добрых пять минут, пока толпа не хлынула из часовни. Придав лицу подобающее случаю выражение, я присоединился к остальным, высматривая Лору. Ее донимали соболезнованиями и знаками внимания. Я пробрался между черными плащами и шепнул ей:

– Я тебе перезвоню.

И направился к выходу, потянув за куртку Фуко:

– Можешь одолжить мне мобильный?

Не задавая вопросов, он дал мне свой телефон. Дуду надевал шлем рядом со своим мотоциклом.

– Спасибо. Верну в Конторе в полдень.

– В полдень? Так ведь...

– Извини, свой я оставил дома.

Не ожидая ответа, я бросился к своей «ауди-А3», припаркованной в полусотне метров от церкви. Когда Дуду ставил ногу на стартер, я уже поворачивал ключ зажигания. Набирая номер, который помнил наизусть, я включил первую скорость.

– Дюрей, Уголовный отдел. Кто сегодня дежурный?

– Эстреда.

Повезло. Один из операторов, с которыми я был лучше всего знаком.

– Соедините меня с ним.

Дуду тем временем успел скрыться в потоке машин. Я вышел из ряда и притормозил, прежде чем вклиниться в уличный поток. В трубке послышался голос Эстреда с характерным португальским акцентом.

– Это Дюрей.

– Как дела?

– У меня стащили мобильник.

– Да здравствует полиция!

– Можешь засечь его?

– Если вор по нему сейчас разговаривает, запросто.

Совсем недавно стало возможным проследить мобильный при условии, что он включен. Эта технология была разработана частными фирмами, занимающимися большегрузными перевозками: таким образом они отслеживали передвижения своих грузовиков. У французской полиции собственной системы не было, и она обращалась к этим компаниям, которые за плату предоставляли ей доступ к собственной службе слежения.

– Тебе везет, – сказал Эстреда, – парень на линии.

Я прижал мобильник подбородком и включил первую передачу:

– Я тебя слушаю.

– У тебя есть при себе компьютер?

– Нет, я же в тачке. Веди меня.

– Твоя история смахивает на авантюру.

– Давай действуй. Я еду.

– Ты что, ведешь слежку без санкции?

– Так ты мне доверишь или нет?

– Да, но твой парень только что съехал на кольцевую автостраду. Ворота Венсен.

Я рванул так, что взвизгнули покрышки.

– Направление?

– Кольцевая, юг.

Под рев клаксонов я на полной скорости проскочил площадь, заставив другие машины уступить мне дорогу, – не мог же я включить сирену. Со скоростью больше восьмидесяти километров я вылетел на развязку.

– Он замечает следы. Это что – погоня?

Я не ответил, но заметил про себя, что теперь программное обеспечение позволяет рассчитывать скорость прохождения сигнала между двумя точками в реальном времени. Совсем как в видеоигре.

– Он проехал ворота Шарантон.

Я увеличил скорость до ста километров в час и перестроился в левый ряд. Движение было свободным. Я не сомневался, что Дуду не вернется на набережную Орфевр, 36. Эстредра сообщил: мотоцикл миновал ворота Берси.

Ворота Берси. Набережная Иври. Ворота Италии...

– Похоже, он сбрасывает скорость...

Я устремился по диагонали, чтобы перестроиться вправо.

– Он выезжает из города? Где он?

– Подожди-ка... сейчас...

Эстредра увлекся игрой. Он понял, что я «веду» похитителя моего мобильного. Я представил себе, как он склонился над экраном своего компьютера, где мигал курсор, отмечая передвижения мобильного...

– Он съезжает на А шесть. Направление – Орли.

Он едет в аэропорт? Дуду хочет скрыться на самолете? В том же направлении находился центральный рынок Рунжи. Я тут же подумал о возможной связи с кругом поставщиков спиртного.

– Где он?

Эстредра не отвечал. Наверное, сигнал еще не пересек границу сектора.

– Да где же он, черт возьми?! Может, он сошел в Орли?

Впереди уже видны были два указателя: налево – на Орли, направо – на Рунжи... Мне оставалось проехать каких-нибудь сто метров. Я непроизвольно отпустил педаль газа, пытаясь выиграть хоть несколько секунд. Вдруг португалец закричал:

– Езжай! Направление Рунжи.

Я был прав. Он ехал к винному складу. Я выжал из машины все, что мог. Дорога чудесным образом оказалась свободной, хотя на встречном направлении образовалась пробка.

– Он сбросил скорость... – выдохнул Эстредра. – Остановился... возле «ЗА Дельта». Рядом с рынком.

Я знал, где это, однажды я уже приезжал на этот оптовый рынок. Заплатив дорожный сбор, я оказался перед целым рядом вывесок: «Садоводство», «Морепродукты», «Овощи и фрукты»... Резко затормозив, я схватился за мобильник:

– Где же он? Дай хотя бы направление!

– Проклятье. Сигнал не двигается.

– Он что, остановился?

– Нет, но в Рунжи несколько границ спутниковых зон. Часто они бывают перенасыщены.

– И что теперь?

– А то, что твой парень, может, еще и продвигается, но его сигнал завис на границе сектора. Остальные не могут его принять. Существует система распределения сигналов: в том случае, когда...

– Проклятье!

С досады я ударил по рулю и представил себе, как мне придется прочесывать все ряды огромной торговой зоны в поисках чертова Дуду.

– Ладно, – выдохнул я. – Разберемся!

– Ты уверен, что...

– Позвони, если сигнал сдвинется...

– Как я тебе позвоню, если у тебя украли мобильник?

– Мне одолжили другой. У тебя на экране должен высветиться номер.

– Хорошо, я... Погоди... есть новая граница!

– Давай!

– Круглая площадь рынка, недалеко от ворот Тиез.

Я понял, что Эстреда хорошо знает эти места. Он подтвердил мою догадку:

– Рунжи – это наши края, приятель. Наши грузовики туда ездят каждый день.

– Ты знаешь, где блок, специализирующийся на выпивке?

– Там не блок, а пивная компания. Склад поставщиков на улице Тур.

Я включил первую передачу и, не жалея взвизгнувших покрышек, рванул с места.

22

Мотоцикл Дуду стоял возле склада.

Я затормозил в полусотне метров и стал ждать. В это время проходы между рядами были еще пустыми. Пять минут спустя на пороге появился Дуду в обществе толстяка в куртке фирмы «Адидас». Толстяка я узнал сразу, вот только имя не мог припомнить: он занимался оптовыми поставками пива в нескольких парижских округах.

Нахмурившись, он огляделся – казалось, торопился отделаться от посетителя. Дуду был явно не в себе: вот-вот взорвется. Опустив руку в карман куртки, поставщик вытащил толстый конверт. Дуду быстро сунул его под свою кожанку, бросив беглый взгляд вокруг.

Я пригнулся на сиденье, поджидая, когда они закончат, вынул из кобуры и зарядил пистолет и достал из бардачка наручники. Толстяк скрылся в павильоне, а Дуду пошел к своему мотоциклу. Когда он повернулся ко мне спиной и стал надевать шлем, я выскочил из машины и бросился к нему, прижав пистолет к бедру. Он обеими руками держал шлем над головой, когда я ткнул дулом пистолета ему в затылок и прошептал:

– Не двигаться, гаденыш. Вот таким ты мне нравишься.

Узнав меня по голосу, Дуду усмехнулся:

– У тебя кишка тонка.

Я ударил его ногой под колени. Дуду рухнул на землю, шлем, зазвенев, покатился по асфальту. Он завопил и повернулся ко мне. Я приставил пистолет к его горлу:

– А теперь что скажешь?

И ударил его рукоятью по сонной артерии. Он дернулся, его вырвало. Я схватил Дуду за шиворот, чувствуя, как его желчь обжигает мне руку, и швырнул на тротуар головой вперед. Нос так и хрустнул. В очередной раз я оказался в ненавистой для меня шкуре крутого полицейского.

Ощупав его куртку, я нашел конверт, перепачканный рвотой. Там было по меньшей мере десять тысяч евро. Сунув деньги в карман, я ткнул его каблуком в поясницу, перевернув на живот. Наручники я держал наготове и надел их, заведя ему руки за спину. Он прорычал: «Кретин гребаный!» Я схватил его пистолет, засунул себе за пояс, затем ощупал его джинсы. На правой лодыжке я обнаружил второй пистолет – «глок-17», самое незаметное оружие в своем роде. Его я тоже сунул в карман.

– Настало время для откровенного разговора, птенчик.

– Да пошел ты в задницу!

Я схватил его за волосы и поставил на ноги. Пинком втолкнул его в здание. Просторный павильон, заполненный пластиковыми ящиками и стальными бочками. Люди, разъезжавшие на карах, замерли на месте. Я нервно шарил в кармане в поисках удостоверения.

– Полиция! Перерыв. Убирайтесь отсюда! Все!

Мне не пришлось повторять дважды. Когда шаги последнего из грузчиков замерли за порогом, я прошептал Дуду:

– Правила тебе известны. Или будешь говорить и через две минуты все кончится, или станешь валять дурака и тогда мы перейдем к силовым методам. С учетом того, что лежит у меня в кармане, не думаю, что ты пойдешь жаловаться в Службу собственной безопасности...

Хотя лицо его было залито кровью, Дуду усмехнулся:

– Ублюдок, ты еще здесь? Я же тебе ясно сказал: иди в задницу.

Я пошел закрывать ворота. Дуду простонал:

– Что ты задумал?

Не обращая на него внимания, я задвинул засов и вернулся. Схватив его за ворот, я зажал его голову между двух стальных бочек, обошел их и встал перед ним с другой стороны.

– Так хорошо? Ты меня слышишь? – заорал я, будто говорил с глухим.

Дуду сплюнул кровь и процедил несколько неразборчивых слов. Я в упор выстрелил в правую бочку. Просвистела пуля, и пиво хлынуло мне на ноги.

– Эй, так слышно?

Лицо полицейского скривилось от боли. Я прицелился в левую бочку и снова выстрелил. Ударил янтарная струя, и раздался пронзительный свист. Возможно, барабанные перепонки Дуду уже лопнули. Я подошел к нему поближе:

– Все еще не слышишь?

Он даже не мог кричать. Его черты были искажены ужасом. Я схватил его за волосы и повернул лицом к себе:

– Отвечай, а не то я разряжу в эти долбанные бочки всю обойму!

Дуду потряс головой. Невозможно было понять, смирился он или снова меня провоцировал. Я убрал пистолет в кобуру и вынул из кармана конверт:

– Что это такое?

Легавый открыл рот. Уже натекла целая лужа крови. Он пробормотал:

– Слушай, я... я очень боюсь. Мне надо сваливать.

По щекам у него текли слезы. Мне было тошно от самого себя, но пивные пары помогли побороть отвращение.

– Чего ты боишься?

– «Быки»... станут копаться в деле Ларфауи... и узнают о наших делишках...

– Ты причастен к убийству?

– Нет! Черт... Освободи мне голову...

Я раздвинул бочки. Он плюхнулся лицом в пивную лужу. Я схватился за наручники и резко дернул его назад, чтобы он сел.

– Я хочу знать все с начала и до конца: про Ларфауи, его убийство, твою роль и роль Люка во всем этом дерьме.

– С Ларфауи у нас был договор...

– «У нас» – это у кого?

– У меня, Жонка и Шевийа. Мы добывали лицензии на торговлю спиртным... заходили к хозяевам кафе, давали понять, что у нас большие связи и что Ларфауи тоже свой человек среди легавых. Закрывали глаза на подпольную торговлю...

– Вы замешаны в убийстве Ларфауи?

– Нет, говорю тебе! Мы здесь ни при чем!

– Что же ты тогда ноешь?

– «Быки» прицепятся к последним расследованиям Люка. Будут копаться в деле Ларфауи! Поймут, что там не все чисто...

– И Люк знал о ваших проделках?

– А ты как думаешь, придурок?

– Врешь. Он бы никогда не согласился на...

– Люк *всегда* закрывал глаза!

Несмотря на боль, Дуду усмехнулся. Я изо всех сил толкнул его на бочки, пары пива ударили мне в голову.

– Хочешь сказать, что он с этого что-то имел?

– Хуже, приятель, бабки его не интересовали. Он закрывал глаза на наши делишки и использовал их против нас, сечешь?

– Нет.

– Он держал нас за яйца, блядь. Говорил, что ему плевать на наши проделки, если только мы будем во всем его слушаться.

– Как это – слушаться?

– Работать по двадцать четыре часа в сутки, проводить обыски без ордера, подтасовывать доказательства – тебе же известны методы Люка, – чтобы припереть клиентов к стенке.

Желание добиться успеха любой ценой. В этом был весь Люк со своей извращенной логикой: покрывать одно преступление, чтобы раскрыть другое. Шантажировать своих же сотрудников, чтобы превратить их в невольников в своем крестовом походе против Сатаны.

– Расскажи-ка мне о расследовании убийства Ларфауи. Как вам удалось оставить его себе, ведь дело было в ведении Уголовной полиции?

– Люк был знаком с судебным следователем, и еще у него было досье на парней из Управления судебной полиции. Он говорил, что это единственный способ скрыть наши махинации.

– Что он раскопал по убийству?

– Ничего. Сплошная тайна. Работа профессионала, нет даже намека на мотив.

Дуду был откровенен, я это чувствовал. И все же спросил:

– Люк был захвачен этим делом?

– Он вовсе не был им захвачен.

– Разве не оно сводило его с ума?

– Да нет же.

От пивных паров все расплывалось у меня перед глазами.

– Люк работал над другим делом?

Дуду не ответил. Его голова упала на грудь. Дулом пистолета я приподнял его лицо:

– Будь ты проклят! Отвечай!

– Ты не там ищешь, парень...

– А где?

– В Безансоне... – У Дуду заплетался язык, как у пьяного. – Он раскручивал одно дело в Безансоне...

Ну наконец-то, хоть один факт стыкуется с другими: поездки Люка, билет на поезд, найденный Лорой. Я присел на корточки:

– Что ты знаешь об этом деле?

– Сними браслеты.

Мне захотелось разрядить в стальные бочки всю обойму, но вместо этого я схватил его за плечо и развернул к себе. Пора было идти на мировую. Из-за пивных паров меня мутило... Я снял с него наручники. Дуду помассировал себе кисти, пощупал заложенные уши.

– Ну так что это за дело?

– Убийство в горах Юра. Тело женщины обнаружено на швейцарской границе.

– Где конкретно?

– Не знаю. Название этой дыры – Сарти или Сарту... Люк только раз упоминал о ней.

– Когда это случилось?

– Прошлым летом, кажется в июне.

– Что тебе известно об этом убийстве?

– Похоже, это жуткое дело. Сатанинское убийство. Люк от таких дел просто шалел.

Вот и вторая зацепка: сатанинское преступление. Разрозненные части головоломки вставали на свое место, складывались в единое целое.

– Что еще ты знаешь?

– Клянусь, ничего. По этому делу Люк работал один. Ездил туда несколько раз. Иногда оборачивался за день, а потом часами изучал свои записи, фотографии с места преступления.

– Где это досье?

– Он все держал в электронном виде.

– Документ у тебя?

– Если что-то случится, я должен был передать его одному типу...

Вот и третья стыковка: сцена в церкви два часа назад.

- Та коробка, которую ты передал тому типу в церкви?
- Ничего от тебя не скроешь, гаденыш! Что ж, думаю, это то самое.
- Кто этот человек?
- Понятия не имею.
- Почему же ты отдал ему коробку?

– Люк меня предупредил. Если с ним что-то случится, мне надо позвонить по одному номеру, а абонент должен назвать пароль.

- Какой пароль?

Дуду засмеялся, но ужасное бульканье перешло в кашель.

- «Я нашел жерло». Ничего себе пароль!

Наконец все данные складывались, но смысл все равно не прояснялся. Тайное расследование. Сатанинское убийство, связанное с человеком, крестившимся снизу вверх. Ключевая фраза.

- А ты знаешь, что означают эти слова?

– Понятия не имею. Вчера я позвонил. Тот человек велел мне принести коробку в церковь. Я ее ему передал. Все, конец истории.

- А этот человек – священник?

- С чего ты взял?

Дуду не улавливал, к чему я клоню. Я поднялся и сполоснул конверт с деньгами в пивной луже.

- Держи, напьемся за мое здоровье. И не вздумай уезжать из Парижа.

Дуду ошалело уставился на меня:

- А «быки»?

– Этим я займусь. Поговорю с Дюмайе. Она позвонит Левен-Паю. Вместе они договорятся с Кондансо.

- Почему ты это делаешь?

- Ради Люка. Ваша группа не должна распасться. Твои пушки я верну тебе в Конторе.

- А если Люк...

- Люк придет в себя, заруби это себе на носу.

Я открыл ворота павильона и вышел на утренний свет. Идя вдоль стены, вызвал у себя рвоту – ничего, кроме жгучей желчи. Закурил, чтобы заглушить стоявший во рту привкус совершенного мною насилия.

Из-под сиденья мотоцикла я вытащил свой мобильник, отключил его и взглянул на экран: месячный баланс был израсходован.

23

Вернувшись домой, я первым делом переоделся и закрыл ставни. В темноте уселся за компьютер и начал поиски в «Гугле», набирая ключевые слова: Сарту, Сарту, а еще Сарпюи, связывая их с каждым департаментом во Франш-Конте. Я получил несколько ответов, самым подходящим из них был Сартуи в верховьях реки Ду. Городишко недалеко от Морта, у самой швейцарской границы.

Новый запрос. Новый поиск. Сначала координаты местных газет: «Эст републикен» – в Нанси, «Курье де Юра» – в Безансоне, «Прогресс» – в центре, в Лионе, «Пэи» – на северо-востоке, в Мюлузе. Я подключился к архивам газеты «Эст републикен» и ввел несколько ключевых слов: «Сартуи, июнь, 2002, труп, убийство, женщина...», получив в ответ только одну заметку от 28 июня:

В ПАРКЕ ПРИ ОБИТЕЛИ БОГОМАТЕРИ БЛАГИХ ДЕЛ НАЙДЕНО ТЕЛО

Обнаженное тело женщины было найдено вчера утром в нескольких километрах от Сартуи (верховья реки Ду) в парке при обители Богоматери Благих дел. По нашим сведениям, тело было обнаружено Мариленой Розариас, директрисой обители, на плоскогорье, которое возвышается над бывшим монастырем.

По всей вероятности, покрытый плесенью и полуразложившийся труп довольно долго пролежал в лесистой части плоскогорья. Обильные дожди, выпавшие за последние дни, привели к скоплению жидкой грязи, которая и вынесла тело на открытую часть плоскогорья.

Кто эта женщина? Когда она умерла? Какова причина ее смерти? Пока ни служба спасения, ни жандармерия не сумели найти ответа, однако склоняются к версии несчастного случая. Спортсменка, увлеченная трекингом, могла упасть с высоты и умереть сразу же или через несколько дней, оставаясь в лесу без всякой помощи.

Однако вызывает удивление тот факт, что ни лесники, ни обитатели монастыря, нередко гулявшие в этих местах, не заметили тела. Возникает другое предположение: женщина могла быть убита, а затем уже тело перенесли в лес...

Вскрытие, которое будет проведено сегодня в больнице Жан-Менжоз в Безансоне, возможно, позволит внести ясность. Впрочем, криминалисты из жандармерии прочесывают местность в поисках улик. Пока судебный следователь Корина Маньян, которой поручено расследование, воздержалась от комментариев, равно как и прокурор. Хранит молчание и мэр соседнего города Сартуи. Все жители региона надеются, что тайна вскоре разъяснится и не отразится на туристическом сезоне, который уже начался на берегах реки Ду.

Я был озадачен. Место, где был обнаружен труп, – территория обители, очевидно церковная, не противоречило тому, что я искал, но не было даже уверенности в том, что речь идет об убийстве. Нигде не упоминалось об увечьях или зловещих символах. Ничего, что указывало бы на «сатанинское убийство», о котором говорил Дуду.

Я снова пробежал пальцами по клавишам. Но других статей на эту тему в последующие дни не было. Ни протокола вскрытия. Ни заявления прокурора или судебного следователя. Чем вызвано подобное молчание? Неужели дело оказалось столь незначительным, что не заслужило упоминания в газете? Ну нет, обнаруженный труп *никогда* не бывает незначительным происшествием. Я расширил зону поиска до июля. Но ничего не нашел.

Тогда я посмотрел архивы «Курье де Юра», используя те же ключевые слова, и наткнулся на статью от 29 июня, сообщавшую о новых подробностях:

САРТУИ. ПРОКЛЯТИЕ НАД ГОРОДОМ

Труп женщины, найденный позавчера утром на плоскогорье парка при обители Богоматери Благих дел, опознан. На самом деле его опознали на месте спасатели, которым было поручено увезти тело. Это труп Сильви Симонис, 42 лет, часовщицы, проживающей в городке Сартуи.

Само это имя у всех обитателей верховьев Ду связано с тягостными воспоминаниями. Сильви Симонис – мать восьмилетней Манон, убитой в ноябре 1988 года. Ужасное преступление, которое так и не было раскрыто. Известие о смерти матери и о сопровождавших ее таинственных обстоятельствах вызывает новые опасения и вопросы.

Прежде всего, не удастся объяснить причину смерти и присутствие тела на территории бывшего монастыря. Был ли это несчастный случай, убийство или самоубийство? Судя по первым свидетельским показаниям, состояние тела не позволяет прийти к каким-либо выводам, а результаты вскрытия, проведенного в больнице Жан-Менжоз в Безансоне, пока неизвестны.

Из достоверного источника нам удалось узнать, что Сильви Симонис, первоклассная часовщица, имевшая собственное дело и сотрудничавшая с престижными часовыми мастерскими Швейцарии, пропала неделю назад. Никто ее не разыскивал. Сильви Симонис была женщиной скромной, чтобы не сказать «скрытной», постоянно совершала поездки из Франции в Швейцарию и обратно и иногда по несколько недель уединенно жила в своем доме в Сартуи, не подавая никаких признаков жизни и занимаясь сборкой часов.

Если речь идет об убийстве, то существует ли связь между этим преступлением и убийством Манон в 1988 году? Пока еще рано выдвигать какую-либо версию, но в Сартуи и даже в Безансоне все только об этом и говорят...

Со своей стороны, жандармерия города Сартуи, а также Корина Маньян – судебный следователь, уполномоченный трибуналом Безансона вести это расследование, решили соблюдать в данном вопросе самую строгую секретность. Судебный следователь уже предупредила нашего корреспондента: «Мы рассчитываем вести расследование совершенно объективно, избегая любых эмоций и нескромного любопытства. Я не потерплю никакого вмешательства средств массовой информации, никакого давления со стороны».

Как известно, в 1988 году расследование убийства маленькой Манон было настолько конфиденциальным, что журналисты не имели возможности следить за его ходом. Причины подобной секретности известны: исход дела

Грегори¹² совсем неподалеку от нашего департамента, когда вездесущие средства массовой информации помешали нормальному ходу расследования. Однако мы надеемся, что теперь нас будут держать в курсе событий, чтобы мы могли донести информацию до читателей...

Статья заканчивалась жалобами журналистов на попрание их прав. Я оторвался от экрана и задумался. Может, я наконец нашел то самое преступление? «Жуткое дело». Навязчивую идею Люка. Но и здесь не было никаких намеков на Сатану.

Кроме того, одна деталь не укладывалась в общую схему. Я перечитал последнюю статью и вернулся к статье из «Эст републикен».

В статье от 28 июня упоминалось о сильно разложившемся труп, покрытом плесенью, а в статье от 29 июня говорилось, что женщину сразу же опознали спасатели. Концы с концами не сходились: либо тело сильно разложилось и его невозможно было опознать, либо хорошо сохранилось и годилось для опознания.

Я продолжил поиски в «Курье де Юра» за июль. Но не нашел ни единой строчки. Обе ежедневные газеты больше не упоминали об этом деле. Тогда я попытался связаться с авторами статей. Ни того, ни другого в редакции не оказалось, и речи не могло быть о том, чтобы получить их координаты по телефону.

Зато я узнал телефон безансонского бюро агентства «Франс пресс». Мне ответил молодой жизнерадостный голос. Скорее всего, стажер. Я представился и сказал, что меня интересует дело Симонис.

– Вы проводите расследование? – с воодушевлением откликнулся журналист.

– Я навожу справки. Что вы можете рассказать об этом деле?

– Первую статью писал я. Но сенсации не вышло! Труп, найденный возле монастыря, – разве не пикантно? Да к тому же речь шла об этой Сильви Симонис. Вот только жандармы так и не дали нам никакой информации. Я разговаривал с судебным следователем – ничего. Судмедэксперт был нем как рыба. Я поехал в обитель Богоматери Благих дел, так мне даже не открыли дверь.

– Чем вы объясните подобное молчание?

– Нас хотели убедить, что произошел несчастный случай – падение с большой высоты. Ничего интересного. А я думаю, что все как раз наоборот. Они молчат, так как кое-что нашли.

– Например, что?

– Понятия не имею. Но их версия о несчастном случае трещит по швам. Начать с того, что Сильви Симонис вовсе не была спортсменкой. Затем говорили, будто она пропала неделю назад. Если так, почему ее тело было в таком ужасном состоянии?

– А тело действительно разложилось?

– По слухам, оно кишело червями.

– А вы его видели?

– Нет, но мне удалось поговорить со спасателями.

– В «Курье де Юра» сказано, что спасатели опознали ее по лицу.

Послышался юношеский смех:

– В том-то и фокус: фантастическая штука. Часть тела разложилась, а другая сохранилась!

– Как это?

¹² 16 октября 1984 г. тело четырехлетнего Грегори Вильмена было найдено в реке Волонь рядом с Лепанжем, где он жил со своими родителями, Жан-Мари и Кристиной Вильмен. Шум, поднятый прессой, повлиял на следствие. В результате долгое время в убийстве безосновательно обвиняли мать мальчика, но в конце концов она была полностью оправдана. Истинный убийца так и не был найден.

– Внизу тело совсем сгнило, но верхняя часть пострадала меньше. А лицо – в полном порядке! Словно она умирала несколько раз. Представляете? В разное время!

То, о чем говорил мой собеседник, казалось невозможным. И именно эта странность могла стать для Люка отправной точкой.

– Хотя бы известно, убийство ли это?

– Нет. Во всяком случае, нам об этом ничего не сообщили. С другой стороны, я понимаю, почему они молчат. Сильви Симонис в наших местах – запретная тема.

– Из-за убийства девочки?

– Еще бы! То же дело Грегори, только в Юра! Прошло четырнадцать лет, виновного так и не нашли, а в Сартуи по-прежнему ходят самые невероятные слухи!

– Вы думаете, оба эти дела связаны между собой?

– Конечно. Еще и потому, что роль самой Сильви в убийстве Манон не совсем ясна.

– В каком смысле?

– Было время, когда ее даже подозревали в убийстве дочери. Но потом подозрения были сняты. У нее оказалось железное алиби. И вот спустя четырнадцать лет она сама погибла, а власти замалчивают это дело. На мой взгляд, они обнаружили что-то грандиозное!

Тело возле монастыря. Женщина, умиравшая несколько раз. Убитая девочка. Подозрение в детоубийстве. В подобном деле без дьявола не обошлось. Я вернулся к факту, который не вязался с остальными:

– Если вас так интересует этот случай, почему вы больше о нем не писали? Почему об этом больше никто не опубликовал ни слова?

– Не было никакой информации.

– Но подобная секретность уже сама по себе сенсация. По крайней мере, сюжет для статьи.

– Нам были даны указания.

– Что за указания?

– Поскольку сказать нечего, то не стоит ворошить дерьмо. Для региона это плохо. Сартуи находится в семи километрах от реки Ду. Представьте себе: в самый разгар туристического сезона пойдут слухи, что река кишмя кишит трупами!

Я перешел на «ты»:

– Как тебя зовут?

– Жоель. Жоель Шапиро.

– Тебе сколько лет?

– Двадцать два года.

– Думаю, мне надо тебя повидать, Жоель. В любом случае туристический сезон уже закончился.

24

На набережной Орфевр меня ждал привычный ворох бумаг. Протоколы, отчеты, телеграммы, обзоры прессы...

Я швырнул всю эту кипу на письменный стол, сел и первым делом завернул в кусок замши пистолеты Дуду, потом спрятал их в один из ящиков, запиравшихся на ключ. Затем по служебному телефону позвонил Лоре, чтобы извиниться за то, что так быстро ушел после мессы. Сказав обычные банальности, я, немного поколебавшись, прошептал в трубку:

– Еще я хотел тебе сказать... Я разузнал о поездках Люка.

– И что?

– Там не было женщины. По крайней мере, в том смысле, в котором ты думаешь.

– Ты уверен?

– Вполне. Я тебе еще позвоню.

Я положил трубку, не зная, успокоил ли я задетое женское самолюбие или усугубил горе супруги. Листая текущие документы, я обнаружил записку Маласпе об образке Люка. Дешевая безделушка. Значит, для Люка архангел Михаил был важен как символ.

Затем я наткнулся на рапорт Мейера о подозреваемом в убийстве в Ле-Пере. Цыган Калдераш. Я проглядел текст – отличная работа. Будет что представить Дюмайе в доказательство того, что следствие продвигается.

Я позвонил Фуко и попросил зайти за своим мобильником. Потом позвонил Свендсену, хотел узнать, удалось ли ему продвинуться в изучении снимков, найденных у Люка. Он прервал меня на полуслове:

– Все они получены с помощью петскана. Это прибор, позволяющий следить за работой человеческого мозга в реальном времени. Снимки сделаны в отделении ядерной медицины Национальной лаборатории Брукхэвена, известном исследовательском центре в Нью-Джерси.

– В данном случае о какой мозговой деятельности идет речь?

– Судя по всему, объектами были больные во время припадка. То есть буйные шизофреники.

– Преступники?

– Во всяком случае, буйнопомешанные.

Так я и думал. В Средние века о присутствии дьявола свидетельствовали горгульи, а в XXI веке – органические повреждения мозга, делающие человека убийцей.

Свендсен продолжал:

– Я нашел и другие сведения. У этих больных наблюдались также физические изменения, связанные с шизофренией: ненормально широкая верхняя часть туловища, асимметричное лицо, выраженный волосяной покров... Как будто бы психическое заболевание изменяло их тела. Нечто вроде мистера Хайда...

Я догадывался, чем могли заинтересовать Люка подобные мутации. Зло настолько завладело этими существами, что исказило их внешность. Проклятые души наших дней. Я уже заканчивал разговор со Свендсеном, когда в моей берлоге появился Фуко.

– Спасибо, – сказал я ему, отдавая мобильный.

– Свой-то нашел?

– Все в порядке. Как твои успехи?

– Из любопытства я проверил, вел ли Ларфауи дела в Безансоне. Глухо.

– А что со счетами?

– Я все получил, но не нашел никаких зацепок. Ни в банковских счетах Люка, ни в телефонных распечатках нет ничего подозрительного. Все исходящие звонки, даже из дома, каса-

ются только работы. Но нет ни одного звонка в Безансон. На мой взгляд, он пользовался другим абонентским номером. Так часто делают неверные мужья, и...

– Ладно. Поройся еще в делишках Ларфауи. Узнай, что он поставлял помимо своего пойла.

Я не терял надежды нащупать в этом деле нить, которая так или иначе свяжет дело Ларфауи со всем остальным. В конечном итоге убийцей кабила якобы был священник. А этот след тоже мог вести к дьяволу...

– А мейлы в Unital6?

– Ребята из ассоциации перевернули все вверх дном. Клянутся, что ничего не получали!

Но мне же эти сообщения не приснились: Люк их действительно посылал. Я решил отложить это до лучших времен.

– Где список участников конференции, посвященной дьяволу?

– Вот.

Я пробежал глазами столбцы имен: священники, психиатры, социологи – сплошь итальянцы. На первый взгляд ни одно имя не вызывало у меня никаких ассоциаций.

– Отлично, – сказал я, убирая список. – И вот еще что: сегодня я уезжаю.

– Куда?

– По личным делам. Ты остаешься за меня.

– Надолго?

– На несколько дней.

– Ты будешь доступен по мобильному?

– Не беспокойся.

– *Действительно* доступен?

– Я буду принимать сообщения.

– А ты уже говорил с Дюмаие о своей отлучке?

– Сейчас скажу.

– Как там Люк?

– Без изменений. Пока больше ничего нельзя сделать. – Я помедлил, потом добавил: – Но там, куда я еду, я буду рядом с ним.

Мой лейтенант слегка встряхнул кудрями. Он не понимал.

– Я тебе позвоню, – улыбнулся я.

Подождав, пока закроется дверь, я взял составленный Мейером рапорт и направился в кабинет Натали Дюмаие.

– Хорошо, что вы пришли, – сказала она, заведя меня. – Сорок восемь часов истекли.

Я положил перед ней рапорт.

– Это по убийству в Ле-Пере.

– А остальное?

Я закрыл дверь, сел напротив и стал рассказывать. Про убийство Ларфауи, про его махинации. Назвал имена Дуду, Жонка, Шевийа. Все замазаны по уши. Я скрыл только потворство Люка и его привычку манипулировать людьми.

– Пусть Наркотдел сам за собой подтирает, – сказала она в заключение. – У каждого свое дерьмо.

– Я обещал Дуду, что вы посодействуете.

– С какой стати?

– Он сообщил мне кое-что... важное.

– То, что творится в Наркотделе, нас не касается.

– Но вы ведь можете позвонить Левен-Паю, связаться с Кондансо, направить «быков» по другому следу.

– По какому следу?

– Люк занимался убийством Ларфауи. Вы можете сбить их с толку разговорами о проникновении в среду поставщиков. Поманите их лакомым куском.

Она заморозила меня своим прозрачным взглядом:

– А сведения Дуду того стоят?

– Возможно, речь идет о причине самоубийства Люка. По крайней мере, о том самом деле, которым он занимался до последней минуты.

– Что за дело?

– Убийство в Юра. Сегодня четверг. Дайте мне времени до понедельника.

– И речи быть не может. Я и так пошла вам навстречу, Дюрей. Теперь возвращайтесь к своей работе.

– Тогда предоставьте мне отпуск.

– Вы забыли, где находитесь? Мы с вами не на базаре.

Я промолчал. Казалось, она что-то обдумывала. Ее заостренные пальцы барабанили по кожаному подлокотнику кресла. Я не брал отпуска с тех пор, как перешел в уголовку.

– Я не хочу огласки, – наконец произнесла она. – Куда бы вы ни поехали, вы действуете неофициально.

– Я буду действовать скрытно.

– Значит, до понедельника?

– Я буду на месте в девять часов.

– Кто еще в курсе?

– Никто, кроме вас.

Не глядя на меня, она медленно кивнула в знак согласия.

– А как же текущие дела?

– За меня остается Фуко. Он будет держать вас в курсе.

– Вы сами должны держать меня в курсе. Каждый день. Удачных выходных!

25

Автоматический пистолет «глок-21» 45-го калибра. Три магазина по шестнадцать патронов с пулями с пустым концом. Две коробки закаленных полуоболочечных пуль. Боеприпасы «Аркан», способные пробить бронежилет. Граната с нервно-паралитическим газом. Нож фирмы «Рандалл» с зазубренным лезвием.

Целый боевой арсенал. С полицейским удостоверением или без него, официально или нет, но я должен быть готов к худшему. Я спрятал оружие в водонепроницаемые сумки из черной кордуры среди рубашек, свитеров и носков. В чехол для костюмов я уложил два зимних костюма и несколько выбранных наугад галстуков. Добавил перчатки, вязаную шапочку и пару свитеров. Как знать, быть может, мне придется задержаться в Юра дольше намеченного.

Среди одежды я поместил свой ноутбук, цифровой фотоаппарат, фонарик «стримлайт» и комплект криминалиста для взятия органических проб и отпечатков пальцев.

К этому я добавил информацию о регионе, скачанную из Интернета, и последнюю фотографию Люка. И наконец, Библию, «Исповедь» Блаженного Августина и «Восхождение на гору Кармель» Хуана де ла Круса. Я всегда брал в дорогу три эти книги, чтобы не поддаваться соблазну и не увезти с собой половину библиотеки.

19 часов

Последний кофе с ромом – и в путь.

Я не поехал сразу к окружной автодороге. Сначала пересек Сену по мосту Сите, затем, на Рив-Гош, добрался до улицы Сен-Жак. Снова пошел дождь. Париж сверкал, как только что покрытая лаком картина. Синеватые ореолы вокруг уличных фонарей дрожали словно от нетерпения.

Сразу за улицей Гей-Люссак я припарковался на левой стороне улицы Аббеде-л'Эпе, засунул сумку в багажник, запер его и направился к церкви Святого Иакова на улице дю-О-Па.

Дверь выходила прямо на тротуар. Асфальт в этом месте заменили булыжником. Я толкнул дверь, перекрестился и оказался в неизменном нежном свете, присущем этому месту. Даже сейчас, при электрическом освещении, церковь выглядела легкой, ажурной, словно сплетенной из солнечных лучей.

Послышались шаги, и показался отец Стефан, щелкавший выключателями, чтобы погасить все светильники. Этот ритуал он выполнял каждый вечер. Я знал его еще по Парижскому католическому университету – в те времена он преподавал богословие. Теперь он вышел на пенсию, и ему доверили эту церковь, так что он мог остаться в том же квартале. Отец Стефан заметил мое присутствие:

– Кто здесь?

Я вышел из-за колонны:

– Я пришел поздороваться с тобой или, вернее, попрощаться. Уезжаю в отпуск.

Старик узнал меня и заулыбался. У него была круглая голова и круглые, широко раскрытые глаза, как у удивленного мальчишки. Он подошел ко мне, по дороге не забыв погасить очередную лампу.

– В отпуск?

– Тебя это удивляет?

Он указал на скамьи, предлагая сесть. Затем взял скамеечку для коленопреклонения и поставил сбоку, напротив меня. Улыбка освещала его невзрачные черты.

– Ну, – сказал он, хлопнув в ладоши: – Что тебя привело ко мне?

– Помнишь Люка? Люка Субейра?

– Конечно.

– Он покончил с собой.

Его лицо помрачнело, взор затуманился:

– Мат, мальчик мой, я ничем не могу тебе помочь...

Кюре неверно понял мои слова. Он подумал, что я пришел умолять его о христианских похоронах для самоубийцы.

– Дело не в этом, – сказал я. – Люк не умер. Он пытался утопиться, но сейчас он в коме. И никто не знает, выйдет ли он из нее: шансы пятьдесят на пятьдесят.

Кюре с осуждением покачал головой:

– Он был такой экзальтированный... Всегда и во всем шел до конца...

– У него была вера.

– У нас у всех есть вера. Люка преследовали опасные мысли. Бог не приемлет гнева и фанатизма.

– Ты не спрашиваешь, почему он решил свести счеты с жизнью?

– Разве можно что-нибудь понять в таких поступках? Даже мы, священники, зачастую оказываемся не в силах спасти подобные души...

– Я думаю, что он пытался покончить с собой из-за одного расследования.

– Это как-то связано с твоей поездкой?

– Хочу закончить то, что он начал, – проговорил я. – Только так я сумею понять.

– Но ведь это не единственная причина.

Стефан видел меня насквозь. Я помолчал, потом продолжил:

– Я хочу пройти его путем, довести до конца его расследование. Я думаю... Я даже уверен, что, если найду правду, он придет в сознание.

– Ты стал суеверным?

– Я чувствую, что могу его вытащить. Вырвать из тьмы.

– Почему ты уверен, что он уже сам не довел до конца это дело? И что вовсе не результаты расследования повергли его в такое отчаяние?

– Я могу его спасти, – упрямо повторил я.

– Спасти его может только Всевышний.

– Безусловно. – Я сменил тему: – Ты веришь в дьявола?

– Нет, – без колебаний ответил он. – Я верю в Господа всемогущего. Творца, который ни с кем не делит свою власть. Дьявола нет. Есть только свобода, дарованная нам Всевышним, которую мы обращаем себе во зло.

Я молча согласился. Стефан наклонился ко мне и сказал тоном, каким отчитывают детей:

– Ты притворяешься, будто советуешься со мной, а на самом деле давно принял решение.

Ты ведь хочешь попросить меня о другом, разве не так?

Я заерзал на стуле:

– Я хотел бы исповедаться.

– Сейчас?

– Сейчас.

Я наслаждался запахом ладана, ивовых прутьев, из которых были сплетены стулья, эхом наших голосов. Мы уже были в пространстве признания и искупления.

– Тогда пойдем.

– А нельзя нам остаться здесь?

Стефан удивленно повел бровями. Несмотря на свое добродушие, он так строго следовал традициям, что мог показаться ретроградом. Еще в то время, когда он преподавал нам богословие, он без конца упоминал об этой невидимой архитектуре, об этих точках опоры, ритуалах, которыми должен быть размечен наш путь. Однако сегодня он закрыл глаза, молитвенно сложил руки и стал читать «Отче наш». Я вторил ему. Затем он склонился ко мне и прошептал:

– Я тебя слушаю.

Я рассказал о Дуду, о том, что произошло в Рунжи, о лжи и мерзости, уже запятнавших мое расследование. Рассказал об африканских притонах, о желаниях, которые они во мне возбуждали. О Фокси, о гнусной действительности, воплощенной в ней, и о договоре, который я был вынужден с ней заключить. Упомянул я и о логике, согласно которой приходится закрывать глаза на одно зло, чтобы помешать совершиться другому – большему.

Я признался и в трусости по отношению к Люку – мне не хватило духу зайти к нему в больницу перед отъездом, а также в своем презрении к Лоре, к собственной матери, ко всем полицейским, с которыми я сегодня утром столкнулся в часовне.

Стефан слушал, закрыв глаза. Продолжая говорить, я осознал, что вновь совершаю грех. Мое раскаяние не было искренним: я наслаждался возможностью разделить бремя, обрести покой. Я испытывал радость, тогда как должен был каяться и нести наказание.

– Это все? – спросил он наконец.

– Разве этого мало?

– Ты делаешь свое дело, ведь так?

– Это не снимает с меня вины.

– Это могло бы быть предлогом, чтобы погрязнуть в грехе и безразличии. Мне кажется, ты далек от этого.

– Значит, я получил отпущение грехов? – Я щелкнул пальцами. – Вот так просто?

– Не иронизируй. Прочтем вместе молитву.

– Можно, я выберу?

– Это же не меню, мой мальчик. – Он улыбнулся. – Какую молитву ты хотел бы прочесть?

Я прошептал:

Моя жизнь – один миг, час преходящий,

Моя жизнь – день единый,

Что от меня ускользает.

– Тереза из Лизье?

Когда мы с Люком были подростками, мы презирали женщин, прославленных в истории христианства: святую Терезу Авильскую – истеричку; святую Терезу из Лизье – блаженную; Хильдегарду фон Бинген – ясновидящую... Но с возрастом я их открыл для себя заново, и они покорили меня. Как, например, Тереза из Лизье – своей свежестью. Ее невинность была воплощением христианства, его чистой простоты...

– Несколько противоречит правилам... – проворчал Стефан. – Но раз уж ты хочешь...

И он зашептал:

Моя жизнь – один миг, час преходящий,

Моя жизнь – день единый,

Что от меня ускользает.

Ты ведаешь это, Господи.

Чтобы любить Тебя на земле,

У меня есть только нынешний день!

Я подхватил:

О! Я люблю Тебя, Иисус! К Тебе взывает моя душа.

Лишь на нынешний день будь мне опорой.

Войди в мое сердце, подари мне улыбку

Лишь на нынешний день!

Контраст между пожилым священником с морщинистым лицом и этой порывистой страстной речью растрогал меня до слез. На последних словах я склонил голову. Священник перекрестил меня.

– Ступай с миром, сын мой.

И тут я вдруг понял, чего искал, идя в этот храм. Не прощения уже совершенных мною грехов, а тех, которые мне еще предстояло совершить...

Стефан ласково произнес – он тоже все понял:

– Это все, что я могу для тебя сделать. Удачи тебе.

II Сильви

26

Я проснулся в машине на обочине дороги, утратив ощущение времени и пространства, и, еще не до конца придя в себя, посмотрел на часы: десять минут пятого утра.

Должно быть, я находился где-то между Авалоном и Дижоном. Вчера около полуночи я решил хоть немного поспать на стоянке. И четыре часа провел в полном беспамятстве.

У меня затекло все тело, и я с трудом выбрался из машины. На парковке безмолвно дремали тяжелые грузовики. Деревья гнулись под резкими порывами ледяного ветра. Наспех помочившись и дрожа от холода, я вернулся в свою «ауди». Закурил сигарету.

Первая затяжка обожгла мне горло, вторая – гортань, и лишь третья принесла облегчение. Поодаль мерцали огоньки станции техобслуживания. Я повернул ключ зажигания. Сначала залить полный бак, потом выпить кофе, и все как можно скорее.

Через несколько минут я уже ехал по автостраде, мысленно перебирая собранную информацию. Река Ду петляла между Францией и Швейцарией на высоте 1500 метров над уровнем моря. Город Сартуи располагался в верховьях реки, в горной местности, изрезанной узкими долинами. В дороге я пытался представить себе эти места – уже не Франция, но еще не Швейцария. Настоящая ничейная полоса.

И вот в первых лучах солнца показался Безансон. Город был построен на развалинах старинной крепости. Когда спускаешься к центру, вокруг сплошь крепостные стены, пересохшие рвы и зубцы башен попеременно с садами. В целом это напоминало полосу препятствий для тренировки спецназовцев, где приходится бежать, взбираться по стенам, прыгать и скрываться на местности...

Я устроился в кафе, дожидаясь, когда совсем рассветет. Развернув карту города, попытался найти на ней исправительный суд. Оказывается, он располагался в укрепленном здании прямо напротив того места, где я находился, и я подумал, что такое совпадение предвещает удачу.

Однако я ошибся: здание было на реконструкции, а прокуратуру временно перевели в другой конец города, на холм Брежий. Я снова пустился в путь и после получасовых блужданий по городу наконец-то нашел нужное место. Суд разместился в помещении бывшей часовой фабрики: это было большое промышленное здание на холме, в лесных зарослях. На входной двери все еще красовалась надпись «Франс Эбош». Внутри все напоминало о производстве: крашенные цементные стены, широкие коридоры, по которым мог проехать электрокар, грузовой лифт вместо пассажирского.

Цветные наклейки указывали назначение каждой комнаты: дежурная часть, секретариат, апелляционный суд... По лестнице я поднялся на первый этаж, где располагались судебные следователи. Проходя мимо кабинета заместителя прокурора, я решил зайти, чтобы оценить обстановку.

Дверь была открыта. За письменным столом сидел молодой человек, а по бокам от него – две женщины. Одна что-то печатала на его компьютере, другая разговаривала по громкой связи, делая записи.

– Самоубийство? Ты уверен?

Я поздоровался с мужчиной, который с улыбкой поднялся мне навстречу, и представился ему вымышленным именем, назвавшись журналистом. Заместитель прокурора меня выслу-

шал. На нем были облегающие брюки из зеленого вельвета и рубашка цвета молодой листвы, делающие его похожим на Питера Пэна. Когда я произнес имя Сильви Симонис, его лицо застыло:

– Дела Симонис не существует.

У него за спиной секретарша суда склонилась к телефону:

– Что-то я не поняла: он что – сам себя задушил?

Я решился сблефовать:

– В июне появилось несколько сообщений по поводу тела этой женщины, найденного в парке у какого-то монастыря. С тех пор – больше ничего. Разве дело закрыто?

Питер Пэн заволновался:

– Не понимаю, что могло вас заинтересовать в этой истории.

– В тех сообщениях, что мы получили, есть противоречия.

– Противоречия?

– Например, тело было опознано спасателями. Значит, лицо жертвы сохранилось. Однако в другом сообщении говорится о сильно разложившемся теле. Нам такое представляется невозможным.

Он почесал затылок. За его спиной секретарша суда повысила голос:

– Как это? Пластиковым пакетом? Он задушил себя пластиковым пакетом?

Заместитель прокурора неуверенно ответил мне:

– Что-то не припоминаю таких деталей.

– Но вы хотя бы знаете, кто был судебным следователем?

– Ну конечно. Мадам Корина Маньян.

Тем временем секретарша уже кричала:

– Другие? Там были и другие пластиковые пакеты?

Невольно я напряг слух, чтобы расслышать ответ жандарма по громкой связи.

– Там их нашли целую дюжину, – произнес низкий голос, – все завязаны одинаковым узлом.

Через плечо заместителя я подсказал секретарше:

– Спросите у него, не было ли во рту жертвы, под пакетом, носового платка.

Она растерянно на меня взглянула. Прежде чем она успела ответить, послышался голос жандарма:

– У него рот был забит ватой. Кто там говорит рядом с вами?

– Тогда это не самоубийство, – отозвался я. – Это несчастный случай.

– Откуда вы знаете? – спросила женщина, уставившись на меня.

– Должно быть, он онанировал, – продолжал я, – а нехватка кислорода усиливает сексуальное наслаждение. По крайней мере, так говорят. Подобный способ описывается у Сада. Этот тип, должно быть, завязал пакет, прикусив кусок ваты, чтобы не задохнуться. К несчастью, он не успел вовремя развязать узел.

Мои объяснения были встречены гробовым молчанием. Потом по громкой связи снова спросили:

– Кто там с вами? Кто это говорит?

– Я уверен, вскрытие покажет, – добавил я, – что сосуды пениса расширены. У него была эрекция. Это несчастный случай, а не самоубийство. «Эротический» несчастный случай.

У заместителя отвисла челюсть:

– А вам-то откуда это известно?

– Я обычно пишу о мелких происшествиях. В Париже такие случаи не редкость. Так где кабинет Корины Маньян?

Он указал мне кабинет в конце коридора. Несколько шагов – и я постучал в дверь. Меня пригласили войти. За столом сидела женщина лет пятидесяти в окружении пачек носовых плат-

ков. Слева и справа от нее стояли пустые столы. Женщина была рыжей, и меня поразило ее сходство с Люком. Та же белая сухая кожа, те же веснушки. Вот только ее рыжина была тусклой, неяркой. Гладкие волосы цвета ржавчины, подстриженные под «каре».

– Мадам Кори́на Манья́н?

Она кивнула и высморкалась.

– Извините, – сказала она, хлюпая носом. – У меня в отделе все простужены. Поэтому я здесь сегодня одна. Что вы хотели?

Я шагнул в кабинет и назвал свое вымышленное имя и профессию.

– Журналист? – повторила она. – Из Парижа? И вы приехали сюда без предварительной договоренности?

– Да вот рискнул.

– Напрасно. Что именно вас интересует?

– Убийство Сильви Симонис.

Ее лицо застыло, но выражало оно не удивление, как лицо заместителя, а скорее недоверие.

– О каком убийстве идет речь?

– Это я хотел узнать у вас. В Париже были получены сообщения, в которых...

– Вы напрасно проехали семьсот километров. Сожалею, но нам неизвестны причины смерти Сильви Симонис.

– А вскрытие?

– Оно не дало результатов. Ни подтверждающих версию убийства, ни каких-либо других.

Уж не знаю, каким судебным следователем была Кори́на Манья́н, но обманщицы из нее не вышло. Она даже не попыталась казаться правдоподобной. На стене у нее за спиной я заметил большую вышитую мандалу. Символическое изображение Вселенной в представлении тибетских буддистов. На этажерке стояла бронзовая статуэтка Будды. Я настаивал:

– Насколько мне известно, тело находилось сразу в нескольких стадиях разложения.

– Ах это... Наш патологоанатом не видит здесь ничего необычного. Разложение не следует каким-либо строгим правилам. В этой области все возможно.

Я уже пожалел, что назвался журналистом. Представительница прокуратуры никогда бы не стала так нагло лгать сыщику из уголовки. Она снова высморкалась, вынула продолговатую железную трубочку, достала немного мази и потерла виски.

– Тигровый бальзам, – пояснила она. – Только он мне и помогает.

– От чего умерла та женщина?

– Повторяю, никто этого не знает. Несчастный случай, самоубийство – по состоянию тела судить невозможно. Сильви Симонис вела очень уединенный образ жизни. Опрос соседей тоже ничего не дал. – Она помолчала и взглянула на меня с подозрением: – Я не поняла, в какой газете вы работаете?

Прежде чем закрыть за собой дверь, я на прощание помахал ей рукой. В коридоре верхушки деревьев стучали по оконным стеклам. Я и так был готов к тому, что следствие окажется трудным. Но все обстояло еще хуже.

27

Район Трепийо, в западной части города.

Позади муниципального бассейна размещался центральный отдел местной жандармерии. На стоянку я проник без проблем – на входе не было даже постового – и припарковал машину между двумя «пежо». Мне следовало бы ехать прямо в Сартуи, но очень уж хотелось взглянуть на тех, кто вел дело о столь тщательно охраняемом трупе.

Я выбрал самое внушительное здание казарменного типа, нашел лестницу и поднялся на один пролет. Ни одного человека в форме я не встретил. Заглянув в коридор второго этажа, я наткнулся на табличку «Следственный отдел». Ни души. На третьем этаже еще одна табличка: «Опергруппа жандармерии».

Дверь была приоткрыта. Двое жандармов дремали перед коммутатором, над которым висела карта региона. Я представился, вновь назвав вымышленное имя и профессию, и спросил, не могу ли поговорить с тем, кто вел дело Симонис. Жандармы переглянулись. Один из них молча вышел.

Через пять минут он вернулся и провел меня на четвертый этаж в комнатку, обставленную по-спартански: белые стены, деревянные стулья и стол из пластика. Не успел я выглянуть в окно, как в дверях появился тощий тип с двумя пластиковыми стаканчиками в руках. По комнате поплыл запах кофе. На вошедшем не было ни фуражки, ни форменной куртки, только светло-голубая рубашка с расстегнутым воротом, на плечах погоны.

Не проронив ни слова, он поставил передо мной стаканчик с кофе, а сам сел напротив. Это означало приказ: я не стал возражать и сел.

Офицер рассматривал меня в упор, а я, в свою очередь, изучал его. Ему было от силы лет тридцать, и, однако, я был уверен, что именно он занимался делом Симонис. Во всем его облике чувствовалась решимость. Коротко стриженные волосы окружали его голову, как черный монашеский капюшон. Слишком близко посаженные темные глаза напряженно сверкали из-под густых бровей.

– Капитан Стефан Сарразен, – наконец произнес он. – Корина Маньян мне звонила.

Он говорил очень быстро, давясь и проглатывая слоги. Я опять представился не тем, кем был:

– Я журналист из Парижа, и...

– Кого вы хотите обмануть?

У меня напрягся затылок.

– Вы из уголовки. Верно?

– Я здесь неофициально, – признался я.

– Это мы уже выяснили. Что вам известно о Сильви Симонис?

У меня все больше пересыхало во рту:

– Ничего. Я прочел всего две статьи. В «Эст републикен» и в «Курье де Юра».

– Почему вас интересует это дело?

– Оно интересовало одного из моих коллег – Люка Субейра.

– Никогда не слышал о таком.

– Он пытался покончить с собой. Теперь он в коме. Он мой друг, и я должен знать, что за мысли его одолевали, когда он принимал это... решение.

Я вынул из кармана и положил на стол фотографию Люка.

– Никогда его не видел, – сказал он, едва взглянув. – Вы просчитались. Если бы ваш друг явился сюда, чтобы вынюхивать про это дело, он бы меня не миновал. Я возглавляю следственную группу.

Черные зрачки смотрели жестко, словно сверля мне череп. Он продолжал:

– А в связи с чем его интересовала эта история?

Не мог же я ответить: «Потому что его преследовала мысль о дьяволе».

– Из-за тайны.

– Какой еще тайны?

– Причина смерти. Необычное разложение трупа.

– Вы лжете. Не приехали же вы сюда, чтобы разузнать о мушиных личинках!

– Клянусь, мне больше ничего не известно.

– И вы не знаете, кем была Сильви Симонис?

– Нет. Я затем и приехал, чтобы узнать.

Офицер взял свой стаканчик и подул на кофе.

На какой-то миг я поверил, что он готов дать мне информацию, но ошибся.

– Скажу вам прямо, – отрезал он. – Мне известны ваше имя, имя вашего дивизионного комиссара и все остальное. Все это имеется в вашей регистрационной карте. Если вы уедете, то я не дотронусь до телефона. Но если завтра я узнаю, что вы все еще болтаетесь здесь... вас ждут большие неприятности!

Я медленно выпил кофе. В нем не было ни вкуса, ни запаха – он казался нереальным. Подделка, как и оказанный мне прием. Я поднялся и пошел к двери. Жандарм бросил мне вдогонку:

– У вас в распоряжении целый день. Вы вполне успеете посетить форт Вобан.

Я ехал к центру города, где находился офис агентства «Франс пресс». Оставив машину у площади Пастера, я углубился в пешеходный квартал. Агентство я разыскал с трудом: оно ютилось в мансарде жилого дома ничем не примечательной архитектуры. Жоэль Шапиро с наслаждением выслушал мою историю:

– Ничего не скажешь, они приняли вас с распростертыми объятиями!

Он был совсем молод, но уже с изрядной лысиной. Голый череп обрамляли кудряшки на манер лаврового венка. В качестве компенсации он отрастил козлиную бородку. Я продолжал обращаться к нему на «ты»:

– Чем ты объяснишь такое отношение?

– Заговор молчания. Они не хотят, чтобы что-нибудь просочилось.

– А ты со своей стороны за эти месяцы ничего нового не узнал?

Он захватил из коробки полную пригоршню кукурузных хлопьев – завтрака чемпионов:

– Глухо. Поверьте мне, все шито-крыто. А в моем положении не просто что-нибудь разнюхать.

– Почему?

– Я не местный. Здесь, в Юра, грязное белье на людях не стирают.

– А ты давно здесь?

– Полгода. Просился в Ирак, а получил Безак!

– Безак?

– Так они называют Безансон.

– Сарразен намекнул на необычную личность жертвы, Сильви Симонис.

– Здесь это важно.

– Речь о детоубийстве?

– Не то чтобы. Ничего не доказано. Было три других подозреваемых. И все закончилось ничем.

– Выходит, убийца так и не был найден?

– Нет. И вот Сильви Симонис сама умирает при подозрительных обстоятельствах. Представьте себе, что то же самое произошло бы с Кристиной Вильмен? Вдруг стало бы известно, что она убита?

– Корина Маньян заверила меня, что версия убийства не нашла подтверждения.

– Еще бы! Об этом решили молчать. Тем все и кончилось...

Я разглядывал полки под покатой крышей мансарды, забитые серыми папками с делами и коробками с фотографиями.

– У тебя есть статьи или фотографии того времени? Я имею в виду восемьдесят восьмой год.

– Нет. Мы держим у себя материалы только за последние десять лет, остальные возвращаем в центральный архив, в Париж.

– А разве в июне ты их снова не запрашивал?

– Запрашивал, но все отправил обратно. Да и материалов-то было немного.

– Вернемся к Сильви Симонис. У тебя есть снимки тела?

– Ни одного.

– Что тебе известно про аномалии в разложении трупа?

– Только слухи. Похоже, что местами он разложился до костей. Но зато лицо ничуть не изменилось.

– И больше ты ничего не узнал?

– Я расспросил Вальре, судмедэксперта из Безансона. По его словам, такое встречается нередко. Он привел мне примеры, когда за долгие годы тела совершенно не разложились, в частности тела канонизированных святых.

– Да, случается, что труп не разлагается совсем, но не бывает так, чтобы он разложился наполовину.

– Лучше бы вам поговорить с самим Вальре. Вот дока! Он из Парижа, но там у него были неприятности.

– Какие именно?

– Не в курсе.

Я попробовал зайти с другой стороны:

– Кое-кто считает, что речь идет о сатанинском убийстве. Ты об этом что-то знаешь?

– Нет, о таком никогда не слышал.

– А что ты можешь сказать о монастыре?

– Монастырь Богоматери Благих дел? Он не действующий. Я хочу сказать, там больше нет ни монахов, ни монахинь. Это своего рода убежище, приют. Там отдыхают миссионеры, ищут уединения те, кто в трауре.

Я поднялся:

– Съезжу-ка я в Сартуи.

– Я с вами!

– Если хочешь быть полезным, – сказал я, – наведайся лучше в суд. Выясни, какую реакцию вызвал мой визит.

Казалось, он был разочарован. Я решил его подбодрить:

– Потом я тебе позвоню.

В заключение я показал ему фотографию Люка:

– Ты видел здесь этого человека?

– Нет. А кто это?

Можно подумать, что Люк и не появлялся в Безансоне. Я молча пошел к выходу.

– Последний вопрос, – сказал я, стоя на пороге. – Ты знаком с местными журналистами? Из Сартуи?

– Конечно. Жан-Клод Шопар из «Курье де Юра». Он занимался тем, первым делом. Даже книгу хотел написать.

– Думаешь, он мне что-нибудь скажет?

– По сравнению с ним я просто молчун!

28

– Судмедэксперт по фамилии Вальре? Никогда о таком не слышал.

Я ехал на юго-запад к кварталу Плануаз, где находится больница Жан-Менжоз, и разговаривал по мобильнику со Свендсеном. Он знал всех крупных патологоанатомов во Франции и даже в Европе. Не может быть, чтобы он не слышал о специалисте, «доке» из Парижа. Шапиро говорил еще что-то о «неприятностях». Может, в столице у Вальре была другая специальность? Судебная медицина иной раз становится прибежищем для тех, кто боится лечить живых.

– Он работает в Жан-Менжоз в Безансоне. Можешь навести справки? Думаю, у него были в свое время проблемы в Париже.

– Не иначе, трупы в шкафу?

– Очень смешно. Займешься этим? Дело срочное.

Свендсен засмеялся:

– Держи линию свободной, птенчик.

Я убрал мобильник и въехал на стоянку при больнице. Больница представляла собой мрачное бетонное здание с узкими окнами, без сомнения, построенное в пятидесятые годы. На втором этаже висели плакаты: «Нет – асфиксии!», «Даешь пособия, а не сокращения!»

Я закурил и, барабанив пальцами по рулю, отсчитывал минуты. Действовать следовало быстро: капитан Сарразен от меня так просто не отвяжется. Он не только будет следовать за мной по пятам, но и постарается предвосхитить мои действия. Может, он уже позвонил Вальре... Звонок мобильника заставил меня вздрогнуть.

– Похоже, этому типу пришлось ограничиться трупами.

Я взглянул на часы: Свендсену и шести минут не понадобилось, чтобы все разузнать.

– Прежде он был хирургом-ортопедом. Говорят, отличным, но перенес депрессию, и это отразилось на его работе. Он сделал неудачную операцию.

– Что ты хочешь этим сказать?

– У ребенка была инфекция. Во время операции Вальре задремал и повредил мышцу. Теперь мальчишка хромает.

– Как он мог заснуть?

– Он выпивал и злоупотреблял антидепрессантами. Для хирурга хуже не придумаешь...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.